

ТБ 80
ГЕНЕРАЛЪ А.И. ДЕНИКИНЪ

СТАРАЯ АРМІЯ

■ ■

BIBLIOTHEQUE RUSSE
TOURGUENEV
9, Rue du Val-de-Grâce 9

ПАРИЖЪ

Старый мир

Том 10

Издательство «Беларусь»

- I. 1951 г.
- II. 1952 г.
- III. 1953 г.
- IV. 1954 г.
- V. 1955 г.
- VI. 1956 г.
- VII. 1957 г.
- VIII. 1958 г.
- IX. 1959 г.
- X. 1960 г.

Того же автора:

Очерки русской смуты:

т. I. Парижъ. 1921 г.

т. II. Парижъ. 1922 г.

т. III. Берлинъ. 1924 г.

т. IV. Берлинъ. 1925 г.

т. V. Берлинъ. 1926 г.

Офицеры (очерки). Парижъ. 1928 г.

Старая армія, т. I. Парижъ. 1929 г.

ас
10279

ТБ80

Генералъ А. Деникинъ

112474

1964 г.

Старая армія

BIBLIOTHEQUE RUSSE
TOURGUENEV
9, Rue du Val-de-Grâce, 9

26.712.

ПАРИЖЪ

ИЗДАНИЕ КНИЖНАГО ДВЛА «РОДНИКЪ»,
LIBRAIRIE «LA SOURCE», 106, RUE DE LA TOUR, PARIS

1 9 3 1

Литература А. С. Савича

В И М Д В Р С Q T O

Перепечатка воспрещается
— Tous droits réservés —
Copyright 1931 by the author

ИЗДАТЕЛЬСТВО
УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОГО ЦЕНТРА
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1931

BIBLIOTHÈQUE RUSSE
TOURGUENEV
9, Rue de Val-de-Misèe. PARIS

Эта книга — второй томъ бытовыхъ очерковъ изъ цикла «Старой арміи».

Я не претендую на всестороннее изслѣдованіе ея прошлой жизни. Мои очерки — только отраженіе видѣннаго, слышаннаго и пережитого на протяженіи 30 лѣтъ фактической службы въ пяти военныхъ округахъ, въ трехъ кампаніяхъ.

Пишу о свѣтломъ и о темномъ. Русская армія имѣетъ довольно заслугъ, чтобы не бояться обнаруженія ея недостатковъ. Тѣмъ болѣе — памятуя Суворовское поученіе: «нужнѣе непріятное извѣстіе для преодоленія, нежели пріятное для утѣшенія».

ВЪ ЮНКЕРСКОМЪ УЧИЛИЩѢ.

I.

Въ концѣ 80-хъ годовъ для комплектованія арміи офицерами существовали училища двухъ типовъ.

Военныя училища, имѣвшія однородный составъ по воспитанію и образованію, такъ какъ комплектовались они преимущественно юношами, окончившими кадетскіе корпуса. Они выпускали своихъ питомцевъ офицерами во всѣ роды оружія, съ однимъ или двумя годами старшинства въ подпоручичьемъ (корнетскомъ) чинѣ.

Юнкерскія училища предназначались для молодыхъ людей «со стороны» и открывали свои стѣны для вольноопредѣляющихся всѣхъ категорій и всѣхъ сословій. Огромное большинство поступавшихъ не имѣло законченнаго средняго образованія. Это обстоятельство придало училищамъ характеръ второсортности, питомцевъ ихъ ограничивало въ правахъ выпуска и въ обществѣ создало имъ огульную репутацію «неудачниковъ». Между тѣмъ, въ этой категоріи встрѣчалось не мало людей, избравшихъ военную карьеру по призванію, способныхъ и достойныхъ. Множество юношей приводила въ юнкерскія училища классическая система образованія, Толстовско-Деяновскій режимъ и греко-латынь. Въ періодъ съ 1872 по 1890 годъ, напри- мѣръ, изъ русскихъ гимназій было исключено за мало-успѣшность отъ 63 до 79% первоначально поступившихъ учениковъ... Не малое число ихъ шло въ полки вольно-опредѣляющимися, потомъ въ юнкерскія училища. Такъ

какъ 6-й классъ гимназіи давалъ права I разряда по отбыванію воинской повинности, то на переходномъ экзаменѣ изъ 6-го класса въ 7-й обычно ставили удовлетворительный баллъ малоуспѣвавшимъ по древнимъ языкамъ гимназістамъ — «подъ честнымъ словомъ», что они оставляютъ гимназію и поступаютъ на военную службу...

Такимъ образомъ, классическая система, которая по мысли ея творца, министра народнаго просвѣщенія графа Д. А. Толстого, должна была предохранять юношество отъ нигилизма и матеріалистическихъ ученій, и съ другой стороны — преграждать или, по крайней мѣрѣ, затруднять доступъ въ среднюю школу дѣтей изъ низшихъ общественныхъ классовъ, приводила косвенно къ результатамъ, министерствомъ не предусмотрѣннымъ: въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ эта система питала юнкерскія школы и офицерскій корпусъ элементомъ вовсе не плохимъ.

Изъ числа дѣйствительныхъ неудачниковъ, въ юнкерскія училища поступали въ довольно большое число воспитанники четырехъклассныхъ военныхъ школъ — Ярославской и Вольской, которые имѣли въ прежнее время характеръ исправительныхъ заведеній для кадетъ малоуспѣвавшихъ (первая) и дурного поведенія (вторая). Впослѣдствіи эти школы были преобразованы въ нормальные кадетскіе корпуса.

Наконецъ, въ юнкерскія училища поступало небольшое число сверхсрочныхъ солдатъ — фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ пѣхоты и артиллеріи. Эти люди, обычно съ огромнымъ трудомъ добивавшіеся свидѣтельства 4-хъ классовъ, степенные, пожилые, представляли нѣкоторый контрастъ съ молодымъ населеніемъ училища; и отличались вполне установившимся характеромъ и большимъ трудолюбіемъ.

До поступленія въ училище лица безъ законченнаго средняго образованія должны были прослужить въ войскахъ въ теченіе года. Курсъ училища былъ двухлѣтній; программа — меньшая по объему, чѣмъ въ военныхъ.

Юнкерскія училища выпускали своихъ питомцевъ въ пѣхоту — подпрапорщиками и въ кавалерію — эстандартъ-юнкерами. Эти чины до производства въ офицеры находились въ довольно неопредѣленномъ бытовомъ и служебномъ положеніи отъ 3 мѣсяцевъ до нѣсколькихъ лѣтъ — въ зависимости отъ успѣшности окончанія училища, удостоенія начальства и наличія вакансій. Въ однихъ полкахъ ихъ принимали въ офицерскую среду всецѣло, въ другихъ — съ извѣстными ограниченіями.

Въ 88 году было создано училище третьяго типа, съ очень неуклюжимъ названіемъ: «Московское юнкерское училище съ военно-училищнымъ курсомъ». Программа наукъ въ немъ была та-же, что и въ военныхъ училищахъ, такія же права, и принимались туда только вольноопредѣляющіеся съ законченнымъ высшимъ или среднимъ образованіемъ; для первыхъ былъ установленъ одногодичный курсъ, для вторыхъ — двухгодичный.

Въ 90 году наплывъ въ Московское училище былъ столь великъ, что не только штаты, но и стѣны его не могли вмѣстить желающихъ. Военное вѣдомство открыло тогда «военно-училищные курсы» (двухгодичные) при Кіевскомъ пѣхотномъ юнкерскомъ училищѣ, а черезъ два года и при Елисаветградскомъ кавалерійскомъ.

Къ 96 году военно-училищные курсы дали арміи 2531 офицера, изъ которыхъ 344 — съ университетскимъ образованіемъ. Официальный отчетъ отмѣчалъ, что курсы «успѣли создать себѣ добрую репутацію въ арміи, гдѣ по отзывамъ многихъ начальниковъ частей питомцы курсовъ цѣнились весьма высоко по ихъ развитію, знанію службы и безупречному поведенію».

Свое неуклюжее названіе училища эти носили въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, пока ихъ не переименовали въ «военныя». Но и тогда законъ дѣлалъ нѣкоторое различіе въ ихъ комплектованіи: въ старыя училища принимались преимущественно дѣти дворянъ и служилаго сословія; въ Елисаветградское кавалерійское, кромѣ того, дѣти почетныхъ

гражданъ и купцовъ *); наконецъ, въ Московское и Кіевское — молодые люди всѣхъ сословій. Только съ 13-го года всѣ военныя училища стали всесословными.

Въ 80-хъ годахъ соотношеніе выпускаемыхъ изъ военныхъ и юнкерскихъ училищъ было 26% и 74%. Въ 90-хъ — оно измѣнилось значительно: военныя училища стали выпускать 45% офицеровъ, тогда какъ юнкерскія 55% — норма болѣе даже благоприятная, чѣмъ существовавшая въ то время во французской арміи.

Въ 1901 году юнкерскія училища подверглись коренному преобразованію. Въ училищахъ новаго типа, помимо болѣе строгихъ условій приѣма, былъ введенъ трехлѣтній курсъ, дававшій возможность не только пройти военныя науки по полной программѣ военныхъ училищъ, но и закончить среднее образованіе. Въ 03 году произведены были послѣдніе подпрапорщики и эстандартъ-юнкера, и эти званія упразднены. Юнкеровъ стали выпускать подпоручиками (корнетами). То обстоятельство, что военное вѣдомство могло предъявить повышенныя образовательныя требованія къ юнкерскимъ училищамъ, служило показателемъ какъ повышенія общаго уровня образованія въ странѣ, такъ и нѣкоторой перемѣны во взглядахъ общества на офицерское званіе. . .

Въ первый же годъ явилось къ экзаменамъ въ юнкерскія училища 3615 молодыхъ людей; въ 02 году эта цифра возросла до 4748. Юноши, окончившіе среднія учебныя заведенія, принимались безъ конкурса, послѣ повѣрочнаго испытанія по русскому языку; неокончившіе — подвергались полному экзамену и жестокому конкурсу: въ 02 году держало полный экзамень 3200, выдержало 1526 и поступило 740, т. е. 23% державшихъ. . . Любопытно, что юноши этой второй категоріи, по свидѣтельству многихъ учебныхъ совѣтовъ, проходили курсъ училища успѣшнѣе, чѣмъ первой.

*) Эти категоріи черезъ нѣкоторые кадетскіе корпуса имѣли доступъ и въ старыя военныя училища.

Доступъ въ офицерскіе питомники дѣйствительнымъ неудачникамъ былъ, такимъ образомъ, уже закрытъ.

Съ 1907 года военное вѣдомство приступило къ окончательной ликвидаціи юнкерскихъ училищъ, постепенно вводя въ нихъ военно-училищный курсъ. Реформа закончилась въ 11 году, когда всѣ училища стали «военными».

Съ тѣхъ поръ военныя училища, если и не были вполне удовлетворены комплектующимъ ихъ контингентомъ, то не по квалификаціи его, а только по качеству познаній. И въ этомъ отношеніи раздѣляли участь всѣхъ высшихъ и спеціальныхъ учебныхъ заведеній. Ибо въ эти годы русская средняя школа претерпѣвала кризисъ. Большое собраніе преподавателей столичныхъ гимназій, созванное по инициативѣ попечителя Петербургскаго округа въ 07 году, констатировало «упадокъ грамотности среди учениковъ и умѣнья владѣть письменной и устной рѣчью... Пониженіе общаго уровня познаній и развитія»... Причины этого явленія педагоги видѣли «въ отмѣнѣ экзаменовъ, въ тяжеломъ гнетѣ родительскихъ комитетовъ и въ угрозахъ... въ зависимости учителей и въ заботѣ ихъ о кускѣ хлѣба».

Къ этому перечню необходимо добавить общее паденіе школьной дисциплины — и сверху, и снизу — вызванное смутными годами первой революціи. Обстоятельство, котораго или вовсе не испытала, или преодолѣла военная школа.

* * *

«Шморгонскія академіи» *) — такъ иронически назывались въ военной средѣ дореформенныя юнкерскія училища — отошли въ прошлое. Слово «шморгонецъ» сохра-

*) Въ Виленской губ. есть мѣстечко Сморгонь, гдѣ въ старое время существовало знаменитое заведеніе для дрессировки молодыхъ медвѣдей. Отсюда, вѣроятно, произошло названіе «Сморгонская» (или «Шморгонская») академія.

нило обидный смысл и понинѣ. Не только общественное мнѣніе, но и законодательство ставило низко цензъ юнкерскаго училища, не признавая даже за реформированными въ 01 и окончательно въ 07 году училищами правъ средняго учебнаго заведенія. Такъ, офицеры, окончившіе юнкерское училище, не допускались въ военныя академіи (кромя Акад. Генер. штаба), безъ предварительнаго экзамена за среднее учебное заведеніе; для вышедшихъ въ запасъ закрытъ былъ рядъ гражданскихъ должностей и т. д. Только въ 09 году — и то по частному поводу — Государственный Совѣтъ, обсуждая полномочія одного изъ своихъ членовъ по выбору, призналъ соотвѣтствіе юнкерскаго училища среднему учебному заведенію.

Но и дореформенныя училища заслуживали большаго вниманія. Вѣдь въ свое время — въ срединѣ шестидесятихъ годовъ — появленіе юнкерскихъ училищъ было большимъ прогрессомъ. Ибо до того времени только 25% офицеровъ выходило изъ старыхъ кадетскихъ корпусовъ, а остальные три четверти, не получая вовсе школьнаго военного образованія, производились послѣ весьма поверхностнаго, зачастую анекдотическаго экзамена, изъ прежняго званія «юнкеровъ» или изъ старыхъ солдатъ. Въ формулярѣ многихъ офицеровъ значилось тогда: «общее образованіе получилъ дома, военное — на службѣ»...

Общество не дооцѣнило ту незамѣтную, но серьезную роль, которую сыграли старыя юнкерскія училища въ переходную эпоху, послѣдовавшую за великими реформами. Когда смѣнялся чисто дворянскій обликъ офицерскаго корпуса всесословнымъ, шель отливъ изъ его рядовъ, а третій элементъ только еще укрѣплялся. Къ 90-мъ годамъ въ пѣхотѣ было до 80% офицеровъ, выпущенныхъ изъ юнкерскихъ училищъ. Въ 90-хъ годахъ въ штабъ-офицеры производилось такихъ лицъ въ пѣхотѣ 83—92%, въ кавалеріи — 73—88%. Даже передъ великой войной ихъ было болѣе половины...

Офицеры этой категоріи предотвратили въ свое время

кризисъ, назрѣвавшій въ русскомъ офицерскомъ корпусѣ. Многие изъ нихъ трудомъ и характеромъ пробивали себѣ путь и въ Академію (7—12% выпускныхъ), и къ высшимъ военнымъ постами и достойно провели четыре кампании. Извѣстно, что генералы М. В. Алексѣевъ, гр. Келлеръ, Левицкій, Сиверсъ, Гернгросъ, Стельницкій, Станкевичъ и многіе др. вышли изъ юнкерскихъ училищъ стараго типа.

II *)

Поступивъ въ 1890 году, послѣ окончанія реального училища, вольноопредѣляющимся въ I стрѣлк. полкъ и прослуживъ въ немъ по собственному желанію четыре мѣсяца **), я былъ командированъ въ «Кіевское юнкерское училище съ военно-училищнымъ курсомъ», только въ томъ году открытымъ. Собралось насъ тамъ около 90 человекъ. Для классныхъ занятій мы были распределены по тремъ отдѣленіямъ, съ особымъ составомъ преподавателей, а во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ — размѣщенія, довольствія и строевого обученія — насъ слили съ юнкерами «юнкерскаго курса». Большія преимущества наши по правамъ выпуска вызывали въ нихъ невольно ревнивое чувство. Но, тѣмъ не менѣе, такое сожительство двухъ разноправныхъ группъ юнкеровъ длилось мирно до 1893 года, когда «юнкерскій курсъ» въ Кіевѣ былъ упраздненъ вовсе, а оставшіеся слушатели его были переведены въ Чугуевское юнкерское училище.

Старинное крѣпостное зданіе, со сводчатыми стѣнами-нишами, съ окнами, обращенными на Печерскъ, и съ амбра-

*) Въ составленіи этого и слѣдующаго очерковъ помогъ мнѣ своими воспоминаніями полковникъ А. А. Ивановъ — мой однокашникъ по училищу и товарищъ по бригадѣ.

**) Для поступленія въ училище требовалось только зачисленіе въ полкъ.

зурами, глядящими въ поле, къ Днѣпру... Жизнь, замкнутая въ четырехъ стѣнахъ, да еще въ небольшомъ садикѣ возлѣ зданія, за которыми начинался запретный міръ, доступный только въ отпускные дни... Строгое и точное, по часамъ и минутамъ, распisanіе повседнежнаго обихода... День и ночь, работа и досугъ, даже интимныя отправленія — все на людяхъ, подъ обстрѣломъ десятковъ любопытныхъ или равнодушныхъ взоровъ... И только, когда угомонится шумный человѣческой улей, притушать на половину керосиновыя лампы, и казематы заснуть неровнымъ сномъ, прерываемымъ чьимъ то шопотомъ, чьимъ то бредомъ — чувствуешь себя до извѣстной степени наединѣ съ собой.

Для людей съ воли — гимназистовъ, реалистовъ, студентовъ — было ново и непривычно это полусвободное существованіе. Только много времени спустя имъ становилась понятной необходимость извѣстнаго ригоризма, самоограниченія, внутренней дисциплины, безъ которыхъ жизнь коллектива, въ особенности военнаго, была бы не только тягостной для самихъ сочленовъ его, но прямо таки невозможной.

Постепенно молодые юнкера привыкали къ училищному режиму и привязывались къ училищу. Но по началу нѣкоторые, ослабѣе духомъ, приходили въ уныніе и, тоскливо слоняясь по неуютнымъ казематамъ, раскаивались въ выборѣ карьеры. Въ тихія ночи благоуханной южной весны въ открытыя амбразурахъ просиживали по цѣлымъ часамъ мечтатели, въ томительномъ созерцаніи поля, ночи и воли, ... покуда тихое покашливаніе дневальнаго не предупредитъ объ обходѣ дежурнаго офицера. Бывали и такіе «бродяги» въ душѣ, которые, рискуя непремѣннымъ исключеніемъ изъ училища за «самовольную отлучку», спускались на жгутахъ изъ простынь черезъ амбразуру внизъ, на пустырь. И уходили въ поле, на берегъ Днѣпра. Бродили тамъ часами и передъ разсвѣтомъ условленнымъ тихимъ свистомъ, при помощи дневальнаго вызывали «соумышленниковъ», подымавшихъ ихъ наверхъ.

Лично я не так ужъ тяготился юнкерскимъ режимомъ. Всѣ мои дѣтскіе досуги проходили въ близкомъ общеніи со стрѣлками, драгунами и пограничниками, квартировавшими въ 70—80-хъ годахъ въ городѣ Влацлавскѣ. Гимнастическій городокъ, манежъ, стрѣльбище, полковыя ученья, купанье лошадей въ Вислѣ — все это было полно неотразимаго обаянія, увлекало и, вмѣстѣ съ разсказами отца — стараго воина, задолго до поступленія на службу вводило въ своеобразный и красочный военный бытъ. Я шель по призванію.

Разъ въ недѣлю, по воскресеньямъ, юнкера пользовались отпускомъ, кромѣ наказанныхъ и состоявшихъ «въ 3-мъ разрядѣ по поведенію». «Третій разрядъ» — особое штрафное положеніе. Кромѣ моральнаго ущерба и служебныхъ ограниченій, оно грозило крупными неприятностями при выпускѣ: юнкеръ, не переведенный въ высшій разрядъ, выходилъ въ полкъ въ юнкерскомъ званіи, и только по истеченіи полугода полкъ могъ возбуждать представленіе объ его производствѣ. Юнкера I разряда по поведенію и состоявшіе въ хорѣ пѣвчихъ отпускались еще въ четвергъ послѣ занятій.

Лишеніе отпуска было весьма чувствительнымъ наказаніемъ. Оно накладывалось и за дурное поведеніе, и за неудовлетворительный баллъ. Только дни училищнаго праздника и удачныхъ смотровъ приносили всеобщую амнистію. Впрочемъ, изрѣдка, юнкера ухитрялись ходить въ городъ и самовольно, пользуясь слабостью или оплошностью дежурныхъ офицеровъ.

Въ отпуску веселились по средствамъ и по вкусамъ. Ходили къ роднымъ и знакомымъ, гуляли до изнеможенія по прекраснымъ кievскимъ садамъ, ухаживали, влюблялись; стайками ходили въ излюбленные кабачки и пивныя, иногда въ мѣста похуже — на Ямки... Къ услугамъ немногихъ, впрочемъ, безшабашныхъ кутилъ была тутъ же, подѣ бокомъ квартира училищнаго ламповщика Ивана, который

устраивалъ пирушки ргіх фіхе — по 3 рубля съ персоны, включая и «прочія удовольствія».

По четвергамъ, когда времени было мало, любили захаживать въ гостиницу сосѣдней Кіево-Печерской лавры, въ палаты для «чистыхъ богомольцевъ», гдѣ полно было народу со всѣхъ концовъ Руси, гдѣ столбомъ стоялъ паръ отъ чайниковъ и смѣшивались въ сплошномъ гулѣ пѣвучій и окающій говорки. Туда же ходили мы на масленой — покушать блиновъ на экономическихъ началахъ. Монастырскіе служки радушно встрѣчали юнкеровъ; какой то ихъ старшій, отецъ Евтихій, «въ міру прапорщикъ запаса», какъ онъ рекомендовался, велъ съ нами безконечные разговоры на военные темы. А иногда, придя въ хорошее настроеніе, доставалъ изъ подъ подрясника «незаконное приложеніе» къ блинамъ, подливая въ чайныя кружки.

— Не влетѣло бы...

— Не сумлевайтесь! Я здѣсь — начальникъ, вродѣ какъ бы комендантъ.

Возвращались изъ отпуска — къ вечерней переключкѣ, а «отпущенные до позднихъ» — послѣ окончанія спектаклей. Опоздать — Боже сохрани! У городской думы въ отпускные дни дожидались два лихача — Антонъ и Филиппъ — изъ особой симпатіи къ юнкерамъ доставлявшіе ихъ «единымъ духомъ» на Печерскъ — въ кредитъ, иногда долгосрочный — до самаго выпуска. А у кого не было ни денегъ, ни кредита, тотъ летѣлъ къ «Собачьему спуску» — тропѣ, что начиналась за женскимъ институтомъ, и безлюдными мѣстами выводила напрямикъ къ училищу. Сниметъ поясъ и шинель и мчится на легкѣ во весь духъ, чтобы обогнать часовую стрѣлку, приближающуюся къ роковой чертѣ... Минута въ минуту! Одновременно съ боемъ часовъ въ пріемной, рапортуетъ, задыхаясь, дежурному офицеру:

— Господинъ поручикъ, юнкеръ I роты N является...

Самовольно отлучившіеся возвращались, конечно, тайкомъ. Можно было — черезъ помещеніе барабанщиковъ, но это стоило не менѣе двухъ рублей... Обыкновенно про-

бирались через классныя комнаты, расположенныя въ нижнемъ этажѣ. Тамъ вечеромъ — тишина, юнкера готовятся къ очередной репетиціи. Осторожный стукъ въ окно... «Соучастники» услышали: одинъ становится на постъ у стеклянныхъ дверей, другой открываетъ окно, въ которое летятъ штыкъ, фуражка и шинель; ихъ прячутъ подъ парты; вслѣдъ за ними прыгаетъ въ окно юнкеръ и тотчасъ же углубляется въ книгу. Потомъ ужъ общими силами проносятъ въ роту компрометирующіе выходныя предметы. Труднѣе всего съ шинелью... Юнкеръ одѣваетъ ее въ накидку и съ опаской идетъ въ роту. Навстрѣчу, на несчастье, дежурный офицеръ.

— Вы почему въ шинели?

— Что то знобитъ, господинъ капитанъ.

Капитанъ смотритъ испытующе. Во взглядѣ — сомнѣніе. Быть можетъ и самого когда то «знобило»...

— Вы бы въ лазаретъ пошли...

— Какъ нибудь перемогусь, господинъ капитанъ.

* * *

Пьянства, какъ широкаго явленія, въ училищѣ не было. Но бывало, что нѣкоторые юнкера возвращались изъ города подъ хмѣлькомъ, и это обстоятельство вызывало большія осложненія: за пьяное состояніе грозило отчисленіе отъ училища (на юнкерскомъ жаргонѣ — «вставить перо»), за «винный духъ» — арестъ и третій разрядъ по поведенію...

Если юнкеръ могъ, не особенно запинаясь, отрапортовать — это еще съ полъ горя. Если же нѣтъ, то пришлось выручать его другимъ. Обыкновенно кто-нибудь изъ пришедшихъ одновременно старался подбросить картонъ съ личнымъ номеромъ подвыпившаго въ ящикъ, стоявшій въ дежурной комнатѣ. Но если дежурный офицеръ, отдыхавшій за перегородкой, бывалъ исполнителемъ и выходилъ къ каждому приходящему, оставалась лишь одна

героическая мѣра, требовавшая самопожертвованія: вмѣсто выпившаго являлся одинъ изъ его друзей, конечно, въ томъ лишь случаѣ, когда дежурный офицеръ не зналъ ихъ въ лицо. Не всегда такая подмѣна удавалась... Однажды подставной юнкеръ К. рапортовалъ капитану Л-му:

— Господинъ капитанъ, юнкеръ Р. является...

Но подъ пристальнымъ взглядомъ Л-го голосъ его дрогнулъ и глаза забѣгали. Л-ій оборвалъ рапортъ:

— Приведите ко мнѣ юнкера Р., когда проспится.

Когда утромъ оба юнкера въ волненіи и страхѣ предстали передъ Л-имъ, капитанъ обратился къ Р.:

— Ну-съ, батенька, видно вы не совсѣмъ плохой человекъ, если изъ за васъ юнкеръ К. рискнулъ своей судьбой наканунѣ выпуска. Губить васъ не хочу. Ступайте въ роту!

И не доложилъ по начальству.

Юнкерская психологія воспринимала кары за пьянство какъ нѣчто суровое, но неизбѣжное. Но преступности «виннаго духа» не признавала. Не говоря уже о расплывчатости формъ этого прегрѣшенія, училищный режимъ и общественная мораль находились въ этомъ вопросѣ въ полной коллизіи. Великовозрастные по большей части юнкера (18—23 г.; бывали и подъ 30), бывая въ городѣ, въ обществѣ и встрѣчаясь тамъ иногда со своими начальниками-офицерами, на равныхъ со всѣми началахъ участвовали въ бесѣдахъ, трапезѣ и возліаніи. Но, переступая порогъ училища, они лишались общественного иммунитета.

Къ юнкеру Х., бывшему студенту, пріѣхалъ изъ дальней губерніи отецъ, всего на день. Огпущенный «до позднихъ» юнкеръ провелъ день съ отцомъ, побывали вмѣстѣ въ театрѣ, потомъ скромно поужинали. Х. вернулся трезвымъ и столкнулся въ пріемной съ начальникомъ училища, который въ эту ночь, какъ на несчастье, дѣлалъ обходъ. Отрапортовалъ ему. Полковникъ не сказалъ ни слова, а на другой день появился приказъ о переводѣ юнкера въ 3-ій разрядъ «за винный духъ». Х., глубоко обиженный, не желая оставаться въ положеніи штрафованнаго, бросилъ

училище и вернулся въ полкъ. Потерявъ годъ, поступилъ заново и окончилъ блестяще.

Другой эпизодъ еще характернѣе.

Юнкеръ Н. послѣ весело проведенныхъ именинъ въ знакомомъ домѣ возвратился въ училище на одномъ извожикѣ со своимъ ротнымъ командиромъ, капитаномъ Ж. — оба въ хорошемъ настроеніи и подъ хмѣлькомъ. Ротный пошелъ въ свою квартиру, а Н. — являться дежурному офицеру. И за винный духъ юнкеръ былъ смѣщенъ съ должности взводнаго, арестованъ на мѣсяць и переведенъ въ 3-ій разрядъ. Н. претерпѣлъ и даже къ выпуску сумѣлъ вернуть себѣ нашивки и «1-й разрядъ»... Но впоследствии, не продержавшись и двухъ лѣтъ въ офицерскомъ званіи, былъ удаленъ изъ части и скоро опустился на дно.

Училищный режимъ, за рѣдкими исключеніями, подходилъ съ одинаковой мѣрой и къ сильнымъ, и къ слабымъ, къ установившимся людямъ и зеленымъ юнцамъ, къ нравственнымъ и порочнымъ, соблюдая формальную справедливость и отменяя психологію. Эпизоды съ Н. и К. возмущали юнкерскую совѣсть. Въ нихъ мы видѣли только произволь и фарисейство, такъ какъ въ то время въ арміи существовала казенная «чарка», и не проводился вовсе сухой режимъ; да и училищное начальство не было пуританами...

А, между тѣмъ, этотъ утрированный ригоризмъ имѣлъ по существу благую цѣль: ударивъ по единицамъ, предохранить сотни отъ многихъ злоключеній въ дальнѣйшей ихъ жизни.

Только разъ въ году — въ день училищнаго праздника — начальство закрывало глаза на всѣ наши прегрѣшенія. За недѣлю или за двѣ, освобожденные отъ всѣхъ нарядовъ и ученій, нѣсколько юнкеровъ-любителей раздѣлывали мрачную столовую подъ танцевальный залъ: рисовали плафоны, клеили лампіоны, вязали гирлянды, устраивали гостинную, «уголки» и т. д.

Днемъ бывалъ парадъ и торжественный обѣдъ — съ

пирожными и полъ-бутылкой вина. Между юнкерскими столами располагался длинный столъ для начальства и приглашенныхъ — однокашниковъ, кievлянъ. Тамъ вспоминали прошлое, произносили горячія рѣчи, тосты, которые горячо принимались юнкерами. Самъ грозный командующій, генераль Драгомировъ былъ однажды на праздникѣ, въ годъ освященія пожалованнаго училищу знамени (1898). Рассказываютъ, какъ за обѣдомъ М. И., къ смущенію училищнаго начальства, захватилъ съ центрального стола бутылокъ — сколько могъ — и отнесъ ихъ первому взводу 1-й роты.

— Мнѣ врачи запретили пить. Выпейте за меня. . .

А вечеромъ, возвращаясь домой, у самого дворца увидѣлъ отпущеннаго въ городъ, «пообѣдавашаго» юнкера, мирно спящаго на тумбѣ. . . М. И. доставилъ его на своей пролеткѣ въ училище и, сдавая дежурному горнисту, сказалъ:

— Ты меня знаешь? Осторожно доведи господина юнкера въ роту. Да не говори дежурному офицеру. . . Понялъ? Веди!

Вечеромъ — балъ. Въ этотъ день, кромѣ виннаго духа, допускался и лакированный поясъ, и діагональныя штаны въ обтяжку, и «кованные галуны». Нельзя же было, въ самомъ дѣлѣ, ударить лицомъ въ грязь передъ какимъ-нибудь залетнымъ юнкеромъ Елисаветградскаго кавалерійскаго училища, который своими умопомрачительными реитузами привлекалъ вниманіе дамъ и возбуждалъ черную зависть въ сердцахъ пѣхотныхъ кавалеровъ. . .

Танцевали до упаду, веселились до разсвѣта, пропадали безъ всякихъ формальностей на всю ночь, привозя и увозя своихъ бѣлокурыхъ и чернобровыхъ знакомыхъ. И юнкерскіе казематы могли бы поразсказать о многомъ. . .

Нѣсколько дней потомъ юнкера жили воспоминаніями о праздникѣ.

* * *

Въ эти молодые годы завязывались иногда серьезныя связи, выдерживавшія искусь слѣдовавшей за производствомъ разлуки, ожиданія законнаго возраста для вступленія въ бракъ (23 года), пятитысячнаго реверса и т. д.; чаще — легкомысленныя, разбивавшіяся при первомъ же столкновеніи съ новой свободной жизнью.

Бывали и эпизоды явнаго вовлеченія юнкеровъ въ свои сѣти практичными мамашами. Въ то время только эпизоды. Но въ девятисотыхъ годахъ на этой почвѣ выросло бытовое явленіе. Вокругъ нѣкоторыхъ училищъ — особенно славилось Одесское юнкерское — плелась паутина всякими салопницами, вдовами мелкихъ чиновниковъ и другими неопредѣленнаго соціального положенія особами, обремененными дочками на возрастѣ.

Игра начиналась случайнымъ, будто бы, знакомствомъ съ юнкеромъ, о которомъ, конечно, наводились заранѣе справки. Онъ приглашался въ домъ и понемногу становился «своимъ», проводя тамъ всѣ отпускные дни, пользуясь заботами и ухаживаніемъ. Ко времени производства въ офицеры эта близость превращалась обыкновенно въ жениховство и кончалась разно: свадьбой, житейской драмой или просто на вѣтеръ выброшенными временемъ и «мамашиными» деньгами.

Въ первый же день послѣ принятія мною полка мнѣ пришлось столкнуться съ такого рода явленіемъ.

Пришли ко мнѣ въ номеръ гостинницы двѣ дамы, только что пріѣхавшія изъ Одессы. Мать — пожилая ступкообразная женщина, съ застывшей на губахъ сладкой улыбкой и лисьими ухватками; дочь — лѣтъ восемнадцать, милостивая, съ какимъ то безцвѣтнымъ выраженіемъ лица. Съ неподражаемымъ одесскимъ акцентомъ, тараторя безъ умолку, мать повѣдала мнѣ свое горе, прося защиты.

Въ полкъ недавно передъ тѣмъ прибылъ выпущенный изъ Одесскаго училища подпоручикъ Р. Онъ считался женихомъ ея дочери; но, послѣ отъѣзда въ полкъ, не написалъ ей ни разу. Почуявъ недоброе, дамы пріѣхали въ Жито-

миръ и здѣсь отъ Р. услышали, что, въ силу матеріальнаго положенія и своей молодости, Р. раздумалъ жениться. . .

— Подумайте, господинъ полковникъ, какое наше положеніе — вѣдь всѣ знакомые уже знаютъ, черезъ него людямъ стыдно будетъ въ глаза смотрѣть. . . Цѣлыхъ полтора года ходилъ къ намъ каждый отпускъ, товарищей приводилъ, обѣдали, ужинали. Мнѣ не жалко, но вѣдь, это чего нибудь стоило!? А по мелочамъ сколько перебралъ, такъ я за это и не говорю. Вы знаете, у него даже на билетъ въ Житомиръ не хватило — вѣдь это же я заплатила. . .

Съ первыхъ же словъ посѣтительницы было ясно, что тутъ не драма, а фарсъ. Говорила она долго, истомила пошлостью.

— Что же вамъ, собственно, отъ меня угодно, сударыня?

— Ахъ, Боже мой, ну, конечно, чтобы вы заставили его жениться. Вы же-жь его командиръ.

— Этого я сдѣлать не вправѣ.

— Тогда я подамъ на него въ судъ.

— Какъ угодно.

Подумала.

— Но. . . пусть бы онъ вернулъ хотя мои расходы. . .

— Все, что вамъ долженъ подпоручикъ Р., можетъ быть вамъ уплочено при условіи, что вы дадите расписку о немѣнніи къ нему претензій.

Дама, очевидно, приготовлена была и къ такому рѣшенію, потому что тутъ же, вынувъ изъ сумки листокъ бумаги и карандашъ, стала быстро набрасывать обстоятельный счетъ, въ который вошла стоимость обѣдовъ иужиновъ, подарковъ, долговъ и проѣзда обѣихъ дамъ изъ Одессы въ Житомиръ и обратно. И даже «убитокъ», понесенный на портсигарѣ, привезенномъ въ подарокъ жениху. . .

— Съ монограммой. Вы сами понимаете — какая ему теперь цѣна. Только въ ломъ. . .

Стоимость гостепріимства и всѣ сомнительные расходы я безошадно вычеркнулъ, безспорные подѣтожилъ —

вышло что то около 300 рублей. Дама ушла, повидимому, удовлетворенная.

Въ тотъ же день, съ согласія Р., казначей выдалъ пріѣзжимъ деньги, съ отмѣткой объ удержаніи съ него ежемесячно по 20 рублей. А вечеромъ въ офицерскомъ собраніи подпоручикъ въ «обыкновенной формѣ» съ трепетомъ входилъ въ гостинную, гдѣ собралась частнымъ порядкомъ члены суда чести. Изъ за закрытой двери гудѣлъ голосъ предсѣдателя, наставлявшаго молодого человѣка въ понятія о достоинствѣ офицерскаго мундира.

* * *

Въ отношеніи своего содержанія офицерскіе питомники были поставлены далеко не одинаково. Особенною роскошью оно отличалось въ Пажескомъ корпусѣ*). Въ 90-хъ годахъ содержаніе военнаго училища стоило казнѣ 233 тыс. руб. въ годъ, въ то время какъ военно-училищныхъ курсовъ такого же состава только 160 тыс. руб., а юнкерскаго еще дешевле...

Сообразно съ такими градаціями, и довольствіе юнкеровъ юнкерскихъ училищъ въ мое время было поставлено неважно: окладъ равнялся солдатскому пайку, увеличенному на 10 коп. ... Съ 91 года намъ прибавили по... 5 копѣекъ въ день на человѣка; и только впоследствии (99 г.) Московское и Кіевское училища сравняли съ военными.

Бли мы, поэтому, очень скромно, по сравненію, конечно, съ домашнимъ столомъ большинства. Незабвенный винигретъ, приснопамятный фаршмакъ и въ особенности клецки съ мясомъ, ложившіяся тяжелымъ комомъ въ желудкѣ и прочно склеивавшія весь пищеводъ, памяты донинѣ... Хотя въ этой области осуществлялся «общественный кон-

*) Два специальныхъ класса его соответствовали военному училищу.

троль» выборными юнкерами — «хлѣбнымъ» и «продуктовымъ» артельщиками, но молва приписывала всѣ недочеты довольствія — не всегда справедливо — злоупотребленіямъ хозяйственныхъ офицеровъ. Это были самые непопулярные люди въ училищѣ.

Въ концѣ концовъ, молодые зубы и желудки могли, казалось, грызть и переваривать даже камни. И вопросъ довольствія не вызывалъ серьезныхъ недоразумѣній, находя отраженіе лишь въ юнкерскомъ эпосѣ: въ пѣснѣ доставалось и училищной кухнѣ, и поименно предполагаемымъ «виновникамъ»:

.
«Тамъ дадутъ намъ по яичку,
Жидкимъ чаемъ обнесутъ,
На закуску-переключку
Намъ съ повѣркой поднесутъ.

.
Тамъ (такой-то) вороватый
Фаршмакомъ насъ угостить».

.
И каждый куплетъ оканчивался перефразой-припѣвомъ известной юнкерской пѣсни:

«Взвѣйтесь соколы орлами
Полно горе горевать.
Ужъ недолго намъ осталось
Въ полѣ лагеремъ стоять».

Къ 1910 году, когда училища подравнялись въ программахъ и правахъ, средняя стоимость содержанія выпущеннаго офицера составляла 2583 руб. (двухлѣтній курсъ) — норма не только достаточная для постановки дѣла, но и превышавшая тогдашнее содержаніе нѣмецкаго и французскаго юнкеровъ.

И юнкера, и училищные офицеры въ мое время числились въ своихъ полкахъ и носили полковыя формы. Обмундированіе, въ противоположность военнымъ училищамъ,

мы получали и носили въ училищныхъ стѣнахъ солдатское, изъ интендантства, послѣ небольшой пригонки въ училищной швальнѣ. Грубое и очень неуклюжее. У рѣдкаго юнкера не было, поэтому, собственной выходной одежды. Такого же качества были такъ называемыя «годовыя вещи», т. е. бѣлье, сапоги, портянки, сапожный прикладъ. Э тотъ интендантскій товаръ и солдаты въ войскахъ обыкновенно продавали или вымѣнивали на рыночный, общеупотребляемый. Однѣ «исподнія брюки подкладочнаго холста» чего стоили! . . . За исключеніемъ самыхъ бѣдныхъ юнкеровъ, остальные носили собственные вещи, а всю получку продавали тутъ же за безцѣнокъ училищному каптенармусу, сверхсрочному унтеръ-офицеру. И десятки лѣтъ, по установившемуся обычаю, казенный отпускъ пропадалъ зря, юнкера ходили въ своемъ, а каптенармусъ прикупалъ третій домикъ на Печерскѣ.

Съ 97 года въ училищѣ была введена однообразная форма и вполнѣ приличное обмундированіе училищнаго изготовленія.

Начальство мирилось съ ношеніемъ собственной одежды, если она была форменной. Но нѣкоторые дежурные офицеры бывали чрезмѣрно придирчивы. Одинъ, какъ то разъ, осматривая отпускнаго юнкера, позвалъ барабанщика и велѣлъ ему изрѣзать ножницами юнкерскіе сапоги въ куски, приведя въ отчаяніе юнкера, оставшагося безъ сапогъ и . . . безъ отпуска.

Большинство юнкеровъ получало изъ дому небольшую сумму денегъ на мелкіе расходы. Богатыхъ, кажется, у насъ не было; во всякомъ случаѣ въ стѣнахъ училища разнища соціального или имущественнаго положенія не бросалась въ глаза и никогда насъ не раздѣляла. Но были юнкера бездомные или очень бѣдныхъ семей, которые для удовлетворенія своихъ мелкихъ нуждъ должны были довольствоваться однимъ казеннымъ жалованіемъ, составлявшимъ тогда $22\frac{1}{2}$ — $33\frac{1}{3}$ коп. въ мѣсяцъ. Такіе рѣдко ходили въ отпускъ и не уѣзжали на каникулы, оставаясь

круглыхъ два года въ стѣнахъ училища, опустѣлыхъ и страшно неудобныхъ въ дни развѣзда. Не за что бывало купить табаку, зубную щетку, даже послать письмо... Но переносили они свое положеніе стоически: я не помню ни нытиковъ, ни приживаловъ.

А соблазновъ было много кругомъ. Не говоря уже о большомъ богатомъ и веселомъ городѣ, вокругъ училища располагалась цѣлая армія поставщиковъ — за наличныя и въ кредитъ — «шикарныхъ» принадлежностей юнкерскаго туалета; разносчиковъ и торговкохъ съ лотками вкусной снѣди. Это были все «свои», знакомые, чуть ли не наслѣдственные. Они сопровождали роты на стрѣльбы и ученья, перекочевывали съ нами въ лагерь и, вообще, были въ курсѣ училищныхъ событій, принимая участие въ интимной жизни юнкеровъ. Этихъ торговцевъ звали у насъ «апостолами», иногда «шакалами» — кличка, занесенная, должно быть, изъ Петербурга и, право же, несправедливая: наживались они по Божески, но и выручали не разъ въ трудную минуту. Бывало и безкорыстно.

Во всякомъ случаѣ наши «шакалы» были ангелами по сравненію съ тѣми поистинѣ шакалами, рафинированнаго европейскаго типа, которые позднѣе, во образѣ солидныхъ акціонерныхъ обществъ, раскидывали широко свои сѣти, улавливая въ нихъ неопытную молодежь. Комиссіонеры развѣзжали по училищамъ незадолго передъ выпускомъ и предлагали юнкерамъ въ кредитъ, подъ расписку о выплатѣ долга послѣ производства въ офицеры, — цѣлыя библіотеки, велосипеды, драгоценныя вещи и т. п. Конечно, по вздутымъ цѣнамъ и за лихвенные проценты. Многіе юнкера поддавались искушенію, обзаводились бесполезными вещами и попадали въ кабалу, запутываясь впослѣдствіи въ непосильныхъ счетахъ, неустойкахъ и судебныхъ взысканіяхъ.

Въ концѣ концовъ войсковое начальство обратило вниманіе на чрезмѣрную задолженность выпускныхъ офицеровъ, и военное вѣдомство возбудило рядъ дѣлъ противъ мошенническихъ предпріятій. Насколько трудною была эта

борьба, свидѣтельствуесть большой процессъ, возбужденный противъ «синдиката» кievскихъ ростовщиковъ въ 13 году. Кievская полиція направила дѣло ихъ къ прекращенію... По настоянію военнаго вѣдомства оно, однако, возобновилось. Показанія 71-го свидѣтеля — потерпѣвшихъ, бывшихъ юнкеровъ — нарисовали суду картину хищническаго учета и переучета денегъ и вещей, доставлявшихъ «синдикату» отъ 400 до 700% прибыли. Прокуроръ поддерживалъ обвиненіе. Судъ поставилъ присяжнымъ 251 вопросъ, и на всѣ — присяжные отвѣтили... отрицательно. Восемь ростовщиковъ были оправданы.

Потому ли, что въ такихъ дѣлахъ не бываетъ прямыхъ уликъ, потому ли, что въ этомъ случаѣ проявилось къ офицерству то своеобразное отношеніе «общества», которое держалось со временъ первой революціи...

Во всякомъ случаѣ, въ мое время расточительство было явленіемъ рѣдкимъ. Сами же по себѣ условія жизни въ училищѣ отличались суровой простотой и скромностью, являясь хорошей школой для вступленія въ оберъ-офицерскую колею.

* * *

6 часовъ утра...

Рѣзкій трескъ барабана прерываетъ сладкій утренній сонъ. Бѣжимъ въ «курилку» — чистить сапоги и одежду, потомъ — къ умывальникамъ. По пути — отдѣленная загородкой божница; передъ иконами — нѣсколько человекъ; только въ дни экзаменовъ тамъ полно молящихся, и всѣ паникадила уставлены свѣчами...

Труба. Строимся. Расчетъ по порядку номеровъ — для распредѣленія по столамъ. Строемъ — внизъ, въ столовую. Рвемъ зубами превкусный, свѣжій бѣлый хлѣбъ и глотаемъ приторно-сладкій теплый чай. Потомъ — строимъ наверхъ. Расходимся по классамъ.

Казематы пусты, бродятъ лишь дневальные, да служителя-солдаты убираютъ помѣщеніе. Два юнкера-лѣнтыя не

пошли въ классъ и спрячутся между кроватей. Одинъ до-сыпаетъ, другой дочитываетъ увлекательный романъ. Вдругъ знакомые тяжелые шаги. . .

— Здорово, братецъ!

Это начальникъ училища, полковникъ Дебюкъ, обходить помѣщенія и здоровается со служителемъ *). Бѣжать!

Юнкера бросаются въ сосѣдній казематъ, но шаги ихъ преслѣдуютъ. Дальше — во вторую роту. . . Шаги. . . Дальше — гимнастическій залъ, глухая стѣна, нѣтъ выхода. Шаги приближаются къ послѣдней двери. Одинъ изъ юнкеровъ снимаетъ вдругъ мундиръ, комкаетъ и бросаетъ на полъ; схватилъ свободную швабру и начинаетъ неистово тереть полъ.

Входитъ начальникъ училища. Оба юнкера вытягиваются.

— Здорово, братецъ!

Юнкеръ со шваброй во всю мочь отвѣчаетъ:

— Здравія желаю, ваше высокоблагородіе! **)

Пронесло.

— А юнкеръ какъ тутъ очутился? — обратился Дебюкъ ко второму.

Сбивчивое объясненіе, разность, потомъ — арестъ, хорошо еще, если не «третій разрядъ». А вечеромъ — веселый разговоръ, прерываемый молодымъ сочнымъ смѣхомъ, увѣнчаніе находчивости и. . . новая глава юнкерскаго эпоса.

* * *

Въ классахъ — тишина и порядокъ. Только на урокъ французскаго языка юнкера позволяли себѣ нѣкоторыя вольности. При входѣ учителя Д. классъ, какъ полагалось, вставалъ, и, какъ вовсе не полагалось, дружно кричалъ:

*) Юнкеру говорили: «здравствуйте, юнкеръ!»

**) Юнкера внѣ строя титуловали начальника по чину.

— Здравія желаемъ, ваше превосходительство!

Послѣ этого юнкеръ-гвардеецъ Ильинъ, салютуя обнаженнымъ тесакомъ, для этой цѣли принесеннымъ, обращался къ французу съ фантастическимъ рапортомъ.

Предметы были, главнымъ образомъ, спеціальныя, дававшіе знаніе, но не повышавшіе общаго образованія, считавшагося законченнымъ въ среднемъ учебномъ заведеніи. Изъ общихъ предметовъ проходили Законъ Божій, два иностранныхъ языка, химію, механику, аналитику и русскую литературу. Но, повидимому изъ боязни «вредныхъ идей» — только древнюю, которая насъ, мой выпускъ по крайней мѣрѣ, не слишкомъ интересовала.

Военные предметы и подсобные къ нимъ, которые читали академики кievскаго гарнизона, проходились основательно, но слишкомъ теоретично. Позднѣйшіе годы «военнаго ренессанса» (послѣ японской войны) внесли существенныя измѣненія и въ программы военныхъ училищъ (07): исключены были механика и химія, а на ихъ мѣсто введены военная географія и гигиена; практичныѣе и ближе къ офицерской работѣ поставлены были курсы артиллеріи и фортификаціи; тактическія занятія перенесены впервые и на мѣстность, въ поле; вмѣсто старинныхъ кампаній, военная исторія стала знакомить юнкеровъ съ новѣйшими и т. д., и т. д.

Теперь, спустя много-много лѣтъ, осталось болѣе живое впечатлѣніе отъ самихъ лекторовъ, нежели отъ ихъ лекцій. Пожалуй, наиболѣе колоритной фигурой былъ инженеръ-полковникъ В—а, читавшій механику, чудакомъ и мистикомъ, уносившій наше вниманіе отъ скучныхъ формулъ въ область «математическаго спиритизма» и четвертаго измѣренія по Лобачевскому. Да еще — судейскій подполковникъ К—въ, читавшій намъ законовѣдѣніе и возбуждавшій въ юнкерахъ нездоровое любопытство: въ самомъ серьезномъ вопросѣ онъ находилъ необыкновенно скабрёзные детали и особенно любилъ, съ безстрастнымъ выраженіемъ лица, излагать намъ процессуальныя тонкости дѣлъ объ изнасилованіи...

Станный для военнаго челоуѣка обликъ имѣлъ препода-

даватель артиллеріи, капитанъ Ш-съ. По добротѣ своей онъ никому не ставилъ дурного балла; и былъ такъ застѣнчивъ, что, когда юнкеръ И-нъ на репетиціи, совершенно не стѣсняясь, списывалъ однажды съ манжетки формулы по баллистикѣ, Ш-съ смотрѣлъ на него красный и смущенный и... не сказалъ ни слова. Характерно, что классъ послѣ репетиціи заступился за него: выругали И-на и условились соблюдать корректность въ отношеніи Ш-са.

На французскомъ урокъ — форменный балаганъ. Юнкеръ Н-ко хорошо владѣвшій языкомъ, обыкновенно сдаетъ репетицію за троихъ, дважды переодѣваясь. Въ мундирѣ съ чужого плеча, съ подвязанной щекой, съ леденцомъ во рту, чтобы измѣнить голосъ, — онъ имѣлъ видъ глубоко комичный. Французъ Д. никого не помнитъ въ лицо. Н. переводить съ французскаго умышленно не бойко, «экаетъ», въ мѣру коверкаетъ слова и ударенія; Д. поправляетъ, подсказываетъ — все идетъ хорошо, 8—9 балловъ всегда обезпечено. Но вотъ однажды Н., сдавая репетицію за другого, забылся и вполголоса прочелъ французскій текстъ съ такимъ хорошимъ акцентомъ, что французъ насторожился, поглядѣлъ подозрительно и замолчалъ. А Н. опять «экаетъ», ждетъ подсказа и, не дождавшись, переводить, да переводить...

Наконецъ, разобравъ въ чемъ дѣло, Д. торжественно поднялся, взялъ подъ руки и настоящаго и «подставнаго» юнкера и повелъ ихъ къ инспектору классовъ. Юнкера по дорогѣ взмолились:

— Ваше превосходительство, не губите...

И весь классъ речитативомъ запѣлъ:

— Не — гу — би — те...

Д. довелъ виновниковъ только до дверей и отпустилъ ихъ съ миромъ.

Вообще отъ видѣннаго, слышаннаго и пережитого у меня составилось впечатлѣніе, что изученіе иностранныхъ языковъ въ огромномъ большинствѣ россійскихъ школъ носило характеръ чисто анекдотическій. Анекдотъ и въ средней

школь, и въ военной, и даже... въ Академіи генеральнаго штаба... Одинъ досужій статистикъ вычислилъ, что въ кадетскихъ корпусахъ за 7 лѣтъ затрачивалось на обученіе иностраннымъ языкамъ 936 учебныхъ часовъ, да почти столько же на внѣклассную подготовку... И совершенно бесполезно. Въ гимназіяхъ было еще хуже. А въ результатѣ сплошнаго анекдота — много потраченнаго времени и труда и большой пробѣлъ въ образованіи.

Между тѣмъ, нельзя сказать, чтобы на вопросъ этотъ не обращали вниманіе, въ особенности послѣ 05 года. Имъ занималась военная печать и учебные комитеты; Академія повысила значительно требованія въ этомъ отношеніи; военное вѣдомство насаждало среди педагоговъ новѣйшія системы обученія языкамъ, въ особенности систему Берлица; во многихъ округахъ заведены были групповыя занятія по иностраннымъ языкамъ для офицеровъ...

Но «анекдотъ» разбивалъ попрежнему всѣ благія начинанія.

Приличіе, но по существу не лучше было и на репетиціяхъ по Закону Божию. Отецъ Б. — ^{романтъ съ} человекъ умный и ученый — не сумѣлъ, однако, овладѣть нѣсколько своеобразной аудиторіей и возбудить въ насъ интересъ къ предмету (исторія церкви). Сдался безъ борьбы. Отношеніе къ нему было почтительное, но репетиціи юнкера сдавали по особенному: о. Б. вызывалъ сразу нѣсколькихъ человекъ, которымъ задавалъ програмныя вопросы; они становились въ затылокъ другъ другу «для обдумыванія»; при этомъ всѣ, кромѣ головной, вооружались учебникомъ и считывали; головной — если не зналъ пройденнаго, то отсылался отцомъ Б. въ хвостъ «для обдумыванія».

Изрѣдка о. Б. озабоченно покрикивалъ:

— Господа, прошу чище въ затылокъ ровняться. Боюсь — господинъ инспекторъ классовъ увидитъ...

Двери были стеклянныя, а инспекторъ классовъ, капитанъ Д. имѣлъ обыкновеніе носить ботинки на резиновыхъ

Данкверт

каблукахъ и, подходя безшумно къ классной двери, не разъ подглядывалъ, что дѣлается въ классѣ. . . .

Вообще, если три четверти юнкерской энергіи и труда уходили на преодоленіе науки, то по крайней мѣрѣ четверть шла на проказы. Система «шпаргалокъ» съ годами весьма совершенствовалась. . . . Практическія работы по законовѣдѣнію («Судное дѣло о рядовомъ N-го полка») или по администраціи (ротная или полковая отчетность) переписывались изъ года въ годъ изъ старыхъ работъ, хранившихся въ архивѣ у инспектора классовъ — за небольшую мзду сторожу. . . . Экзамень по курсу русской литературы у преподавателя Ц-ны письменный — тянули билеты и писали сочиненіе — проходилъ всегда блестяще. . . . Передъ экзаменомъ шла разверстка билетовъ частнымъ образомъ въ своемъ кругу, и каждый юнкеръ долженъ былъ заготовить соответствующее сочиненіе. Въ день экзамена рукописи эти раскладывались по ящикамъ партъ въ порядкѣ номеровъ. Юнкеръ, взявши билетъ, шель не на свое обычное мѣсто, а на то, гдѣ по расчету лежала его «шпаргалка». . . .

Быть необыкновенно живучъ. Представьте себѣ мое изумленіе, когда въ запискѣ моего однокашника, окончившаго Кіевское училище черезъ восемь лѣтъ послѣ меня (А. Н. Рубановъ) я нашелъ такое же точно описаніе экзамена по русскому языку, съ небольшими только техническими «усовершенствованіями». . . .

Но вотъ — сигнальная труба, и книжная премудрость съ особой поспѣшностью летитъ въ сторону. «Строиться къ завтраку!» Ъдимъ быстро и жадно. Небольшая перемѣна.
— Собирайтесь на строевыя занятія!

* * *

Лѣтомъ — на плацу или въ полѣ, зимою — въ казематахъ.

— Ать, два! Ать, два!

— Грудь впередъ, животъ назадъ!

— Юнкеръ Вороновъ, выше голову!

Начало строевой подготовки...

Стоить оглушительный гулъ голосовъ. Ходять по всѣмъ направленіямъ молодые юнкера, рѣзко «печатая» шагъ.

Одиное обученіе и гимнастика скоро преображали бывшихъ гимназистовъ, семинаристовъ, студентовъ въ заправскихъ юнкеровъ, создавая ту особенную военную выправку, проявляющуюся во всемъ — въ походкѣ, въ манерѣ держать себя и говорить, которая не оставляла многихъ до старости, до смерти и позволяла отличить военнаго челоѣка подъ какимъ угодно одѣяніемъ.

Проходили мы всю солдатскую службу обстоятельно и для того времени хорошо. Первый годъ — въ качествѣ учениковъ, второй — въ роли учителей молодыхъ юнкеровъ. Этимъ, какъ будто, достигалась подготовка изъ насъ инструкторовъ. Но только какъ будто. Ибо, выйдя изъ стѣнъ училища, мы скоро убѣждались, что обучать интеллигентнаго челоѣка — юнкера — это одно, а обучать солдатъ, среди которыхъ было тогда не менѣе 65% неграмотныхъ и неразвитыхъ людей — это совсѣмъ другое. Отсутствіе пріемовъ и навыковъ обращенія съ этимъ сырымъ челоѣческимъ матеріаломъ, обладавшимъ въ потенціи природной сметкой, но мало склоннымъ къ самодѣятельности, ставило на первыхъ порахъ офицерскую молодежь въ затруднительное положеніе. Въ особенности трудно пришлось намъ — десятку юнкеровъ, выпущенныхъ въ 92 году въ артиллерию: запряженную батарею мы видали только со стороны, а въ сосѣднемъ лагерѣ артиллерійской бригады прошли всего шесть пресловутыхъ «ученій въ паркѣ»...

Точно также насъ не знакомили съ методами обученія грамотѣ. И когда молодому офицеру, какъ общее правило, приходилось получать въ свое вѣдѣніе ротную или батареиную школу, онъ шель обыкновенно ощупью, изрядно изводя своихъ незадачливыхъ учениковъ. Впрочемъ, въ позднѣйшихъ выпускахъ на дѣло это обратили вниманіе. Между прочимъ, въ училище наѣзжалъ въ послѣдствіи из-

вѣстный педагогъ Троцкій-Сенютовичъ — знакомить юнкеровъ со своей звуковой системой обученія грамотѣ.

Но самое главное — большинство юнкеровъ военныхъ училищъ, въ особенности — не принадлежавшихъ къ военнымъ семьямъ, совершенно не знало солдатскаго быта. Этотъ вопросъ, рядъ лѣтъ не сходявшій со страницъ военной печати и подымавшійся не разъ и строевыми начальниками, такъ и не получилъ разрѣшенія до конца. Существенно необходимымъ было прохожденіе всѣми до производства въ офицеры, вѣрнѣе до поступленія въ училище, подлинной солдатской службы въ рядахъ. Но военное вѣдомство не пошло на эту мѣру, боясь сокращенія прилива молодежи въ военныя училища. Какъ паліативъ, въ 09 году появился циркуляръ Главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній, рекомендовавшій «практиковать возможно частое посѣщеніе юнкерами, вмѣстѣ со своими офицерами, воинскихъ частей разнаго рода оружія... для изученія солдатскаго быта и службы».

Такія гастролы вызвали въ печати насмѣшку:

— Такъ институтокъ возятъ въ каретахъ по городу «для ознакомленія съ жизнью»...

* * *

Послѣ обѣда — часъ или полтора для сна, а затѣмъ, если не было очередной репетиціи, юнкера, предоставленные всецѣло самимъ себѣ, пили чай, готовили уроки или отдыхали. Вольный спортъ*), доклады, бесѣды и вообще физическія и духовныя развлечения были тогда не въ обычаѣ. По крайней мѣрѣ начальство въ этомъ вопросѣ не проявляло никакой инициативы. Только много позднѣе, въ связи съ повышеніемъ интереса въ русскомъ обществѣ ко

*) По существу строевое обученіе, гимнастика, походы носили въ себѣ элементы спорта.

всякаго вида спорту, и въ военныхъ училищахъ это дѣло получило надлежащее развитіе. Вначалѣ шло кустарно и «безъ расходовъ для казны»; въ 01 году встрѣчаемъ первые отпускъ «на развитіе научныхъ и физическихъ занятій», правда, болѣе чѣмъ скромный — въ юнкерскихъ училищахъ по расчету одного рубля въ годъ на человѣка. . . Съ 09 года установлены были уже состязанія какъ въ училищахъ, такъ и между училищами, своего рода «олимпиады». И не только по гимнастикѣ, фехтованію, рубкѣ, но и «въ упражненіяхъ любительскихъ».

Въ одномъ изъ ротныхъ казематовъ — столъ, на которомъ разложены военная газета и журналъ. Но почти никогда не видно тамъ читателей. Въ свободное время мы собирались группами по признаку землячества или дружбы, и вели долгія бесѣды. О чемъ? Домъ, прошлый отпускъ, юнкерскій бытъ и эпосъ, прочитанная повѣсть, перспективы будущаго и т. д. Очень рѣдко — «проклятые вопросы» и почти никогда — «политика» — понятіе, подъ которое подводилась вся область государствовѣдѣнія и социальныхъ знаній. Ни преподаватели, ни начальство не задавались цѣлью расширить нѣсколько кругозоръ воспитанниковъ, отвѣтить на ихъ духовные запросы, побудить къ самообразованію.

Какое разительное несходство быта! . . Въ 1909—10 гг. произведена была широкая анкета среди студентовъ С. Петербургскаго Технологическаго института *), которая, между прочимъ, дала интересныя данныя объ участіи студенчества въ политической жизни. «Партийность» технологовъ въ процентахъ опредѣлялась такъ:

Соц.-дем.	25,3
Кад.	20
Соц.-рев.	12,4

*) Перепись, произведенная «научно-экономическимъ кружкомъ», подъ общей редакціей прив.-доц. М. Бернацкаго.

Неопред. «лѣв.»	10,1
Анарх.	3
Октябр.	2
Умѣр. прав.	2
Союза Русск. Нар.	1
Проч.	4,2
Безпарт.	20

Или по тогдашней терминологіи «лѣвыхъ» — 71%, «правыхъ» — 5%.

Эта перегрузка политической дѣятельностью, въ связи съ тяжелыми матеріальными условіями существованія большинства студентовъ (та-же анкета указывала, что наиболѣе распространенный расходъ на питаніе студента — отъ 7 руб. 50 коп. и до 10 руб. въ мѣсяцъ) приводила къ тому, что институтъ оканчивали послѣ 5 лѣтъ только 14%; послѣ 6—7 лѣтъ 38% и остальные (48%) — послѣ 8—12 лѣтъ и болѣе... Явленіе — совершенно невозможное въ военной школѣ.

Въ академическіе годы мнѣ довелось бывать въ обществѣ студенческой молодежи и наблюдать ея жизнь. По довѣрію я познакомился какъ-то и съ той подпольной, внѣжизненной, начетчической трухой, которая почему-то носила техническое названіе «литературы» и составляла во многихъ случаяхъ духовную пищу передовой молодежи. «Литература» углубляла отрывъ студенчества отъ національной почвы, смущала разумъ, обозляла сердца. «Отсталость» въ этомъ отношеніи юнкеровъ была одной изъ причинъ отчужденія ихъ отъ студенчества, въ большинствѣ смотрѣвшаго на военную среду, какъ на нѣчто чуждое и враждебное. Впрочемъ, отчужденіе питалось и другими вліяніями... Былъ впоследствии (1910 г.) такой случай. Начальникъ Виленскаго юнкерскаго училища, полковникъ Адамовичъ, въ согласіи съ училищнымъ совѣтомъ, въ виду малаго притока молодыхъ людей съ законченнымъ среднимъ образованіемъ, принялъ нѣкоторыя мѣры для сближенія юнкеровъ

съ воспитанниками мѣстныхъ гимназій. Цѣлью его было, съ одной стороны — «поднять недавнюю репутацію юнкерскаго училища, какъ «грубой и косной школы» и привлечь молодыхъ людей къ поступленію въ училище; и съ другой — «не дать сложиться въ юнкерахъ, будущихъ офицерахъ, тому духу безотчетной ненависти ко всѣмъ носящимъ военный мундиръ, который (духъ) вель неоднократно къ печальнымъ столкновеніямъ»...

Какъ отнеслось къ этой попыткѣ начальство не знаю, но охранительная печать — съ суровымъ осужденіемъ; а «Новое Время» сочло ее «внесеніемъ отвратительнаго пошло-либеральнаго духа, стремленіемъ разсолдатить строй, обмѣщанить его, растворить въ буржуазной гражданственности, въ интеллигентскомъ демократизмѣ»...

Стремилось оберегать молодежь отъ «народа» и военное вѣдомство. Когда впервые, вполне естественно, юнкерамъ и пакамъ разрѣшено было ѣздить (за свой счетъ, конечно) по желѣзнымъ дорогамъ въ вагонахъ 2-го класса, циркуляръ Главнаго штаба объяснялъ эту мѣру стремленіемъ «оградить ихъ отъ вреднаго вліянія публики, проѣзжающей въ вагонахъ 3-го класса»...

Циркуляръ упускалъ изъ виду, что военная школа готовила учителей и воспитателей, вѣдь, для солдата — природнаго «пассажира 3-го класса».

Не стекляннымъ колпакомъ, конечно, а другого рода воздѣйствіемъ, о которомъ я говорю ниже, военная школа уберегла своихъ питомцевъ отъ духовной немочи и отъ незрѣлага политиканства. Но... сама никакъ и ничѣмъ не помогла имъ разобраться въ сонмѣ вопросовъ, всколыхнувшихъ русскую жизнь. Уже первая революція и переходъ къ новому строю дали серьезныя указанія на недостаточную подготовленность офицерства къ воспитательной работѣ въ усложнившейся до нельзя новой политической обстановкѣ. Подъ вліяніемъ этого въ 07 году въ курсъ военныхъ и юнкерскихъ училищъ введенъ былъ даже отдѣлъ государствовѣдѣнія и «ученія о политическихъ теченіяхъ».

Но послѣ трехлѣтняго опыта этотъ курсъ былъ изъятъ, а на мѣсто его введены «свѣдѣнія изъ финансоваго и полицейскаго права», съ цѣлью — какъ гласилъ офиціальный отчетъ — «освѣтить юнкерамъ условія дѣятельности правительственныхъ учреждений и органовъ мѣстнаго самоуправления, и ознакомить ихъ съ экономическимъ и бытовымъ положеніемъ крестьянъ и рабочихъ — главнаго контингента арміи»...

И по малому времени, остававшемуся до войны, и по новизнѣ заданія, мѣра эта не могла оказать существеннаго вліянія. И въ годы второй революціи молодежь, какъ и старое офицерство, оказались одинаково безоружными и беспомощными передъ вставшими вдругъ политическими и соціальными вопросами, спасовавъ даже передъ солдатской полуинтеллигенціей — чеховскими «ятами».

* * *

И такъ, занятія кончились.

Развлеченій немного въ училищѣ. Гимнастическій залъ, гдѣ собирались любители показать свою силу и ловкость; гдѣ юнкерь Ильинъ перелеталъ, какъ перышко, черезъ деревянную кобылу съ сооруженной на ней чуть не въ три яруса пирамидой человѣческихъ тѣлъ; гдѣ юнкерь Юревичъ — рижскій гимназистъ — продѣлывалъ умопомрачительные вольты на сложной трапеціи. *чужие книги и др.*

Позднѣйшіе выпуски привлекались еще къ обязательному обученію танцамъ... Чрезвычайно комичную картину представляла, говорятъ, передъ урокомъ танцевъ пріемная, въ которую стекались вереницами юнкера съ перевязанными руками и ногами, съ подвязанными щеками — внезапно заболѣвшіе — чтобы получить отъ дежурнаго офицера освобожденіе отъ урока...

Или еще, преимущественно въ предпраздничные дни, устраивались доморощенные концерты.

Плакала скрипка юнкера — талантливого музыканта, почему то бросившаго консерваторію. Могуче гремѣлъ прекрасный юнкерскій хоръ про старину стародавнюю, какъ «султаны звѣлилы куваты кайданы»... Или грустно стелился «не осеннимъ мелкимъ дождичкомъ»...

Прокуренная насквозь, пропахнувшая дешевой казенной ваксой, въ полужидкомъ видѣ наполнявшей отставленные къ стѣнкѣ корытца, наша «курилка» (она-же туалетная, она-же концертный залъ) полна народу. Полное удовлетвореніе, непосредственность чувствъ и искреннее, шумное одобреніе исполнителямъ.

А въ углу курилки, на составленныхъ скамьяхъ, прикрытая живой стѣной, расположилась группа картежниковъ — рѣжутся въ стуколку. Азартъ, нездоровый огонекъ въ глазахъ, серебро и мелкія измятыя бумажки, переходящія изъ рукъ въ руки... Карточная игра строжайше запрещена. Но училищныя традиции заставляютъ свое, юнкерское начальство «не замѣчать»; а поставленные посты предупреждать о появлении дежурнаго офицера...

Періодически устраивались «похороны», съ подобающей торжественностью. Хоронили «науки», учебники или юнкера, переведеннаго въ «третій разрядъ». За «гробомъ» шествовали «родственники», а впереди «духовенство», одѣтое въ ризы изъ одѣяль и простынь. «Духовенство» возглашало поминаніе, хоръ пѣлъ, впослѣдствіи — когда заведены были училищныя оркестры — чередуясь съ музыкой. Несли зажженные свѣчи и кадила, дымящія махоркой. И процессія въ чинномъ порядкѣ слѣдовала по всѣмъ казематамъ до тѣхъ поръ, пока неожиданное появленіе дежурнаго офицера не обращало въ бѣгство всю кампанію, включая и покойника.

Можно подумать, что это — предтечи «безбожниковъ»... Ни мало. Представьте себѣ, что большинство участниковъ «похоронъ» были люди вѣрующіе, смотрѣвшіе на традиціонный «обрядъ», какъ на шалость, но не кощунство.

Потомъ — вечерній чай, переключка и — на покой.

Лампы притушены; юнкера могутъ еще въ теченіе часа доканчивать свои дѣла при собственныхъ свѣчахъ.

Въ десять — казематы стихаютъ окончательно. Только ночной дневальной-юнкеръ бродитъ тихо между кроватей, подсчитывая число незанятыхъ, принадлежащихъ отсутствующимъ по законнымъ причинамъ юнкерамъ. На случай, если спроситъ дежурный офицеръ...

Все въ порядкѣ. Ибо, если и бываетъ изрѣдка самовольно отлучившійся, то на кровати его покоится отлично сдѣланное чучело.

Все спитъ. Кончился трудовой юнкерскій день.

III

Прошло почти сорокъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, но не изгладилось во мнѣ теплое чувство къ своей школѣ. Со всѣми ея недочетами, съ приснопамятнымъ винигретомъ и рыжими неудобоносимыми сапогами, съ лишеніемъ отпуска и прочими непріятностями.

Ворчали мы въ свое время не мало и на людей, и на порядки. Въ любимой юнкерской пѣснѣ доставалось училищу изрядно. Называлась пѣсня «Вѣнецъ творенія» и по внѣшности была кощунственной. Но, право же, никто изъ насъ не влагалъ въ нее кощунственного смысла, подобно тому, какъ нѣтъ его по существу въ пѣснѣ казанскихъ студентовъ, напимѣръ, о святомъ Варлаамѣ, нѣтъ въ древнихъ апокрифахъ или въ южныхъ колядкахъ, представляющихъ небесныя силы въ сугубо земной обстановкѣ.

Начиналась пѣсня словами:

«Однажды Богъ, возставъ отъ сна,
.....»

Далѣе шелъ разговоръ съ апостоломъ Петромъ о созданіи на землѣ всякихъ полезныхъ учреждений и, для контраста — «такого творенія, которое отъ всѣхъ терпѣло бы

гоненія». Подходящимъ признанъ былъ штатъ юнкерскаго училища. . .

«И вотъ, по Божьему глаголу
Создали юнкерскую школу».

Въ пѣснѣ было больше юмора, чѣмъ злобы. Очевидно, то хорошее, что связано было съ училищемъ, перевѣшивало дурное, если послѣ оставленія стѣнъ училища Кіевляне хранили о немъ добрую память, а между собою моральную связь.

Первый годъ училищемъ командовалъ полковникъ Дебюкъ, заурядный офицеръ генеральнаго штаба — не педагогъ, не очень строгій и, вообще, мало вліявшій на жизнь училища. Второй годъ — бывший ротный командиръ Пажескаго корпуса, полковникъ Лавровъ. Лавровъ, имѣя долгодѣтній опытъ, былъ, повидимому, хорошимъ педагогомъ, но. . . не для насъ. Вся атмосфера Кіевскаго училища была разительно непохожа на ту, къ которой онъ привыкъ. Начиная съ виѣшней убогой обстановки. . . Обходя первый разъ наши казематы, онъ пришелъ въ разстройство; а, войдя въ столовую, съ удивленіемъ спросилъ:

— Что это?

— Столовая.

— Боже мой, у насъ въ Пажескомъ конюшни много лучше. . .

Лавровъ былъ ошеломленъ и тѣмъ разношерстнымъ составомъ, который представляла тогда юнкерская среда по воспитанію, образованію и возрасту. Привыкнувъ къ обращенію съ дѣтьми или юношами опредѣленнаго общественнаго круга, годами воспитывавшимися въ корпусномъ режимѣ, онъ пытался примѣнять тѣ же приемы и способы воздѣйствія въ отношеніи юнкеровъ — людей недавно еще «съ воли» и не рѣдко бородатыхъ. Выходило иногда трогательно, чаще забавно. Когда «юнкерскій курсъ» перевели въ Чугуевъ, Лавровъ почувствовалъ большое облегченіе и не могъ скрыть своей радости: передъ строемъ юнкеровъ

«военно-училищнаго курса» онъ поздравилъ послѣднихъ съ «освобожденіемъ», помянувъ ушедшихъ обиднымъ словомъ.

Командный составъ училища (ротные командиры и взводные офицеры) былъ очень разнообразенъ и по личнымъ, и по служебнымъ качествамъ. Пожилой, грузный, сердечный человѣкъ, обойденный назначеніемъ на роту и потому нѣсколько будирующей, капитанъ Ф-й. Серьезный, строгій, не допускавшій никакой вольности съ юнкерами, но готовый заступиться за обиженного, не считаясь съ неудовольствіемъ начальства, капитанъ Л-й. . . Легкомысленный, ставшій на товарищескую ногу съ юнкерами, поручикъ Э-рь. . . Прославленный знатокъ уставовъ, поручикъ О-въ. . . Горячій, вспыльчивый, но душевный человѣкъ, штабсъ-капитанъ К-ко. . . Болѣзненно-раздражительный — въ результатъ тяжелой контузіи, полученной на турецкой войнѣ, штабсъ-капитанъ Д-ть. . . Забубенная голова, распустившій совершенно возжи, поручикъ Л-ко. . . Его потаканіе слабостямъ юнкерскимъ дошло до того, что однажды на его дежурствѣ, во время вечерней переключки смущенный фельд-фебель передалъ ротѣ распоряженіе:

— Дежурный офицеръ приказалъ, чтобы сегодня безъ его вѣдома въ самовольную отлучку не ходили, такъ какъ ожидается обходъ начальника училища. . .

Дисциплина строя была въ тотъ разъ нарушена заглушеннымъ смѣхомъ юнкеровъ, не устоявшихъ передъ такимъ веселымъ пассажемъ.

Л-ко былъ большой женолюбъ. Стоило юнкеру, опоздавшему на нѣсколько часовъ изъ отпуска, доложить — часто вымышленно — что его задержало любовное свиданіе, и Л-ко, разспросивъ о подробностяхъ, отпускалъ юнкера съ миромъ.

Юнкера отлично разбирались въ характерѣ своихъ начальниковъ, подмѣчали ихъ слабости, надѣляли мѣткими прозвищами, поддѣвали въ пѣснѣ. Такъ, когда рота возвращалась съ ученья домой, и запѣвало начиналъ извѣстную

пѣсенку о дѣвицѣ, выбиравшей милаго, то рота съ особеннымъ удареніемъ и силою подхватывала ея рѣшеніе:

«Поручикъ — голубчикъ
Лейбъ (такого-то) полка».

Поручикъ К-къ, носившій мундиръ названнаго полка, неизмѣнно при этомъ краснѣлъ, но, кажется, ему не было неприятно. . .

Съ похвалою отзывалась пѣсня о штабсъ-капитанѣ К-ко, который —

«Такой прекрасный человекъ,
Какихъ побольше бы въ нашъ вѣкъ».

Но чаще юнкерскій юморъ былъ злой и обличительный. Начальника училища съ искусственнымъ глазомъ прозвали непочтительно «Очко», и это прозвище сохранилось по наслѣдству за его преемникомъ. . . Слѣдующій начальникъ, обратившись при приемѣ училища къ юнкерамъ со словомъ, между прочимъ сказалъ:

— Надо учиться и держаться строгой дисциплины. Нельзя напиваться: пей, да дѣло разумѣй! Нужно всегда быть въ состояніи начертить пятиградусные штрихи^{*)}. А выпившій настолько, что не можетъ поставить пятиградусные штрихи, — немедленно будетъ отчисленъ въ полкъ.

Такъ и утвердилось за нимъ прозвище «Штрихъ» — навсегда. Хотя начальникомъ онъ сталъ популярнымъ и уважаемымъ.

Про офицеровъ-академиковъ второго разряда пѣвали:

«Прощайте наши санкюлоты»

.

*) Изображеніе неровностей на топографическихъ картахъ.

— намекъ на то, что, неперевоенные въ генеральный штабъ, они лишились «синихъ штановъ»...

Самой, однако, непереносимой чертой характера въ глазахъ юнкеровъ считалось подхалимство передъ начальствомъ. Про одного изъ взводныхъ офицеровъ (позднѣйшій выпускъ) пѣвали:

Въ нашемъ второмъ взводѣ
Мыло — въ большой модѣ.
Командиръ нашъ взводный —
Мыловаръ природный».

Пѣвали, бывало, подъ сурдинку — въ казематѣ или въ курилкѣ, а послѣ разбора вакансій, передъ выпускомъ — даже въ строю, возвращаясь съ ученья...

* * *

И отношеніе, поэтому, къ начальству было разное. Юнкера, напримѣръ, любили Э-ра и Л-ко и безъ зазрѣнія совѣсти использовали слабость послѣдняго. Но авторитетомъ у насъ пользовались не они, а Л-ий, К-ко... Военская дисциплина, въ смыслѣ исполненія прямого приказа, и чиновничье стояніе на должной высотѣ. Прямое неповиновеніе въ училищѣ было бы невысказано. Но юнкерскія традиціи вносили въ понятіе о дисциплинѣ своеобразныя «поправки», съ которыми безъ большого успѣха боролось начальство... Такъ, обманъ вообще, и въ частности наносящій кому либо вредъ, считался нечестнымъ. Но обманывать преподавателя на репетиціи или экзаменѣ — это, какъ я говорилъ уже, разрѣшалось. Серьезныя нарушенія порядка, какъ, напримѣръ, самовольная отлучка или рукопашный бой съ «вольными», съ употребленіемъ въ дѣло штыковъ, гдѣ нибудь на Ямкахъ, когда надо было выручать товарищей или «поддерживать юнкерскую честь», вообще дѣйствія, гдѣ прояв-

лены были удалъ и отсутствіе страха отвѣтственности — встрѣчали полное одобреніе въ юнкерской средѣ. И на ряду съ этимъ кара, постигавшая попавшихся, вызывая сожалѣніе, почиталась все же правильной. Только лѣнь и разгильдяйство вызывали насмѣшки, и наказанія за нихъ не встрѣчали сочувствія къ потерпѣвшему.

Особенно крѣпко держались традиціи товарищества. «Самъ погибай, но товарища выручай» — эта заповѣдь Суворовско-Драгомировской науки находила отраженіе въ маленькомъ масштабѣ и въ мирныхъ условіяхъ училищной жизни. Во всякомъ случаѣ, въ одномъ ея проявленіи — «не выдавать». Командира 2-й роты — человѣка строгаго и педантичнаго — юнкера не взлюбили вовсе не за эти качества, а за привычку его пользоваться «наушниками». И во 2-й ротѣ порядокъ поддерживался больше за страхъ, тогда какъ въ 1-й, которой командовалъ человѣкъ слабый, но болѣе разборчивый въ средствахъ, — только за совѣсть.

Впрочемъ, сравнительная оцѣнка ротъ — вопросъ спорный. Соревнованіе было велико: 1-я рота считала себя первой, и 2-я тоже. Возвращаясь въ лагерь и проходя мимо 1-й роты, 2-я демонстративно пѣвала всегда пѣсню, оканчивавшуюся припѣвомъ:

«Хоть вторая и по счету,
Всегда первую была...»

Въ разсказанномъ мною выше эпизодѣ съ юнкеромъ Н., сильно пострадавшимъ за винный духъ, ему и въ голову не могло прійти — сослаться на соучастіе ротнаго, чтобы облегчить свое положеніе, а ротѣ — отнестись съ осужденіемъ къ своему командиру. «Попался юнкеръ, умѣй и отвѣтъ держать». Когда юнкеръ В. побилъ однажды доносчика и подвергся за это переводу въ 3-й разрядъ, не только товарищи, но и нѣкоторые начальники прилагали усилія, чтобы выручить его изъ бѣды; а потерпѣшаго преслѣдовали...

Если строгимъ, но разумнымъ и доброжелательнымъ отношеніемъ можно было легко овладѣть молодыми сердцами, то грубость и солдафонство отталкивали. Былъ одинъ человекъ въ училищѣ, котораго юнкера положительно не переносили, поручикъ В. Къ намъ онъ попалъ изъ дисциплинарнаго батальона, принесъ оттуда манеру обращенія съ преступнымъ солдатскимъ элементомъ. Однажды, благодаря его несдержанности, едва не разразилось событіе, чреватое весьма серьезными послѣдствіями:

Бунтъ!

Случилось это въ лагерѣ. Вернулись роты съ маневра. Юнкера устали и проголодались. Молитву передъ завтракомъ начали пѣть — неумышленно, конечно — не совсѣмъ въ тактъ и въ тонъ. Дежурный офицеръ, которымъ въ этотъ день былъ В., приказалъ горнисту играть «отбой».

— Отставить! Я вамъ покажу!

Послѣдовала брань и угрозы.

Начали пѣть вторично — повторилось то-же. Только по третьему разу кое-какъ справились и съѣли обѣдать. Но обиду юнкера затаили. Послѣ обѣда, не сговариваясь, затянули «Благодаримъ Тя...» такъ, что немедленно послѣдовалъ «отбой». В. вывелъ роты на линейку, построилъ и велѣлъ пѣть. Прошло съ полъ часа... Солнце палило немилосердно, обжигая обнаженные, коротко стриженные головы. Кто-то свалился. Разъ десять какофонія смѣнялась «отбоемъ», «отбой» — руганью. Сначала пѣли въ разнобой десятки голосовъ, потомъ — одиночные и, наконецъ, голоса смолкли совсѣмъ, и только шевелились для виду юнкерскія губы.

Взбѣшенный В. прокричалъ что-то насчетъ бунта, угрозилъ намъ каторжными работами и, распустивъ роты по палаткамъ, полетѣлъ къ начальнику училища. Нарушеніе дисциплины было изъ ряду выходящимъ. Но, видимо, перспектива разсматривать происшедшее, какъ бунтъ всего училища, никому не улыбалась, потому что исторія эта,

кромѣ оставленія юнкеровъ на нѣкоторое время безъ отпуска, другихъ послѣдствій не имѣла. Только В. пересталъ дежурить, перейдя на административную должность.

* * *

Въ кавалерійскихъ училищахъ, въ особенности въ Николаевскомъ, существовало традиціонное подраздѣленіе юнкеровъ на «корнетовъ» (старшій классъ) и «звѣрей» (младшій), причѣмъ въ обычаѣ было «подтягиваніе», «цуканье» или попросту изводъ «корнетами» «звѣрей». Иногда «цукъ» принималъ формы настоящаго истязанія, когда, напримѣръ, «звѣря» заставляли исполнить сотню «присѣданій»... Или — глумленія надъ человѣческой личностью, когда «звѣрь» долженъ былъ заучивать наизусть обидную чепуху или дѣлать докладъ «корнетамъ» о «вліяніи луннаго свѣта на произрастаніе лѣсовъ сѣверной Камчатки»... На этой почвѣ происходили иногда крупныя столкновенія, заставлявшія вмѣшиваться начальство. Мѣры ли были нерѣшительны, или начальство, само прошедшее въ свое время стажъ «корнетства», дѣйствовало не по убѣжденію, но обычай десятки лѣтъ оставался въ неприкосновенности. Какъ то, уже послѣ японской войны, въ одномъ толстомъ журналѣ появился разсказъ о мытарствахъ «звѣрей», вызвавшій удивленіе и недовольство въ обществѣ. Дѣло, по какому-то конкретному поводу, доходило до запроса военному министру въ Государственной Думѣ (11 г.), причѣмъ начальникъ Главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній, ген. Забѣлинъ далъ объясненіе, что «слухи преувеличены, а начальство съ этимъ явленіемъ борется».

Однако, сквозь стѣны кавалерійскихъ училищъ продолжали проникать жалобы, и за годъ до великой войны военное вѣдомство сочло нужнымъ выступить съ официальной статьей въ «Русскомъ Инвалидѣ», въ которой категорически утверждало, что «цукъ» драконовскими мѣрами — изгна-

ніемъ изъ училища и цукующихъ и позволяющихъ себя цукать — уничтоженъ. Это было не совсѣмъ вѣрно. Категоричность заявленія значительно ослаблялась заключительной его фразой: «Но... еще много труда и усилій нужно для того, чтобы окончательно очистить атмосферу...»

Въ пѣхотныхъ училищахъ «цук» не существовало. Смѣялись иногда надъ молодыми юнкерами, называя ихъ «козерогами» или «сугубыми», «подтягивали» «штатскихъ» тамъ, гдѣ преобладающимъ элементомъ являлись кадеты — но въ предѣлахъ уставныхъ требованій. Бывали и въ Кіевскомъ училищѣ въ позднѣйшихъ выпускахъ случаи шутовского «отпѣванія» вновь поступавшихъ «козероговъ», но этимъ дѣло и ограничивалось. Въ мое время, наоборотъ, къ новичкамъ относились покровительственно.

Любопытно, что и во французскихъ военныхъ школахъ, въ томъ числѣ въ Сень-Сирской, существовалъ обычай «цук» или изводки. По крайней мѣрѣ — въ концѣ девятностыхъ и въ началѣ девятисотыхъ годовъ. Газеты того времени неоднократно отмѣчали это явленіе. Между прочимъ, сообщалось, что: «старшіе юнкера налагали такія непомѣрные и несправедливыя взысканія на молодыхъ, которые недостаточно терпѣливо переносили изводку, что вызывали иногда цѣлыя возмущенія, ненависть, дуэли при выпускѣ...» Въ одной изъ школъ (Гриньонской), послѣ какого-то несчастнаго случая, юнкера, перешедшіе на старшій курсъ, сами постановили вывести навсегда изводку младшихъ.

«Цукъ» («фэччинъ») до сегодняшняго дня составляетъ одинъ изъ устоевъ воспитательной системы въ англійской средней школѣ, приводя иногда къ самоубійству «фэчей» (новичковъ) или къ судебнымъ разбирательствамъ.

Еще болѣе своеобразныя традиции существовали въ англійской арміи. Не въ училищахъ даже, а въ частяхъ гвардіи дѣйствовалъ негласно товарищескій судъ, во главѣ со старшимъ поручикомъ, съ вѣдома командира части подвергавшій провинившихся молодыхъ офицеровъ поркѣ.

Экзекуція производилась обыкновенно въ офицерскомъ собраніи, на бильярдѣ, и бывала иногда весьма жестокой. Вины офицеровъ заключались въ томъ, напримѣръ: одинъ «выразилъ желаніе жениться на балеринѣ»; другой, находясь въ командировкѣ, испросилъ отпускъ, вопреки обычаю, у временнаго начальника, а не у своего батальоннаго командира и т. п. Когда въ 1903 году, по жалобѣ одного изъ потерпѣвшихъ, факты эти получили широкую огласку въ печати и вызвали запросъ въ парламентѣ, фельдмаршалъ Робертсъ вынужденъ былъ офиціально покарать старшихъ начальниковъ, допустившихъ у себя такіе порядки. Но одновременно въ частномъ письмѣ къ уволенному командиру батальона, отнесся къ нимъ... съ одобреніемъ.

* * *

Начальство изъ юнкеровъ — отдѣленные (на юнкерскомъ жаргонѣ — «шишки»), взводные («капралы») и фельдфебеля находились въ нелегкомъ положеніи. Въ мое время они связаны были сильно училищными традиціями и отправляли свои начальническія функціи по двумъ уставамъ: офиціальному и неписанному-юнкерскому. Въ службы они, по большей части, были Иванъ Иванычами или Ванями, смотря по близости отношеній. Только фельдфебеля держались болѣе офиціально. На службѣ должностные юнкера отдавали распорядженія, дѣлали замѣчанія и выговоры. Но докладывать по начальству неписанный уставъ разрѣшалъ имъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда другого выхода не было, когда нарушены были обще-юнкерскіе интересы, и нарушеніе порядка вмѣнялось въ вину обоими «уставами» — писаннымъ и неписаннымъ. Многіе должностные юнкера съ большимъ тактомъ несли свою трудную службу между молотомъ начальническихъ требованій и наковальной юнкерскихъ традицій.

Сложившіяся такъ взаимоотношенія были нѣсколько от-

лично отъ существовавшихъ въ другихъ военныхъ училищахъ. Да и въ Киевскомъ въ послѣдующіе годы отношенія измѣнились: тамъ началась борьба «капраловъ» и «шишекъ» за свою законную власть, поправную «обычнымъ правомъ». Появилось два типа должностного юнкера: прямой и убѣжденный службистъ, съ требовательностью котораго юнкера обыкновенно мирились; и весьма непопулярный типъ — подобоострастного съ высшими и надменнаго въ отношеніи нисшихъ. Съ этими послѣдними юнкерская среда боролась пассивно двумя способами: сатирой и моральнымъ бойкотомъ. Муза безыменныхъ поэтовъ въ лапидарныхъ стихахъ, быстро распространявшихся, клеймила неугодныхъ лицъ. Вотъ, напримѣръ, образчикъ типичной эпитагмы на фельдфебеля одного изъ позднѣйшихъ выпусковъ:

«Онъ изгнбался предъ начальствомъ
За что сторицей награжденъ;
И съ свойственнымъ ему нахальствомъ
На всѣхъ и вся плюеть ужъ онъ.
Занявъ сей постъ, онъ возгордился,
На тонъ повысилъ голосъ свой
И носомъ къ небесамъ воззрися...
Но... все-жъ остался онъ свиньей.»

Изъ года въ годъ повторялись такіе случаи столкновенія рядовыхъ юнкеровъ съ должностными, въ которыхъ общественное мнѣніе рѣшительно стояло на сторонѣ первыхъ. Такъ, напримѣръ, была у насъ баня — замѣчательная по тѣснотѣ и грязи. Отдѣленный приводитъ партію — мыгся. Молодой юнкеръ, пріятель отдѣленнаго, раздѣться-раздѣлся, но мыгся не рѣшился. Послѣдовало тоекратное приказаніе отдѣленнаго — юнкеръ все же не послушался. Отдѣленный пожаловался, и юнкера жестоко наказали; только то обстоятельство, что прослужилъ онъ всего около мѣсяца, спасло его отъ исключенія.

Взводъ тотчасъ же отвѣтилъ эпитагмой, начинавшейся словами:

«Великодушный левъ былъ въ дружбѣ со щенкомъ.
Но дѣло въ томъ,
Что нашъ щенокъ строптивымъ оказался
И слушать льва однажды отказался...»

И кончалось чѣмъ то непристойнымъ, вродѣ:

Какъ ни мала та куча,
А, всетаки, она вонюча.»

Юнкера воздерживались отъ общенія съ отдѣленнымъ; онъ крѣпился долго, но, наконецъ, сдался: принесъ публичное покаяніе.

Какъ рѣдкое исключеніе, примѣнялся еще одинъ способъ воздѣйствія...

Во 2-й ротѣ былъ юнкеръ М., имѣвшій въ характерѣ нѣчто отъ чеховскаго унтера Пришибеева и щедринскаго Іудушки Головлева. Находясь при исполненіи служебныхъ обязанностей, онъ съ бездушнымъ формализмомъ подавлявалъ самыя ничтожныя уклоненія юнкеровъ отъ уставнаго порядка и представлялъ по начальству рапортчики. Сами дежурные офицеры тяготились такимъ непомѣрнымъ усердіемъ, оставляя не разъ безъ вниманія его записи. Но командиръ роты благоволилъ къ М., и онъ старался. Къ намъ онъ имѣлъ отношеніе только тогда, когда дежурилъ по общей училищной кухнѣ. Въ такіе дни дежурному офицеру представлялись длинные списки юнкеровъ 1-й роты, причемъ наибольшая вина ихъ была не болѣе того, что юнкеръ спустился внизъ за кипяткомъ въ неурочный часъ.

М-го терпѣть не могли, и однажды это отношеніе прорвалось: изведенные М-мъ юнкера 1-й роты рѣшили устроить ему «бенефисъ».

Путь изъ нижняго этажа, гдѣ помѣщались столовая и кухня, во 2-ю роту шелъ черезъ казематы нашего 3-го и 4-го взводовъ. Когда М. поздно вечеромъ поднялся въ наше помѣщеніе, лампы мгновенно потухли, поднялся неисто-

вый вой, и десятки тугихъ подушекъ полетѣли въ М-го, сбивая его съ ногъ. Минуть черезъ пять, по жалобѣ М-го, прибѣжалъ дежурный офицеръ, но все было уже въ порядкѣ: юнкера мирно «спали», и по всѣмъ казематамъ раздавался слишкомъ отчетливый храпъ.

Можно двояко относиться ко всѣмъ этимъ эпизодамъ: какъ къ школьнымъ выходкамъ, или какъ къ серьезно-му нарушенію воинской дисциплины въ строевой части, какою было училище. Я хочу лишь на фонѣ ихъ отмѣтить одно свое наблюденіе: тѣ юнкера, которые въ училищѣ пользовались общей непріязнью, по большей части и въ дальнѣйшей жизни встрѣчали такое же къ себѣ отношеніе. Такъ вышло и съ М-мъ, съ которымъ мнѣ довелось встрѣтиться черезъ много лѣтъ. Офицеры въ полку, гдѣ онъ служилъ, относились къ нему весьма холодно; солдаты его терпѣть не могли; съ крестьянами — онъ былъ владѣльцемъ небольшого хутора — у М. выходили крупные нелады: онъ душилъ ихъ сутяжничествомъ, они отвѣчали краснымъ пѣтухомъ.

* * *

Трудно было уловить въ нашей школѣ степень индивидуальныхъ вліяній и наличіе какой-либо особенной системы воспитанія. Ни системы, ни даже преднамѣреннаго воспитанія въ обще-принятомъ смыслѣ въ ней не было. Подобно тому, какъ и тогда, и позднѣе трудно было бы уложить въ систему тотъ распорядокъ, который существовалъ въ училищахъ, отличавшихся несравненно болѣе суровой дисциплиной, даже механизацией жизни. Начальникъ приказывалъ, слѣдилъ за выполненіемъ приказа и каралъ за его нарушеніе. И только. Въ служебныхъ часовъ у насъ почти не было никакого общенія съ училищными офицерами. Мы были предоставлены самимъ себѣ. Начальникъ опытнымъ глазомъ замѣчалъ у отпускного юнкера нерформенный галстухъ и легко подавливалъ «винный духъ».

Но не удѣлялъ вниманія тому, напримѣръ, обстоятельству, какъ много юнкеровъ приносило изъ отпуска сифились, калѣчило тѣло и пакостило душу. Вообще, къ заболѣвшимъ венерическими болѣзнями и товарищи, и начальство относились только съ подтруниваніемъ. Одинъ начальникъ нашего училища при обходѣ лазарета задавалъ шутливые вопросы по поводу «грѣхопаденія», другой укорялъ въ плохомъ выборѣ...

Въ одномъ изъ юнкерскихъ кавалерійскихъ училищъ начальство смотрѣло на дѣло проще. Юнкеровъ водили въ публичный домъ, какъ въ баню, «повзводно», послѣ предварительнаго медицинскаго осмотра женщинъ.

Передъ нами открывались новые пути офицерской жизни, и мы выходили на нихъ ощупью, зная службу, но плохо разбираясь въ служебныхъ, житейскихъ, общественныхъ отношеніяхъ, дѣлая на первыхъ порахъ не мало ошибочныхъ шаговъ. Никто не внушалъ намъ, что по выходѣ изъ училища надо продолжать учиться и работать надъ собой.

Вообще, не было той близости, о которой въ области другихъ отношеній въ одинъ голосъ твердила приказная литература:

— Станьте ближе къ солдату!

Никто не напоминалъ:

— Станьте ближе къ юнкеру!

Въ училищѣ сосуществовали два разные міра, хотя и тѣсно соприкасавшіеся другъ съ другомъ.

Потому такъ цѣнились тѣ рѣдкіе училищные офицеры, которые, сохраняя престижъ начальника, просто и участливо входили въ юнкерскую жизнь; потому такъ охотно открывали передъ ними душу. Впрочемъ, такіе «либералы» у старшаго начальства бывали на плохомъ счету...

Отсутствовали и официальные бесѣды, поучающія долгу, патриотизму. Въ официальном отчетѣ Глав. упр. в.-учебныхъ заведеній за 06 годъ есть указаніе, что съ этого года заведены бесѣды ротныхъ командировъ и офицеровъ съ юнкерами — образовательнаго и воспитательнаго характера...

Какъ велось дѣло и каковы были результаты, не знаю. Но представляю себѣ всѣ трудности этого дѣла. Ибо даръ увлекать и вести вдохновеннымъ словомъ — удѣлъ немногихъ; а официальное краснорѣчіе, если оно бездарно или звучитъ фальшивыми нотами, чутко улавливаемыми молодежью, приводитъ всегда къ противоположнымъ результатамъ.

Близость можетъ, вѣдь, быть и неофициальной.

За два года пребыванія въ училищѣ я помню только два случая поученія передъ строемъ роты начальника училища — по поводу крупныхъ нарушеній юнкерами устава и морали, изъ которыхъ послѣднее было изъ ряду выходящимъ: юнкеръ попался въ кражѣ вещей въ цейхгаузѣ, изъ чемодана сосѣда. Это происшествіе и помимо начальническаго внушенія произвело такое угнетающее впечатлѣніе на юнкеровъ, что вся рота долго чувствовала себя, словно какъ оплеванной. Мнѣ рассказывали, что года черезъ два такой случай повторился. Нервная дрожь пробѣжала по рядамъ выстроившейся роты, когда генераль Лавровъ — блѣдный, съ трясущейся головой — подошелъ къ строю и страшнымъ, не своимъ голосомъ крикнулъ:

— Воръ, выходи!

И онъ вышелъ...

Въ обоихъ случаяхъ до суда дѣло не довели, считая, что слишкомъ большой позоръ легъ бы на школу. Юнкеровъ отчислили въ свои полки, сообщивъ туда, что они навсегда лишены права поступленія въ какое либо военное училище.

* * *

При отсутствіи планомѣрнаго воспитанія въ школѣ можно было бы думать, что она обрабатывала своихъ воспитанниковъ только внѣшне и технически, не затрагивая ихъ міровоззрѣнія...

Но этого не случилось.

Лепешинскій поблѣднѣлъ: на столѣ лежалъ проскрипціонный списокъ, периодически разсылаемый министерствомъ народнаго просвѣщенія заинтересованнымъ вѣдомствамъ, и въ немъ — подчеркнутая краснымъ карандашомъ его фамилія...

— Такъ точно...

— Ступайте!

И больше ни слова.

Велика должна была быть увѣренность Лобачевского въ своемъ знаніи человѣческой души и въ «иммунитетѣ» московской школы. Лепешинскій окончилъ благополучно училище и вышелъ во 2-ю артиллерійскую бригаду. Кроме большого скептицизма, ничто не обличало его прошлое. Служилъ исправно, въ японскую войну дрался доблестно и былъ сраженъ непріятельской шимозой.

Военный укладъ имѣлъ и инья, историческаго масштаба послѣдствія, о которыхъ человѣкъ другого лагеря, врядъ ли склонный идеализировать военный бытъ, говорить теперь:

«Интеллигентъ презиралъ спортъ такъ же, какъ и трудъ, и не могъ защитить себя отъ физическаго оскорбленія. Ненавидя войну и казарму, какъ школу войны, онъ стремился обойти или сократить единственную для себя возможность пріобрѣсти физическую квалификацію — на военной службѣ. Лишь офицерство получило иную школу, и потому лишь оно одно оказалось способнымъ вооруженной рукой защищать свой національный идеалъ въ эпоху гражданской войны»^{*)}).

* * *

Ранней весной пріѣхалъ неожиданно въ училище командующій войсками, генералъ Драгомировъ. Съ волненіемъ и

^{*)} «Современныя записки» № 39. Статья Г. Федотова — «Революція идетъ».

любопытствомъ бѣжали мы на плацъ, вызванные по тревогѣ, въ особенности первокурсники, еще не видавшіе популярнаго въ Россіи генерала и грознаго начальника.

Выстроился батальонъ (двѣ роты). Изъ подѣхавшаго экипажа вышелъ, грузно опираясь на палку — результатъ раненія въ ногу въ турецкую войну — человекъ, будто только что сошедшій съ картины Рѣпина «Запорожцы». Такъ и казалось, что подойдетъ вотъ и окликнетъ:

— А что, хлопцы, есть еще порохъ въ пороховницахъ?

Но вмѣсто этого:

— Здорово, господа юнкера!

— Здра... жела... ваше... ство!

— Покажите, полковникъ, батальонное ученье.

Среди нашего начальства замѣшательство: пока по программамъ пройдены только взводныя ученья; половина юнкеровъ не участвовали ни разу даже въ ротномъ... Но оробѣвшій начальникъ училища не рискнулъ доложить. По командѣ старшаго ротнаго, подполковника Д., батальонъ начинаетъ перестроенія, сбивается и путается. Грозно сдвигаются брови у командующаго, нервно постукиваетъ палкой о землю. Что то кричитъ, чего за топотомъ шаговъ и гуломъ командъ намъ не слышно.

— Батальонъ стой!

— Уберите вы изъ строя этого танцора! — крикнулъ командующій, указывая палкой на одного изъ взводныхъ офицеровъ.

Это была незаслуженная обида: офицеръ, тяжело контуженный во время турецкой войны, страдалъ судорожнымъ подергиваніемъ головы... Начальникъ училища доложилъ, и Драгомировъ, подозревая офицера, извинился передъ нимъ. Случай — рѣдкій. Ибо генераль имѣлъ вообще обыкновеніе ругаться, не щадя офицерскаго достоинства, въ присутствіи подчиненныхъ.

Двинули батальонъ опять. Ученье идетъ плохо. При захожденіи взводами строй нашъ разорвался совсѣмъ.

— Батальонъ стой!

— Прочь! Не желаю смотреть! Даю вамъ двѣ недѣли сроку.

Уѣхалъ. Мы уходили, прогнанные съ плаца, понуро опустивъ головы, съ чувствомъ несправедливой обиды. Осрамить насъ на весь округъ, распишетъ въ приказѣ... Все училище въ теченіе двухъ недѣль жило нервной жизнью. Но, видимо, дѣло разъяснилось: приказа не послѣдовало, а черезъ двѣ недѣли произвелъ намъ смотръ начальникъ штаба округа — Михаилу Ивановичу было, видимо, неловко — и нашелъ все въ отмѣнномъ порядкѣ.

Вообще, всѣ въ училищѣ искренно считали, что командующій нашего училища не любитъ, и въ оцѣнкѣ юнкеровъ несправедливъ. Такое мнѣніе держалось и въ позднѣйшихъ выпускахъ. Однажды — года черезъ два послѣ нашего выпуска — Драгомировъ уѣхалъ со смотра, не простившись, а къ фронту юнкеровъ, отдѣлившись отъ свиты, подѣхалъ генераль Шимановскій и громко объявилъ:

— Командующій войсками желаетъ училищу совершенствоваться!

Страшная обида и уныніе.

Другой разъ, послѣ окончанія смотра, генераль Драгомировъ обратился къ батальону юнкеровъ съ такой оригинальной «благодарностью»:

— Удовлетворительно!

Только «капралы» да нѣсколько юнкеровъ поробче отвѣтили:

— Рады стараться, ваше —ство!

Всѣ остальные молчали. Генераль Драгомировъ разнесъ начальника училища за то, что юнкера «не умѣютъ отвѣчать». И вдругъ Лавровъ, смиреннѣйшій передъ начальствомъ Лавровъ, покраснѣвъ и тяжело дыша, къ неописуемому изумленію и удовлетворенію юнкеровъ, докладываетъ:

— Это потому, ваше пр-ство, что юнкера не привыкли къ такой оцѣнкѣ. Они учатся всегда или «хорошо», или «отлично».

Но изумленіе возросло еще больше, когда грозный ко-

мандующій не возразилъ ничего. Поглядѣлъ на Лаврова изъ подъ нависшихъ бровей и уѣхалъ.

Лѣтомъ, въ послѣдній мой лагерный сборъ, батальонъ училища участвовалъ въ производившемся впервые ученьѣ съ боевыми патронами и стрѣльбой артиллеріи черезъ головы пѣхоты. До этого драгомировскаго нововведенія, изъ за опасенія несчастнаго случая, впереди батареи, въ огромномъ секторѣ артиллерійскаго обстрѣла, пѣхота не развертывалась. Этимъ искажалась совершенно картина дѣйствительнаго боя. Артиллеристы, видимо, нѣсколько нервничали, и снаряды падали иногда не туда, куда слѣдовало, разрываясь въ опасной близости отъ насъ. Но въ общемъ стрѣльба и маневръ прошли удачно, и командующій въ отличномъ расположеніи духа садился въ экипажъ, гдѣ его поджидалъ пріѣхавшій съ нимъ Бродскій — извѣстный кievскій сахарозаводчикъ и обычный карточный партнеръ Михаила Ивановича.

— Юнкера, ко мнѣ!

Бросились къ экипажу, окружили командующаго. Тяжело пыхтя, подошелъ скорымъ шагомъ и начальникъ училища.

— Ну вотъ, и подъ огнемъ побывали. Не страшно было?

— Никакъ нѣтъ, ваше высокопревосходительство!

— И въ бою не многимъ страшнѣе. Безсмысленно учить не такъ, какъ это дѣлается на войнѣ. А безъ риска и... чихнуть (генеральъ выразился рѣзче) иной разъ нельзя... Отлично юнкера учились, чѣмъ бы ихъ побаловать? — обратился онъ къ генералу Лаврову.

Ну, конечно, скажетъ — отпускомъ дня на два. Что можетъ быть для юнкера радостнѣе! И вдругъ... ушамъ своимъ не вѣримъ:

— Мороженнаго имъ выдать, ваше высокопр-ство.

Точно институткамъ...

— Ну-ка, раскошеливайся, уважь юнкеровъ! — обратился Михаилъ Ивановичъ къ Бродскому, хлопнувъ его по плечу.

Два дня мы ѳли по огромной порціи мороженнаго; ѳли съ удовольствіемъ, но все же брали при этомъ порядкомъ начальника училища за недогадливость.

* * *

Весною, теплымъ маемъ наступало самое пріятное время — съемки.

Раннимъ утромъ, послѣ чая мы уходили партіями за городъ, въ поле на цѣлый день. Училище выдавало намъ «кормовыя деньги» и требовало только возвращенія къ вечерней переключкѣ. Но и опозданіе рѣдко вмѣнялось въ вину.

Полная свобода. Нѣсколько часовъ работы или повѣрка руководителемъ, и весь остальной день бродяжничаемъ по полямъ, по лѣсамъ. Въ полдень — вкусный борщъ и галушки, не уступающіе миргородскимъ, приготовленные «Солохой» изъ деревни Соломинки — тогда еще не тронутой городской культурой, съ ослѣпительно бѣлыми хатами и садочками въ бѣломъ цвѣту. А юнкеръ М. — нашъ виночерпій — нерѣшительно вынимаетъ изъ подъ полы граненую бутылку тройной очищенной Попова, заготовленную по случаю участія въ нашемъ полевомъ обѣдѣ руководителя, капитана генеральнаго штаба *Т. Малева*.

«Пройдетъ номеръ или не пройдетъ?»

— Да ужъ ставьте на столъ, юнкеръ, нечего прятать. Подъ такой борщъ простительно.

Потомъ отдыхъ, и опять — бродить съ планшетомъ, уловляя и нанося на кроки умозрительныя «горизонталы» и складки мѣстности, успѣвая между дѣломъ побалакать съ пестрымъ платочкомъ, мелькающимъ въ огородѣ, или даже слетать единымъ духомъ въ Кадетскую рошу, гдѣ уже ждетъ нетерпѣливо укрытый яркимъ зонтикомъ предметъ весеннихъ грезъ...

Горизонталы подождутъ, складки не разглядятся...

Нѣкоторые юнкера — лѣнтяи или не одолѣвшіе топографической премудрости — устраивались иначе. Возлѣ училища ютились бывшіе люди, босяки, прикармливаемые юнкерами. Среди нихъ помню одну колоритную фигуру, именовавшуюся отставнымъ капитаномъ и даже академикомъ. Босякъ былъ оборванъ и часто «на взводѣ», ночевалъ обычно въ помойной ямѣ... Но бесѣдовалъ съ нами съ большимъ достоинствомъ и принималъ юнкерскія даванія такъ, какъ будто дѣлалъ намъ одолженіе. Повидимому, это тотъ самый, который, по рассказамъ одного изъ младшихъ моихъ однокашниковъ, дѣлалъ за юнкеровъ кроки.

Разговоръ съ юнкеромъ бывалъ кратокъ:

— Поль бутылки водки съ селедкой и огурцомъ. Заданіе, мѣсто, на сколько балловъ?

«Капитанъ» отлично зналъ раіонъ съемоковъ и имѣлъ при себѣ «зеленку» (карту); не выходя изъ трактира, онъ тутъ же брался за работу, и черезъ часъ планшетъ готовъ. Никогда не подводилъ юнкера. По окончаніи работы полагалось еще поль бутылки съ котлетой...

Вечеромъ — обвѣтренные, загорѣлые и усталые, но веселые и довольные, валимся въ жесткія постели и засыпаемъ мертвымъ сномъ.

Балль за съемку — послѣдній. У инспектора классовъ составляется списокъ выпускныхъ юнкеровъ по старшинству балловъ, и передъ выходомъ въ лагерь происходитъ важный въ юнкерской жизни актъ — разборъ вакансій.

* * *

Въ списокъ по старшинству въ головѣ помѣщались фельдфебеля, потомъ должностные унтеръ-офицеры (портупей-юнкера), наконецъ юнкера по старшинству балловъ. Одновременно вывѣшивался и списокъ вакансій, которыхъ было нѣсколько лишнихъ противъ числа юнкеровъ.

Большое волненіе, нѣкоторая растерянность. Вѣдь, помимо объективныхъ условій и личныхъ вкусовъ, есть нѣчто провиденціальное въ этомъ выборѣ тропинки на жизненномъ распутьи, на переломѣ судьбы. Этотъ выборъ предопредѣляетъ во многомъ укладъ личной жизни, служебные успѣхи и неудачи — и жизнь, и смерть...

Какъ общее правило, на юнкерской «биржѣ» вакансіи котировались въ такой послѣдовательности: гвардія, полевая артиллерія, крѣпостная артиллерія и саперы, наконецъ — армейская пѣхота, въ зависимости отъ боевой и мирной репутаціи полковъ и ихъ стоянокъ. Бывало, однако, что юнкера, высоко стоявшіе въ спискѣ и имѣвшіе широкій выборъ, выходили въ захолустья изъ привязанности къ роднымъ мѣстамъ или роднымъ полкамъ; особенно замѣчалось это у кавказцевъ и туркестанцевъ.

Земля Россійская необъятна, а «Краткое расписаніе сухопутныхъ войскъ» не вразумительно... Бѣгаютъ другъ къ другу, ищутъ свѣдущихъ людей, обращаются за разъясненіемъ къ своимъ офицерамъ, посылаютъ телеграммы роднымъ — за совѣтомъ... Всѣ мысли занимаетъ одинъ вопросъ — куда выйти?

— Что такое «Рѣпинскій штабъ»?

— «Урочище Термезъ»... Почему — «урочище»?

— Чортъ ихъ знаетъ. Одно могу вамъ сказать, что, если написано «штабъ» или «урочище» — плюньте, грущоба.

— Это безсовѣстно, Володя. Разъ ты прикомандировываешься къ саперному батальону, зачѣмъ берешь Екатеринославъ? Взялъ бы дыру какуюнибудь...

— А если черезъ годъ на саперномъ экзаменѣ провалюсь?..

— Предусмотрительно, чортъ возьми!..

— Скажите, «Русскій островъ» — это все равно, что Владивостокъ?

— Что вы, батенька, полъ года нѣтъ сообщенія съ сусшей!.. Туда только кандидатамъ въ самоубійцы можно выходить.

— Просто, вы представлѣнія не имѣете объ артиллеріи — резонерствуетъ среди группы, сбившейся тѣсно подъ деревомъ, въ училищномъ садикѣ, солидный юнкеръ — типа всезнающихъ. — Варшавская крѣпость и Варшава — это двѣ вещи разныя. Въ Варшаву надо отпускной билетъ брать изъ крѣпости — я знаю, мой дядька тамъ служилъ... И, кромѣ того, вылазочная батарея — совсѣмъ не то, что полевая: ее запрягаютъ только, когда крѣпость на осадномъ положеніи. Будете ходить пѣшедраломъ, а шпоры — это больше для утѣшенія.

Но, видимо, слушатели не вѣрятъ ни одному слову говорящаго: самъ онъ стоитъ низко, не заинтересованъ; старается, вѣроятно, въ пользу пріятели, облюбовавшаго Варшавскую вылазочную батарею.

Черезъ шестнадцать лѣтъ мнѣ довелось, руководя съемкой въ Казанскомъ юнкерскомъ училищѣ, вмѣстѣ съ выпускными юнкерами пережить опять эти памятные дни юнкерской жизни. До чего живучъ быть! Тѣ же типы, настроенія, разговоры даже... Словно и не было этихъ лѣтъ, посеребрившихъ мою голову, не было разстоянія въ двѣ тысячи верстъ, и я — не въ барачномъ лагерѣ у Казанки рѣки, а въ старомъ крѣпостномъ зданіи на Печерскѣ, у тихаго Днѣпра...

Любители составляли заранѣе «черновой списокъ» путемъ опроса всѣхъ выпускныхъ. Но онъ не окончателенъ: нѣкоторые юнкера — въ нерѣшительности; другіе ставятъ рѣшеніе вопроса въ зависимость отъ ожидаемой телеграммы. И потому нервное напряженіе растетъ.

Наконецъ, приходитъ день разборки вакансій.

Къ столу, за которымъ сидятъ начальникъ училища и инспекторъ классовъ, подходятъ вызываемые по старшинству списка: серьезные, веселые или сумрачные; нѣкоторые съ волненіемъ называютъ избранную часть и дрожащей рукой заносятъ названіе ея въ вѣдомость.

Нашъ фельдфебель взялъ единственную вакансію въ гвардію. Въ позднѣйшихъ выпускахъ ихъ было больше.

Но гвардейскія вакансіи не общедоступны... По оплошности училищнаго начальства, не остерегшаго юнкеровъ о существованіи въ гвардіи особыхъ порядковъ, съ нѣкоторыми изъ нихъ случились вполсѣдствіи прискорбныя недоразумѣнія. Такъ, варшавская гвардія (3 гв. див.) отказалась разъ принять группу офицеровъ, выпущенныхъ изъ военныхъ училищъ, на томъ основаніи, что они не были потомственными дворянами. Вышла громкая исторія, доходившая до Государя, причемъ военный министръ предоставилъ вполсѣдствіи этимъ офицерамъ другія вакансіи. Но можно себѣ представить моральныя переживанія людей, изгнанныхъ за «худородность» и вынужденныхъ ходить по мытарствамъ, въ поискахъ новаго назначенія. Мнѣ описывали волнующую сцену, какъ отецъ одного изъ нихъ, пожилой армейскій капитанъ, пріѣхавшій въ Варшаву изъ провинціи — порадоваться на своего сына, плакалъ горькими слезами въ нашемъ штабѣ, говоря о причиненной имъ обоимъ обидѣ.

Разборъ вакансій продолжается. Кто-то изъ высоко стоящихъ заявляетъ:

— Разрѣшите, господинъ полковникъ, взять вакансію послѣ юнкера N.

Это — друзья неразлучные. Первый жертвуетъ своимъ старшинствомъ и снижаетъ челоуѣкъ на двадцать, чтобы, совмѣстно съ другомъ, выбрать вакансію въ одинъ полкъ или, по крайней мѣрѣ, въ одинъ городъ. И какая обида, если жертва окажется напрасной — подходящія вакансіи разберутъ раньше!..

Постепенно вакансіи въ спеціальные роды оружія, въ популярныя полки и хорошія стоянки разобраны. Остались лишь «урочища», «штабы» и вообще отчаянныя труппы. Юнкера нижней части списка — «камчатка» — веселы и безпечны: имъ безпокоиться нечего — все равно никакого выбора нѣтъ. Одинъ юнкеръ называетъ часть съ какой то неудобопроизносимой и неизвѣстной стоянкой. Инспекторъ классовъ, съ присушимъ ему ехидствомъ, поинтересовался:

— Скажите, юнкеръ, почему вы избрали именно эту часть?

— По околышу, господинъ капитанъ. Синій — пойдетъ къ лицу.

Юнкеръ «имѣеть зубъ» противъ инспектора классовъ, считая его виновникомъ своей неудачи...

Въ Казанскомъ училищѣ я былъ свидѣтелемъ характернаго эпизода. Юнкеръ съ высшимъ въ училищѣ балломъ, не имѣвшій нашивокъ и поставленный поэтому послѣ всѣхъ должностныхъ, вышелъ къ столу мрачный и блѣдный и отчетливо, рѣзко заявилъ:

— Въ N-ю Восточно-сибирскую обозную полуроту.

Въ баракъ — движеніе. Всѣ — и начальство, и юнкера — смущены. Я изумленъ, что присылаютъ такія нелѣпыя вакансіи молодымъ офицерамъ, къ тому же въ отчаянную сибирскую глушь, и ничего не понимаю въ происходящемъ. Начальникъ училища сталъ отговаривать юнкера:

— Подумайте, зачѣмъ вы это дѣлаете? Передъ вами столько прекрасныхъ полковъ и отличныхъ стоянокъ...

Вторичное твердое заявленіе:

— Я желаю выйти въ N-ю Восточно-сибирскую обозную полуроту.

Мнѣ рассказали потомъ исторію юнкера. Отличный по наукамъ и по строю, онъ былъ назначенъ фельдфебелемъ. Но вскорѣ его разжаловали за какой то беспорядокъ въ ротѣ, въ которомъ юнкерская молва считала его совершенно неповиннымъ. Онъ тяжело пережилъ свою неудачу и сохранилъ въ сердцѣ глубокую обиду. И вотъ теперь онъ такъ своеобразно «мстилъ» своему начальству: думали, молъ, лишить его преимуществъ, обидѣть, такъ вотъ онъ съ презрѣніемъ относится къ предоставляемымъ «ими» преимуществамъ; беретъ такую вакансію, которую не взялъ бы послѣдній юнкеръ.

Впослѣдствіи кто то съумѣлъ подойти къ больной душѣ юноши и уломать его. Откликнулось и Главное управление

воен.-учебн. заведеній, предоставивъ ему болѣе подходящее назначеніе.

И такъ, списокъ для Высочайшаго приказа заполненъ. Жребій брошенъ.

* * *

Судьба разбросала насъ по свѣту. Много ли осталось въ живыхъ отъ выпуска 1892 года въ дни, когда пишутся эти строки? А тѣ, что уцѣлѣли, какими путями пошли, какихъ становъ воинами стали?

Невольно приходятъ на память два имени...

Военно-училищный курсъ окончилъ тогда, вмѣстѣ со мною, выйдя подпоручикомъ въ артиллерію Павелъ Сытинъ... Впослѣдствіи онъ прошелъ курсъ Академіи генеральнаго штаба и былъ возвращенъ въ строй. Въ концѣ великой войны въ чинѣ генерала командовалъ артиллерійской бригадой. Съ началомъ революціи неудержимой демагогіей и «революціонностью» ловилъ свою фортуна въ кровавомъ безвременьи. И преуспѣлъ: поступивъ однимъ изъ первыхъ на службу къ большевикамъ, занялъ вскорѣ, но не надолго постъ главнокомандующаго Южнымъ краснымъ фронтомъ.

Это онъ велъ красныя полчища зимою 18 года противъ изнемогавшаго въ борьбѣ Дона...

Юнкерскій курсъ окончилъ, выйдя подпрапорщикомъ въ пѣхоту, С. Л. Станкевичъ... Свой первый офицерскій Георгій онъ получилъ въ китайскую кампанію, командуя ротой сибирскихъ стрѣлковъ, за громкое дѣло — взятіе имъ форта Таку. Въ великой войнѣ онъ былъ командиромъ полка, потомъ бригады въ 4-й стрѣлковой «Желѣзной» дивизіи, участвуя доблестно во всѣхъ ея славныхъ бояхъ; въ концѣ 16 года принялъ отъ меня «Желѣзную» дивизію. Послѣ крушенія арміи, имѣя возможность занять высокій постъ въ нарождавшейся польской арміи, какъ полякъ по происхожденію, онъ не пожелалъ оставить своей второй ро-

дины: дрался искусно и мужественно противъ большевиковъ, сначала командуя отвѣтственнымъ отрядомъ на поляхъ ставропольскихъ, потомъ во главѣ I-й Добровольческой дивизіи въ Донецкомъ бассейнѣ, противъ войскъ... Павла Сытина. Тамъ же и умеръ.

Два пути, двѣ совѣсти.

* * *

Славное время — лагеря. Въмѣсто общихъ казематовъ — палатки на пять человекъ — обыкновенно добрыхъ друзей — защищенныя отъ нескромныхъ взоровъ и недреманнаго ока начальства. Въмѣсто книжной премудрости и шагистики — работа въ полѣ, съ прикладными ученьями и маневрами, вѣнчающими строевое обученіе и носящими въ себѣ элементы охотничьяго спорта, здороваго моціона и соревнованія въ знаніи, смѣтливости и выносливости. Хорошо соображенныя, въ мѣру утомительныя, въ особенности если ранцы безъ укладки, эти ученья — одно удовольствіе. Въ позднѣйшіе годы (99), въ бытность начальникомъ училища ген. Шуваева, введены были первый разъ и подвижные сборы училища. Дней 10—12 ходилъ походомъ батальонъ юнкеровъ по Черниговской губерніи, съ тактическими ученьями, маленькими маневрами, переправами... Нагуливали знаніе, здоровье и веселость.

Юнкерская пѣсня воспѣвала лагеря:

«Взвѣйтесь, соколы, орлами,
Полно горе горевать!
То ли дѣло подъ шатрами
Въ полѣ лагеремъ стоять!»

Впрочемъ, къ концу лагеря послѣднія двѣ строчки звучали иначе:

«Ужъ недолго намъ осталось
Производства ожидать!»

И, чѣмъ ближе къ выпуску, тѣмъ чаще, возвращаясь съ ученья, роты, при молчаливомъ непротивленіи офицеровъ, распѣвали злободневныя пѣсни, въ которыхъ — весьма прозрачными намеками — затрагивались и училищный режимъ и нѣкоторые начальники.

А между дѣломъ — гуляй! Подъ бокомъ — лѣсъ и рѣка. Въ лѣсу, у шоссе, противъ лагеря 2-й роты, за запретной чертой — большой соблазнъ: балаганчикъ «Чуха» — со всякой снѣдью, съ водкой и кредитомъ. За кухней — другой: лавочка стоявшей по сосѣдству батареи. Туда бѣгали втихомолку за пивомъ — съ чайниками, будто за кипяткомъ на кухню.

Послѣдніе лагеря — хлопотъ не оберешься. Приходятъ портные, сапожники, шапочники — снимать мѣрку, примѣрять офицерскую форму. Первый выпускъ, дѣло еще не налажено. Идутъ долгія обсуждения — у кого и какого фасона вещи заказывать, чтобы не ударить лицомъ въ грязь. Въ результатѣ всѣхъ обсужденій и добрыхъ совѣтовъ — воротники у мундировъ такой высоты, что шея перестаетъ сгибаться надолго; кителя изъ «чортовой кожи» сидятъ словно панцири; а сапоги «американскаго лака» до того обтянуты, что одѣть ихъ при помощи машинки еще можно, но ужъ снять безъ посторонней помощи никакъ нельзя. Потомъ — хоть брось! Впрочемъ, такое франтовство — не «традиція», а случайная «мода». Позднѣйшіе выпуски, наоборотъ, щеголяли строго-форменной одеждой.

Но все это мелочи. Самое важное — впереди. Ближится день производства...

Мы чувствуемъ себя центромъ мірозданія. Предстоящее событіе такъ важно, такъ рѣзко ломаетъ всю жизнь, что ожиданіе его заслоняетъ собою всѣ остальные интересы, кажущіеся мелкими, ничтожными...

Мы знаемъ, что въ Петербургѣ производство обставлено торжественно, происходитъ въ Высочайшемъ присутствіи. Какъ будетъ у насъ — неизвѣстно: въ Кіевѣ, за время его существованія, это — первый офицерскій выпускъ.

Вызовутъ въ городъ или поздравятъ въ лагерь? Командующій войсками, или только начальникъ штаба?

4 августа вечеромъ вдругъ разносится по лагерю вѣсть, будто въ Красномъ Селѣ производство уже состоялось — нѣсколько юнкеровъ получили изъ Петербурга отъ родныхъ поздравительныя телеграммы... Волненіе и горечь: про насъ забыли. Или, можетъ быть, Высочайшая телеграмма все еще ходитъ по инстанціямъ?! Неспкойная ночь... На утро вновь томительное ожиданіе и... досадное разочарованіе: раздается сигналъ — «Выходить на занятія!»

Въ тотъ день строились мы хмурые. Офицеры какъ то неувѣренно отвѣчаютъ на вопросы о причинѣ задержки. Вѣроятно, знаютъ, въ чемъ дѣло, но не говорятъ... Какой то взводный юнкеръ, въ видѣ протеста, для встрѣчи начальства скомандовалъ:

— Смирно! Господа офицеры!

Ротный не сердится, только улыбка въ отвѣтъ. Понимаетъ наше настроеніе.

Занятія скомкали. И юнкера, и даже начальство то-ропятся въ лагерь. По дорогѣ, по традиціи, роты поютъ прощальную пѣсню:

Прощайте, стѣны, казематы —
Я въ васъ два года просидѣлъ.

.»

И дальше идетъ поминаніе — кого добромъ, кого худомъ — по юнкерской совѣсти и міропониманію.

Послѣ обѣда раздается сигналъ — «Сборъ начальниковъ!» Непонятно. Его играютъ въ предѣлахъ лагеря обыкновенно для созыва на обѣдъ офицеровъ. Но и у нихъ обѣдъ уже кончился... Звонкій голосъ дежурнаго юнкера разъясняетъ недоразумѣніе:

— Господамъ офицерамъ строиться на передней линейкѣ! Мы летимъ стремглавъ, на ходу застегивая пояса. Стро-

имся. Подходить начальник училища, читает телеграмму, поздравляет насъ съ производствомъ въ офицеры и краткимъ задушевнымъ словомъ напутствуетъ въ новую жизнь.

И все.

* * *

Мы нѣсколько смущены и даже какъ будто растеряны: такое необычайное событіе, и такъ просто, буднично все произошло... Но досадный налетъ скоро расплывается подъ напоромъ радостныхъ чувствъ, прущихъ изъ всѣхъ поръ нашего преображенного существа. Спѣшно одѣваемся въ новую форму и неувѣренной походкой, съ путающей между ногъ шашкой и цѣпляющимися — у кого есть — шпорами, идемъ нѣсколько верстъ по пыльной дорогѣ до перваго извозчика — въ городъ. Одни къ роднымъ или къ друзьямъ — поскорѣе приобщить ихъ къ своей радости; другіе — просто въ городъ — въ шумную толпу, въ гудящую улицу, чтобы окунуться съ головой въ полузапретную досель жизнь, несущую — такъ крѣпко вѣрится — много свѣта, радости, веселья...

Вечеромъ въ «Шато-де-флеръ», въ «Минерашкахъ», на Трухановомъ острову дымъ стоитъ коромысломъ. Кто не помнитъ первыхъ дней послѣ производства молодыхъ офицеровъ въ Петербургъ, Москвѣ, Киевѣ!.. Кто не смотрѣлъ съ сочувственной улыбкой или добродушнымъ ворчаніемъ на сумасбродства молодежи! Но, если вы, читатель, пуританинъ или просто «принципіальный противникъ военщины», мой вамъ совѣтъ: вспомните далекое и милое прошлое, праздникъ просвѣщенія въ старой Россіи — Татьянинъ день. Когда вы забывали и годы, и сѣдины, и больную печень... Пѣли «Gaudeamus», пили, цѣловались... И, можетъ быть даже, отъ избытка чувствъ и возліаній, клялись въ вѣрности завѣтамъ передъ выдавшей всякіе виды вѣшалкой у Яра... Вѣдь было?

И тогда многое вамъ станетъ понятнымъ.

Мы кочуемъ гурьбой изъ одного мѣста въ другое, принося съ собою буйное веселье. Съ нами — большинство училищныхъ офицеровъ. Льетса вино, затѣваются пѣсни, сыплются воспоминанія. Подъ смѣхъ бывшихъ начальниковъ и подчиненныхъ раскрываются развеселыя юнкерскія продѣлки.

Кто то безподобно имитируетъ рѣчь капитана Л-го:

— Ну-съ, батенька, пора отвыкнуть отъ домашней распущенности. Вы — юнкеръ!

Другой, обнявшись съ капитаномъ К-ко, твердитъ упрямо:

— Нѣтъ, дорогой, не отвертисься. Бытылка пива за тобой. Вѣдь полъ чайника выдулъ!..

Оказывается, шелъ юнкеръ за нѣсколько дней до производства изъ артиллерійской лавочки, неся чайникъ, полный пива, и на линейкѣ повстрѣчался на бѣду съ К-ко.

— Аркадій, что несешь?

К-ко говорилъ «ты» тѣмъ своимъ юнкерамъ, которыхъ любилъ, и это очень цѣнили.

— Кипятокъ, господинъ капитанъ.

— Дай напиться!

— Обожгетесь, господинъ капитанъ.

— Ничего, выдержу.

Поднесъ къ губамъ и выпилъ добрую половину...

Спасибо, ступай дальше.

Молодой подпоручикъ полонъ добраго чувства къ бывшему своему взводному офицеру за ласку и великодушіе. «Вѣдь, могъ погубить...»

Въ головѣ — туманъ, а въ сердцѣ такой переизбытокъ нѣжности, что взялъ бы вотъ въ охапку весь міръ и расцѣловаль. Должно быть у всѣхъ такое настроеніе, за исключеніемъ, развѣ, нѣсколькихъ забіякъ, вступающихъ въ ссору съ «вольными». Кажется даже, что рискни въ этотъ день появиться среди насъ поручикъ В-чъ — тотъ самый, изъ дисциплинарнаго батальона — и его бы помиловали...

Потомъ люди, столики, эстрада — все сливается въ одно многогранное, многоцвѣтное пятно и уплываетъ
.

* * *

Черезъ день-два поѣзда уносятъ изъ Кіева вновь произведенныхъ офицеровъ во всѣ концы Россіи — въ 28-дневный отпускъ, послѣ котораго начинается для нихъ новая полоса жизни и службы.

ВЪ АРТИЛЛЕРІЙСКОЙ БРИГАДѢ.

I.

Осенью 1892 года я прибылъ къ мѣсту службы, во 2-ю полевую артиллерійскую бригаду — въ городъ Бѣлу, Сѣдлецкой губерніи.

Это была типичная стоянка для большинства войсковыхъ частей, заброшенныхъ въ захолустья Варшавскаго, Виленскаго, отчасти Кіевскаго округовъ — гдѣ протекала иногда добрая половина жизни служилыхъ людей. Быть бригады и жизнь городишки переплетались такъ тѣсно, что о послѣдней стоитъ сказать нѣсколько словъ.

Населеніе Бѣлы не превышало 8 тыс. человекъ, въ томъ числѣ около 6 тыс. евреевъ. Евреи держали въ своихъ рукахъ всю городскую торговлю, они же были поставщиками, подрядчиками, мастеровыми, мелкими комиссіонерами. Безъ «фактора» нельзя было ступить ни шагу; они буквально за гроши облегчали вамъ хозяйственное бремя жизни и доставали изъ Бреста, Варшавы — откуда угодно и что угодно. Кромѣ общедоступныхъ средствъ сообщенія, они пользовались еще своими особенными, значительно ускорившими сношенія: такъ, «пантофлевая почта» успѣшно конкурировала съ государственной, а стѣнки вагоновъ товарищеской были испещрены какими то іероглифами, которые находили гдѣ-то адресатовъ и сообщали имъ цѣны, предложенія, заказы... Скорость и дешевизна! О такихъ

событіяхъ, какъ крупный выигрышь, павшій на билетъ варшавской лотереи, принадлежащій кому либо изъ мѣстныхъ обитателей, перемѣщеніе въ Бѣлу новыхъ частей, смѣна губернатора — мы узнавали при посредствѣ «пантофлевой почты» гораздо раньше, нежели изъ газетъ.

У евреевъ можно было покупать что угодно, обзаводиться, одѣваться — въ долгосрочный кредитъ, перехватить денегъ подъ вексель — на покрытіе нехватки въ офицерскомъ содержаніи. Раньше этимъ пользовались широко и запутывались основательно. Но въ мое время бригада жила скромно, не многіе входили въ долги. При мнѣ оставалось только 4—5 старыхъ офицеровъ — неисправныхъ должниковъ, съ которыхъ казначей хронически удерживалъ $\frac{2}{3}$ содержанія по старымъ исполнительнымъ листамъ.

Среди бѣльскихъ евреевъ было очень мало интеллигентныхъ людей. Почти всѣ, не исключая семьи мѣстнаго милліонера Пижица, держались крѣпко «старого закона»; мужчины носили длинные «лапсердаки», женщины — уродливые парики; своихъ дѣтей учили въ хедерахъ; молодежь, проходившая курсъ въ гимназіяхъ, обыкновенно не осѣдала въ городѣ, разсѣиваясь въ поискахъ болѣе широкихъ горизонтовъ.

Возлѣ насъ проходила жизнь бѣднаго мѣстечковаго еврейства — виѣшне открыто, по существу же — совершенно замкнутая и намъ чуждая. Тамъ создались свои обособленные взаимоотношенія, свое обложеніе — такъ же исправно взимаемое, какъ государственнымъ фискомъ, свои нотаріальныя функціи, судъ и расправа, чинимые кагаломъ и считаемыми цадиками и равинами; своя система религіознаго и экономическаго бойкота. Въ Люблинѣ существовала подпольная анонимная лотерея, съ агентурой, распространенной по всей Польшѣ, дѣйствовавшая параллельно съ государственной, на тѣ же номера, но съ уменьшенными, болѣе доступными ставками; благодаря организованной круговой поруки, не было случая неисправной уплаты выигравшимъ... Точно такъ же, какъ, вслѣдствіе интимныхъ отношеній съ

мѣстной полиціей, не было случая привлеченія этого общества къ отвѣтственности...

Войсковые подрядчики гдѣ-то, въ негласномъ трибуналѣ, разграничивали между собой раіоны поставокъ, обращая официальные торги въ фикцію, получая на «кормленіе» опредѣленные полки и батареи.

То специфическое отношеніе къ мѣстечковымъ евреямъ со стороны офицерства, которое давало безчисленныя темы для старыхъ еврейскихъ анекдотовъ, для походовъ развеселыхъ корнетовъ, выведенныхъ Крестовскимъ, къ 90-мъ годамъ значительно измѣнилось. Буянили еще изрѣдка неуравновѣшенные натуры, но дебоши не облакались уже ореоломъ, а ликвидировались негласно и прозаически — вознагражденіемъ потерпѣвшихъ или командирскимъ воздѣйствіемъ.

Бывало, и въ бригадѣ погуливали еще послѣдніе могики... Старый штабсъ-капитанъ Р-въ вѣдетъ верхомъ по десятку ступеней въ лавку Кагана, напугавъ до обморока его вѣчно беременную супругу... Или, послѣ товарищеской пирушки, возвращаясь домой глубокой ночью, подпоручикъ С-ій устроить извозчикамъ-балагуламъ, дежурящимъ на городской площади, «конное батарейное ученіе»...

А наутро — хорошо еще, если только бригадирскій разность... Бывало позовутъ «на исповѣдь» къ Ивану Александровичу Гомолицкому — безсмѣнному выборному предсѣдателю офицерскаго суда — это много неприятнѣе.

Наибольше колоритной фигурой среди «могикианъ» былъ подпоручикъ К-ій, опоздавшій съ рожденіемъ своимъ по крайней мѣрѣ на четверть вѣка. Отличный артиллеристъ, человекъ начитанный и остроумный, онъ былъ, очевидно, «рожденъ для бурь и битвъ»; и, не находя выхода своей буйной натурѣ въ тихой заводи уѣзднаго городишки, чудилъ и скандалил безъ удержу. Продѣлкамъ и «битвамъ» его не было счету.

Какъ-то разъ захватилъ онъ на улицѣ грязнаго, обрваннаго еврейскаго мальчугана, повелъ его въ заѣзжій

циркъ и, купивъ два билета, посадилъ его съ собою въ первый рядъ, занятый уѣздной знатью... Надо было видѣть испугъ мальчугана и возмущеніе знати!

Но выходки К-го носили чаще буйный характеръ. По поводу и безъ повода онъ чинилъ расправы, приводившія въ трепетъ населеніе и въ негодованіе начальство. При этомъ ходилъ въ толпу одинъ и безоружный, ничего не боясь. И это, вѣроятно, импонировало, такъ какъ его никогда не трогали. Только однажды, преслѣдуя человѣка, будто бы задѣвшаго его, К-ій встрѣтилъ отпоръ и угрозы со стороны собравшейся толпы. Не долго думая, онъ сорвалъ съ петель дверь въ ближайшей лавкѣ и ею расправился и съ «виновникомъ», и съ его защитниками. Потомъ спокойно подойдя къ оставленному тутъ-же на площади коню, сѣлъ верхомъ и шагомъ поѣхалъ сквозь толпу. И на ходу бросилъ приближавшему на шумъ старшему стражнику:

— Видѣлъ, Николаевъ? Доложи начальнику уѣзда: такіе удары наносилъ король лонгобардовъ!

Тогда еще въ бригадѣ не принято было сажать офицера подъ арестъ, и К-ій получалъ множество выговоровъ. Когда прїѣдетъ, бывало, на инспекторскій смотръ начальникъ артиллеріи, въ воротахъ собранія его ждетъ уже толпа евреевъ съ письменными жалобами на К-го. Въ собраніи потомъ шелъ разборъ и расплата, и начальникъ артиллеріи раздраженно спрашивалъ К-го:

— Когда же вы уйдете, наконецъ, въ запасъ?

На что тотъ скромно докладывалъ:

— Обязанъ служить Его Императорскому Величеству три года за полученное въ военномъ училищѣ образованіе...

Любопытнѣе всего, что бѣльскіе евреи не питали злобы къ К-му и всегда готовы были оказать ему мелкія услуги. Доходило до курьезовъ. Въ день коронаціи, въ 96 году, въ собраніи шелъ пиръ. Хоръ бригадной музыки игралъ на площади передъ собраніемъ, гдѣ толпился въ праздничномъ настроеніи народъ. Вышелъ на улицу съ бокаломъ

шампанскаго въ рукѣ бывшій уже навеселѣ К-ій и, заглушая шумъ толпы, обратился къ ней:

— Здравствуй, мой вѣрный народъ!

Толпа отвѣтила громкимъ «ура», музыка заиграла тушь, К-го подхватили на руки и долго качали. Послѣ обѣда, довольный пріемомъ, онъ подкатилъ на тройкѣ къ балаганамъ, построеннымъ на мѣстѣ народнаго гулянія и разбросалъ своему «вѣрному народу» не малую сумму денегъ.

К-ій былъ послѣднимъ представителемъ въ бригадѣ отживавшаго быта. Умирали легенды, и уходила почва изъ подъ ногъ прямыхъ потомковъ «Бурцева — еры, забіяки». Уходили и люди, не умѣвшіе приспособиться къ новому скромному укладу жизни. Скоро ушелъ въ запасъ Р-въ, не совсѣмъ добровольно... Наступилъ чередъ и К-му.

Послѣдній разъ послѣ очередного, особенно громкаго скандала, пріѣхавшій въ Бѣлу начальникъ артиллеріи собралъ всѣхъ офицеровъ и внѣ себя сталъ кричать:

— Г о с п о д и н ъ К-ій!

К-ій не шевельнулся.

— Господинъ К-ій!

Кто то изъ товарищей дернулъ его за рукавъ сюртука; онъ повернулъ голову и тихо отвѣтилъ:

— Это — не меня...

Генераль спохватился:

— П о д п о р у ч и к ъ К-ій!

Онъ вышелъ впередъ съ почтительно-скромнымъ видомъ.

— Когда же вы, наконецъ, оставите бригаду?

— Осталось еще мѣсяца два, ваше пр-ство...

Въ этотъ разъ К-ій былъ посаженъ на гауптвахту на двѣ недѣли, какъ говорили, «для сокращенія обязательнаго срока службы»...

Къ нашему изумленію, К-ій, выйдя въ запасъ, скоро остепенился, сталъ дѣятельнымъ гласнымъ одного изъ передовыхъ губернскихъ земствъ, потомъ членомъ Государственной Думы.

Связанный сотнями нитей съ еврейскимъ населеніемъ Бѣлы въ области хозяйственной и мелкаго кредита, русскій служилый элементъ во всѣхъ прочіихъ отношеніяхъ жилъ совершенно обособленно отъ него. Можно себѣ представить поэтому, какъ было шокировано уздное общество, когда распространился слухъ, что бригадный командиръ бываетъ запросто у казармовладельца П. и разъ въ недѣлю играетъ у него въ преферансъ... Объ этомъ хвасталъ по всему городу самъ П. Правда, П. былъ весьма честолюбивъ; и однажды даже предложилъ городу вымостить и освѣщать на свой счетъ до конца живота своего казарменную улицу, въ грязь непроходимую, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы ее назвали «П-ской»... Злые языки утверждали, что визиты бригаднаго обходятся П. не дешево... Но люди болѣе освѣдомленные съ возмущеніемъ отрицали матеріальную заинтересованность бригадира, увѣряя, что тамъ — романъ... Вообще говоря, въ области взаимнаго общенія романическая почва была единственной, разрывавшей цѣпи гето и бѣльскихъ общественныхъ традицій.

Однажды Бѣла была потрясена небывалымъ событіемъ... Пожилой уже подполковникъ влюбился въ красивую еврейскую дѣвушку — бѣдную папиросницу. Взялъ ее къ себѣ, нанялъ ей учительницу и далъ ей приличное домашнее образованіе. Такъ какъ они никогда не показывались вмѣстѣ, и внѣшнія приличія были соблюдены, начальство не вмѣшивалось; молчала и еврейская община. Но когда прошелъ слухъ, что дѣвушка готовится перейти въ лютеранство, мирная еврейская Бѣла пришла въ необычайное волненіе. Грозилъ не на шутку убить ее... Большая толпа евреевъ ворвалась въ домъ, гдѣ предполагалось пребываніе дѣвушки, но тамъ ея не нашли: подполковникъ успѣлъ ее куда то спрятать. Возбужденіе росло. Однажды евреи подкараулили подполковника на окраинѣ города и въ большомъ числѣ напали на него. Произошла какая-то темная исторія, результатомъ которой было разслѣдованіе, восходившее на усмотрѣніе командующаго войсками округа. Противъ ожи-

данія дѣло окончилось благополучно: подполковникъ былъ переведенъ въ другую часть и на перепутьи, обойдя формальности и препятствія, успѣлъ жениться.

Я слышалъ потомъ, что маленькая папиросница съ достоинствомъ носила бремя положенія дивизионной и бригадной «командири».

* * *

Какъ бы то ни было, когда однажды прошелъ слухъ, что бригаду переводятъ изъ Бѣлы на Дальній Востокъ, все еврейское населеніе города пришло въ большое уныніе. И не только потому, что бригадою оно кормилось, а потому еще, что обидь отъ нея видѣло не много.

* * *

Польское общество жило замкнуто и сторонилось русскихъ.

Мы встрѣчались на нейтральной почвѣ — въ городскомъ клубѣ или въ «цукернѣ» пана Перткевича съ мужскими представителями польскаго общества, иногда вступали съ ними въ дружбу; но домами не знакомились. Польскія дамы были болѣе нетерпимыми, чѣмъ ихъ мужья, и эту нетерпимость могло побороть только увлеченіе. Такія отношенія существовали въ Варшавскомъ округѣ почти повсемѣстно, рѣже въ Сѣверо-западномъ краѣ, еще рѣже въ Юго-западномъ. Очевидно — въ соотвѣтствіи съ численнымъ соотношеніемъ «большинства» и «меньшинства»...

Офицерство въ отношеніи польскаго элемента держало себя весьма тактично, и какихъ либо столкновеній на національной почвѣ, даже въ загулявшихъ компаніяхъ, я положительно не помню. Разъ только случился эпизодъ...

Въ Бѣлѣ квартировали временно части Либавскаго пѣх. полка, въ томъ числѣ охотничья команда, съ лихимъ офице-

ромъ и большимъ озорникомъ во главѣ. Разъ среди бѣла дня польское населеніе бросилось къ окнамъ, пораженное неслыханнымъ явленіемъ: по улицѣ громко и стройно неслась пѣсня — польскій гимнъ:

«Еще Польша не сгинѣла,
Пуки мы жиемы.

. »

Та пѣсня, за исполненіе которой — даже въ четырехъ стѣнахъ частнаго дома — грозила ссылка или, во всякомъ случаѣ, тюрьма... Изумленіе возросло еще больше, когда поляки увидѣли, что поютъ... идущіе строемъ солдаты. Имъ смѣнилось возмущеніемъ, когда разобрали слова. Либавцы-охотники пѣли свою пѣсню, по русски, на мотивъ только польскаго гимна:

«Взбунтовались поляки,
Громы загремѣли.
Побѣдить царя Россіи,
Взять Москву хотѣли.

Братья-Россы

Кто на васъ возстанетъ!?

Тамъ ура — побѣда, слава,

Гдѣ громъ русскій грянетъ.

.
.

Начальство прекратило этотъ запоздалый «споръ славянъ между собою», и польское населеніе успокоилось.

* * *

Русская интеллигенція Бѣлы была немногочисленна и состояла исключительно изъ семействъ служилого элемента

или отставныхъ военныхъ. Всѣ были знакомы между собой или, по крайней мѣрѣ, знали другъ друга. Появленіе новаго лица тотчасъ же обращало на себя вниманіе.

Въ этомъ кругу сосредоточивались всѣ наши внѣшніе интересы: тамъ «бывали», ссорились и мирились, дружили и расходились, ухаживали и женились... Танцевали до упаду на собранскихъ вечерахъ или на клубныхъ маскарадахъ и потомъ на зарѣ по снѣжку, на батарейныхъ саняхъ — какъ же завидовали тѣмъ, кто имѣли право вызвать лошадей! — мчались въ лѣсъ — николаевскія шинели съ «домашнимъ бобромъ» и бѣличьи шубки...

А наши любительскіе спектакли, сопровождавшіеся такимъ волненіемъ отъ ожиданія, исполненія и послѣдствій!.. Ибо рѣдкій спектакль проходилъ безъ уязвленнаго самолюбія артистки, безъ ревности мужа или маленькой обиды кого либо изъ зрителей: помню, какое, на примѣръ, удовольствіе доставляла публикѣ игра талантливаго любителя, поручика Д., весьма удачно изображавшаго купца въ комедіи Островскаго «подъ командира 4 батареи»...

Какъ не вспомнить еще нашъ зеркальный катокъ на рѣчкѣ Кшнѣ, устраивавшійся для всего города — на праздникахъ съ глинтвейномъ и музыкой — по подпискѣ, на оберъ-офицерскіе рублишки, «красенькія» батарейныхъ и «четвертную» бригаднаго...

Словомъ, боролись, какъ умѣли, съ уѣздной скукой. Но когда старые офицеры рассказывали, бывало, о прошломъ бригады, много лѣтъ стоявшей въ Казани, про ширь тогдашней жизни, про веселье, хлѣбосольство, про пиры, забавы и проказы, — молодежь слушала съ затаенной грустью и завистью, и бѣльская жизнь казалась тогда еще болѣе сѣрой.

Изъ году въ годъ — все то-же, всѣ — тѣ-же. Одни и тѣ же разговоры, шутки. Вы заранѣе знаете, что уѣздный казначей при встрѣчѣ пожалуется на геморой; что лѣсничій скажетъ при прощаніи — «до сви...франція»; а дочка акцизнаго пожметъ вамъ крѣпко, по-мужски руку и броситъ кратко — «бывайте!». Что въ городскомъ клубѣ за винтомъ

(на три множить!) начальник земской стражи, рискнув неудачно, произнесетъ «по давыдовски»:

— Сорвалось!

А старый капитанъ Н-въ, по облику похожий болѣе на угодника, чѣмъ на воина, подведя своимъ ходомъ партнера, выругается громко и искренно:

— Ахъ, я — лошадь!

А когда придетъ время заморить червячка, пойдутъ всѣ гурьбой къ буфету и набросятся на «сезонныя» закуски. Особеннымъ успѣхомъ пользовалась превкусная фаршированная щука — у всѣхъ, безъ различія вѣроисповѣданій... Только докторъ З-ръ, желая показать, что не придерживается «старога закона», скосивъ глаза на щуку, скажетъ лакею:

— Прошѣ ми дать шинки*).

Или нашъ милѣйшій ветеринаръ, Зотикъ Павловичъ, въ просторѣчїи «Зонтикъ съ палочкой»... Придетъ, бывало, въ библиотечку и только буркнетъ присутствующимъ — «Здрас-те!» Но никогда не забудетъ пожать лапу забившемуся подъ столъ сетеру... Онъ вообще считалъ, что животныя много лучше людей.

Большой популярностью пользовался протопопъ, отецъ Николай. Онъ нештатно совершалъ всѣ требы бригадѣ; былъ остроуменъ, разнообразенъ и неистощимъ, особенно въ примѣненїи текстовъ къ мірскому быту. Отецъ Николай вошелъ всецѣло въ наши интересы и въ бригадную жизнь. И объ ней — больше съ иронїей, чѣмъ съ христіанскимъ всепрощенїемъ — говаривалъ:

— У господъ военныхъ только ежели не храбрый — грѣхъ. Все же прочее — добродѣтель.

На что бригадный острословъ, поручикъ Л-ій, — самъ изъ духовнаго званїя — отвѣчалъ лукавымъ вопросомъ:

— А не припомните-ли, отецъ Николай, про кого это въ писанїи сказано: «блаженъ мужъ спереди, а сзади — вскую шаташеся?»

*) Ветчина.

Лишь два-три дома, гдѣ можно не только повеселиться, но и поговорить на серьезные темы, по волнующимъ вопросамъ... Ни одинъ лекторъ, ни одна порядочная труппа не забредали случайно въ нашу глушь. Развѣ только бродячій циркъ, захолустная малороссійская «драма», подвизавшаяся въ пустыющихъ казармахъ Финкельштейна — неизмѣнно прогоравшая и подкармливаемая за счетъ добрыхъ сердецъ и тощихъ кармановъ офицерской молодежи. Да такіе еще гастролеры, какъ «профессоръ бѣлой и черной магіи европейскихскихъ столицъ» или «артистъ-свистунъ», однажды въ клубъ подавившійся спрятанной во рту свистулкой.

* * *

Изрѣдка спокойную жизнь Бѣлы нарушали событія, волновавшія городъ и долго потомъ служившія темой разговоровъ...

Эксцентричная барышня В-чъ, привыкшая къ поклоненію, на людной улицѣ выстрѣлила изъ револьвера въ упоръ въ ѣхавшаго верхомъ поручика Г-на — холоднаго покорителя сердецъ — и... промахнулась. Г-нъ остановилъ коня и привѣтливо раскланялся, а В-чъ уронила револьверъ, заплакавшись злыми слезами. Это ли не волнующая тема для всѣхъ гостиныхъ, для маленькаго парка надъ Кшною и «телятника» — тѣснаго четырехугольника городской площади — гдѣ бьется пульсъ всей бѣльской жизни...

А то еще — пріѣхалъ въ Бѣлу новый человекъ, судейскій — молодой, элегантный, надменный, относившійся съ подчеркнутымъ пренебреженіемъ къ военной молодежи. Бѣльскія дамы стали оказывать ему явные знаки вниманія, въ ущербъ старымъ своимъ поклонникамъ. Судейскій имѣлъ привычку никому не уступать дороги — ни старшимъ, ни даже женщинамъ. Однажды на людной площади навстрѣчу ему шелъ поручикъ З-нъ, низкаго роста, толстенькій и невозмутимо хладнокровный человекъ. Когда, не желая

уступить дороги, они подошли вплотную другъ къ другу, З-нъ быстро вынулъ изъ кармана револьверъ и направилъ его въ упоръ въ судейскаго. Тотъ, измѣнившись въ лицѣ отъ испуга, бросился въ сторону... А З-нъ, какъ ни въ чемъ не бывало, вложилъ дуло револьвера въ ротъ и... отгрызъ. Револьверъ былъ игрушечный, — шоколадный...

Съ этого дня звѣзда судейскаго на бѣльскомъ горизонтѣ закатилась навсегда.

Или когда въ бѣльскомъ свѣтѣ появилась варшавская львица — военная дама, взбудоражившая городокъ и послужившая причиной многихъ недоразумѣній, ссоръ и даже дуэли. Только потомъ стало яснымъ, что столкновение двухъ нашихъ поручиковъ она устроила умышленно, чтобы къ блеску своему прибавить еще одну дразнящую деталь: изъ за нея стрѣлялись...

Было воскресенье — канунъ разрѣшенной офицерскимъ судомъ дуэли. Соборъ полонъ молящихся. Тамъ и одинъ изъ соперниковъ — Л-ий. Входитъ она — провожаемая сотнями горящихъ нестерпимымъ любопытствомъ глазъ. Ставить свѣчу и театральнымъ жестомъ бросается на колѣни передъ иконой.

Л-ий, въ самыя исключительныя минуты не терявшій своего скептического юмора, наклоняется къ сосѣду:

— Какая, въ сущности, подлость — ставить одну свѣчку... Вѣдь это, безъ сомнѣнія, за него...

Дуэль окончилась благополучно: ожоги уха и погона. Но гремѣли, бывало, выстрѣлы и трагическіе...

Въ теченіе четырехъ лѣтъ подрядъ было четыре случая самоубійства молодыхъ, славныхъ офицеровъ. Одинъ — скромный, мягкій, любимый товарищами — покончилъ съ собою изъ за скрытаго недуга. Еще за годъ до того онъ пытался застрѣлиться, но рука дрогнула. Вбѣжавшій изъ сосѣдней комнаты на выстрѣлъ его сожитель Л-ий, понявъ, что произошло, спокойно обратился къ нему:

— Я не разрѣшалъ вамъ пользоваться моимъ револьверомъ. Потрудитесь почистить...

И юноша, смертельно блѣдный, принялся покорно, дрожащими руками за чистку револьвера.

Товарищи догадывались о томъ, что происходило въ душѣ его. Близкій другъ и преданный денщикъ — вдвоёмъ — оберегали его, въ особенности въ минуты раздумья. И не уберегли.

Его смерть произвела на офицеровъ сильное, гнетущее впечатлѣніе. Помню, какъ пріѣхавъ позднимъ вечеромъ изъ Варшавы на похороны своего пріятеля, я зашелъ поклониться его праху: открытая пустая квартира, мракъ; чуть брезжать свѣчи въ паникадилахъ; въ гробу — длинное тѣло; вмѣсто головы, развороченной ружейной пулей, безобразный комъ изъ марли и лоскутьевъ кожи... Повѣяло жутью. Въ эту ночь я былъ свидѣтелемъ коллективного психоза: люди вовсе не робкіе, глядѣвшіе потомъ много разъ безтрепетно въ глаза смерти, боялись темной комнаты, собирались вмѣстѣ и не расходились по домамъ до утра, чтобы не оставаться наединѣ со своими думами и съ мистическимъ призракомъ покойнаго...

Исторія другого самоубійства покрыта тайной. Есть полное основаніе предполагать, что оно явилось результатомъ чего-то вродѣ американской дуэли, въ которой одна сторона, будто-бы обиженная, играла навѣрняка, такъ какъ по нравственнымъ своимъ качествамъ завѣдомо не подчинилась бы персту рока... Прошло нѣсколько лѣтъ, и рокъ отомстил. Тотъ — другой, поставленный своими поступками въ безысходный тупикъ, искалъ смерти и нашель ее — далеко, далеко отъ Бѣлы...

Третій... Молодой поручикъ, общительный, жизнерадостный... Задолго до рокового дня онъ весело говорилъ друзьямъ, что скоро его не станетъ. Такъ весело, что никто ему не вѣрилъ. «Рисуется»... Однажды, среди веселой пирушки онъ вынулъ револьверъ, заряженный черезъ патронъ, повертѣлъ, не глядя, барабаномъ, приложилъ къ виску, нажалъ спускъ... Выстрѣла не послѣдовало. Вечеромъ

онъ повторилъ «игру», но заложивъ уже шесть патроновъ (одно гнѣздо пустое), и... человекъ не стало.

Одни говорили потомъ — фаталистъ, наследственная неврастенія. Другіе — что подпоручикъ узналъ достовѣрно мучившую его тайну рождения... Богъ вѣсть, какимъ недугомъ болѣла молодая душа.

Четвертый застрѣлился изъ за болѣзни, которую онъ считалъ неизлечимой

Всѣ эти случаи самоубійства имѣли подкладку чисто субъективную. Но далеко не простая случайность, что первые три произошли въ сумеречные годы бригадной жизни, выбитой изъ колен.

* * *

Волновали иногда Бѣлу и другого рода событія.

Въ 14 верстахъ отъ города располагался Лѣснянскій женскій монастырь. При немъ была школа, подготовлявшая народныхъ учительницъ, и, вообще, монастырь игралъ миссіонерскую роль среди сплошь почти униатскаго или — по официальной терминологіи — «упорствующаго» населенія Сѣдлецкой губерніи. Благодаря энергіи настоятельницы, матери Екатерины (въ мірѣ гр. Ефимовская) обитель пользовалась вниманіемъ сферъ. Ее посѣщали варшавскіе генераль-губернаторы, а на моей памяти (1900 г.) и царская семья, проѣздомъ изъ Бѣловѣжа въ Спалу.

Путь въ обитель лежалъ черезъ Бѣлу, и можно себя представить, какое волненіе вызвала въ городѣ вѣсть о Высочайшемъ проѣздѣ. Съ лихорадочной поспѣшностью шоссировали по пути проѣзда ухабистыя городскія мостовыя — злѣйшіе враги бѣльскихъ балагуль; по инициативѣ начальника уѣзда всѣ заборы и стѣны по пути проѣзда спѣшно закрасили въ бѣлый цвѣтъ, чтобы городъ выглядѣлъ привѣтливѣе и «оправдывалъ свое имя»... А ужъ тревогъ то сколько было!.. Уѣздныя власти исхудали отъ бессонныхъ ночей, отъ страха и заботъ.

Всего четверть часа длился проѣздъ Высочайшихъ особъ черезъ городъ, столько же обратно... Но остался въ памяти захолустнаго городка, какъ мистическое видѣніе изъ друго-го, невѣдомаго міра, заслонивъ собой надолго всѣ прочія со-бытія бѣльскаго жизни. Стала отправной датой хронологіи.

Черезъ два года въ память посѣщенія Государя въ го-родскомъ скверѣ, по подпискѣ со всего уѣзда, былъ соору-женъ памятникъ — чугунная сѣрая колонна, украшенная позолоченнымъ государственнымъ гербомъ.

Бригада ко времени проѣзда стояла лагеремъ подъ Брестъ-Литовскомъ и во встрѣчѣ не участвовала.

Случайно мнѣ пришлось присутствовать и при другомъ торжествѣ — проѣздѣ черезъ Бѣлу Варшавскаго генераль-губернатора и командующаго войсками, гр. Шувалова.

Въ брестъ-литовскомъ лагерѣ прибывшая съ Кавказа 38 пѣх. дивизія устроила грандіозное пиршество своимъ но-вымъ соратникамъ — 2-й пѣх. дивизіи, вошедшей въ одинъ съ нею корпусъ. Присутствовало и все высшее начальство, до командующаго войсками включительно. Въ просторныхъ шатрахъ царило веселье, лилось рѣкою кахетинское, разда-валось могуче «мравалжаміеръ». Кавказское гостепріим-ство извѣстно! Гр. Шуваловъ отдалъ дань ему и пришелъ въ весьма благодушное настроеніе.

Возвращаясь обратно, онъ долженъ былъ остановиться въ Бѣлѣ, чтобы оттуда прослѣдовать въ Лѣснянскій мона-стырь.

Встрѣчалъ его городъ торжественно, почти по царски. Съ представителями вѣдомствъ, толпами народа, шпалерами гимназистовъ, поднесеніемъ свитковъ торы еврейскимъ на-селеніемъ. Проѣзжая по городу, гр. Шуваловъ остановился у мѣстной гимназіи, сошелъ съ экипажа и вошелъ въ зданіе. Въ рекреационной залѣ его встрѣтилъ весь учительскій пер-сональ. Графъ молча обвелъ глазами присутствующихъ, пройдя мимо директора, направился къ учителю съ густой черной бородой и важной осанкой — извѣстному въ городѣ пьяницѣ, и поздоровался съ нимъ однимъ... Потомъ,

отыскавъ глазами гимназическаго священника, подошелъ подъ благословеніе и поцѣловалъ ему руку, приведя въ великое смущеніе скромнаго батюшку. Выйдя, затѣмъ, на улицу, сѣлъ въ экипажъ и, подозвавъ къ себѣ самаго маленькаго гимназиста, что то шепнулъ ему на ухо.

И уѣхалъ.

Гимназическое начальство окружило малыша, забросавъ его вопросами — что сказалъ генераль-губернаторъ? Оказалось:

«Asinus asinum fricat»*).

Общее смущеніе.

Долго съ тѣхъ поръ въ клубѣ, въ гостиныхъ, въ особенностяхи въ гимназіи ломали головы, стараясь расшифровать таинственный смыслъ — буквальный былъ понятень — словъ генераль-губернаторскихъ. Какое отношеніе имѣли они къ гимназіи, и означали ли похвалу или порицаніе?.. Директоръ ждалъ бѣды, инспекторъ — повышенія, а священникъ, охотно рассказывая знакомымъ про этотъ случай, скромно опуская глаза, добавлялъ:

— Конечно, не мнѣ, а сану моему почтеніе оказали...

Въ обычное время, когда не было «событій» и «потрясеній», Бѣла жила тихо и мирно. Сѣренькая жизнь, маленькіе интересы — чеховскіе будни. Только дѣловые и бодрые — безъ уѣздныхъ гамлетовъ и «дядей Ваней», безъ нытья и надрыва. Потому, вѣроятно, они не засасывали, и вспоминаются теперь съ доброй улыбкой.

И, комѣ того... мы были молоды тогда...

* * *

Бригадная молодежь внѣ службы совершенно свободна. Спорта не было тогда и въ поминѣ; уѣздное общество,

*) Прямой смыслъ — оселъ трется объ осла; переносный — когда два собесѣдника неумѣренно хвалятъ другъ друга.

карты, буфетная стойка или книга. Что могла дать больше Бѣла? Мои два товарища, одновременно со мной вышедшіе въ бригаду, какъ тогда остряли, сдѣлали визиты «циркулярно всѣмъ, у кого былъ только звонокъ у подъѣзда»... И «бывали» всюду. Я-же предпочиталъ общество своихъ «фендриховъ», которые собирались поочередно другъ у друга по вечерамъ, иногда играли въ винтъ, умѣренно пили и много пѣли. Пѣвали охотно «Дубинушку» и «Укажи мнѣ такую обитель», влагая въ эти пѣсни болѣе добраго чувства, чѣмъ общественнаго протеста. А больше всего любили пѣть:

«Изъ страны, страны далекой,
Съ Волги-матушки широкой
Ради сладкого труда,
Ради вольности высокой,
Собралися мы сюда

.
.

Но съ надеждою чудесной
Мы стаканъ, и полнолѣсный —
Нашей Руси. Будь она
Первымъ царствомъ въ поднебесной
И счастлива и славна.

Этой пѣснѣ поэта Языкова, относящейся ко времени его студенческихъ лѣтъ (Дерптъ), особенно посчастливилось. Въ восьмидесятыхъ-девяностыхъ годахъ гдѣ только не распѣвала ее офицерская и студенческая молодежь! Часто — съ искаженіями и «отсебятиной». Одни подымали «первый тостъ нашъ за народъ, за святой девизъ «впередь!». Другіе — «...за вино — и счастливо и хмѣльно»...

Во время своихъ пирушекъ молодежь разрѣшала попутно и всѣ міровые вопросы, весьма, впрочемъ, элементарно.

Вѣдь все основное было разрѣшено испоконъ вѣка... Государственный строй былъ для офицерства фактомъ predeterminedъ, невыблемымъ, не вызывающимъ ни сомнѣ-

ній, ни разнотолковъ. «За вѣру, царя и отечество». Критика рѣдко шла дальше придворнаго анекдота, хоть, впрочемъ, этотъ анекдотъ — часто обоснованный и ядовитый — и тогда уже разсѣивалъ мистику отношеній къ лицамъ, не колебля ни мало идеи. Отечество воспринималось горячо, нутромъ, какъ весь сложившійся комплексъ бытія страны и народа — безъ анализа, безъ знанія его жизни, безъ углубленія въ туманную область его интересовъ.

Развѣ мало людей вообще носило въ сердцѣ своемъ такое интегральное отечество, любило его и умирало за него?

Соціальные вопросы почти не интересовали военную молодежь, проходя мимо сознанія ея, какъ нѣчто чуждое или просто неинтересное. Въ жизни ихъ почти не замѣчали; въ литературѣ — страницы, трактовавшія о соціальной правдѣ и неправдѣ, перелистывали какъ нѣчто досадное, мѣшавшее развитію фабулы... Да и, вообще, читали мало.

Послѣднее явленіе, вѣрное въ широкомъ обобщеніи, по времени и мѣсту претерпѣвало, впрочемъ, большія колебанія. И въ нашей бригадѣ, въ зависимости отъ подбора мѣнявшагося офицерскаго состава, отъ наличія двухъ-трехъ энергичныхъ и любознательныхъ офицеровъ, а, главное, просвѣщеннаго бригаднаго командира, интеллектуальная жизнь офицерства временами подымалась высоко. Какъ общее правило, въ артиллеріи читали больше и серьезнѣе, чѣмъ въ пѣхотѣ и кавалеріи; въ мое время въ бригадѣ болѣе усердно занимались самообразованиемъ старшіе оберъ-офицеры; зеленая молодежь была болѣе легкомысленной, а штабъ-офицеры книгой почти не интересовались. Въ одномъ статистическомъ отчетѣ о движеніи книгъ въ офицерскихъ библіотекахъ цѣлой пѣхотной дивизіи, я нашелъ такую градацію читателей по чинамъ, имѣвшую несомнѣнно основаніе въ бытовыхъ и служебныхъ условіяхъ жизни пѣхоты: наиболѣе прилежными читателями были поручики, потомъ штабъ-капитаны, подпоручики, штабъ-офицеры и наименѣе — капитаны... Дѣйствительно, капитанъ — ротный командиръ въ іерархіи старой арміи былъ тружени-

комъ наиболѣе безпросвѣтнымъ, не имѣвшимъ ни досуга, ни... будущаго.

Такъ и жило офицерство. Въ полузамкнутомъ кругу лицъ и идей; не проявляя любопытства къ общественнымъ и народнымъ движеніямъ; съ предубѣжденіемъ относясь къ умѣреннымъ общественнымъ кругамъ, безъ основанія подозрѣваемымъ въ «потрясеніи основъ»; встрѣчая съ ихъ стороны большее или меньшее идейное отчужденіе. Покуда... громы первой революціи не разбудили и тѣхъ и другихъ и не заставили открыть глаза и призадуматься. Очень многихъ, но далеко не всѣхъ. Остались, вѣдь, незрячіе и до сего дня — послѣ всѣхъ потрясеній великой войны и второй революціи.

II

Въ то время бригадой правилъ генераль С-въ — одинъ изъ вымиравшихъ типовъ добраго стараго времени, въ формулярѣ котораго непостижимымъ образомъ переплетались такія разнородныя профессіи, какъ шестнадцатилѣтняя служба заводская и въ должности осматривающаго оружіе, завѣдываніе опереткой и командованіе батареей... Который въ свое время выѣзжалъ на стрѣльбу съ самоварами и открывалъ огонь по взмаху платочкомъ несравненной Анны Павловны — давно уже покойницы.

Проживъ широко, весело и беззаботно до старости, С-въ, послѣ тринадцати лѣтъ командованія батареей, сдалъ за глаза батареиное хозяйство своему преемнику, уплативъ тысячи полторы «отступного», одѣлъ столь долго жданныя «лампасы» и сталъ бригаднымъ командиромъ. Слишкомъ добрымъ, несвѣдущимъ и слабымъ, чтобы играть руководящую роль въ бригадной жизни.

Но странное дѣло: то сердечное отношеніе, которое установилось между офицерствомъ и бригаднымъ, искупало его бездѣтельность, заставляя всѣхъ работать за совѣсть,

сь безкорыстнымъ желаніемъ — не подвести бригаду и добрѣйшаго старика. Впрочемъ, любовь къ своему спеціальному дѣлу и добросовѣстное къ нему отношеніе — за рѣдкими исключеніями — были традиціей и старыхъ, и молодыхъ полевыхъ артиллеристовъ. Мы любили конныя ученія, спорили горячо по вопросамъ пристрѣлки, волновались передъ батарейными состязаніями и считали счастьемъ послучить самостоятельную стрѣльбу... Это счастье вначалѣ было совершенно недоступно оберъ-офицерамъ, такъ какъ снаряды отпускались только для командировъ батарей; и только съ 95 года ничтожное число снарядовъ, главнымъ образомъ гранатъ, предоставлено было и оберъ-офицерамъ.

Не малое вліяніе на бригаду оказывалъ и тотъ духъ, который царилъ въ войскахъ Варшавскаго округа вообще — въ гуркинскія времена: воспитывавшій въ трудѣ, бодрости, инициативѣ, въ сознаніи служебной и моральной отвѣтственности и въ чисто боевомъ направленіи всей нашей работы. Требовательность свѣше и близость границъ вѣроятнаго противника создавали особую настороженность и повышенную готовность. Самого генерала Гурко, за эти два послѣднихъ года его командованія, мы — молодые офицеры видали лишь два-три раза на смотре и на маневрахъ, а голосъ его слышали только — когда онъ здоровался и хвалилъ наши части... Но обаяніе его личности было велико, его присутствіе наэлектризовывало, его имя внушало и трепетъ, и вѣру.

Этого не даютъ одни знанія, или личная доблесть. А нѣчто еще другое, составляющее секретъ полководца.

2-я бригада въ эти годы представляла изъ себя на рѣдкость спаянную часть. Я засталъ батарейныхъ командировъ въ большинствѣ на шестомъ десяткѣ. Служебное положеніе и возрастъ ихъ представляли нѣчто среднее между командиромъ полка и батальона, а бытовая близость къ подчиненнымъ офицерамъ — такая же, какъ у ротнаго или эскадроннаго командира. Поэтому между молодыми офицерами и батарейными командирами сохранялись еще тѣ

отношения — отголосокъ постепенно отмиравшаго прошлаго — когда командиръ совмѣщалъ въ своемъ лицѣ «отца» и товарища. Молодой офицеръ прежде всего получалъ служебное воспитаніе въ батареѣ; бригадное общество вносило только «коррективы», довоспитывало.

Не всё, конечно, наши командиры были хорошими воспитателями... Одной батареѣ командовалъ человекъ очень сухой и до такой степени раздѣлявшій бремя командованія со своей супругой, что въ его отсутствіе фельдфебель, минуя замѣстителя, ходилъ къ командиру съ вечернимъ рапортомъ... Другой любилъ выпить и поиграть въ штоссъ съ молодежью, быстро переходя на «ты», съ взаимнымъ похлопываніемъ по плечу и поругиваніемъ...

Но не они давали тонъ бригадной жизни. Двумя батареями командовали крупныя личности, извѣстныя и за пределами бригады. На И. А. Гомолицкаго и В. И. Амосова равнялись все и вся въ бригадѣ. Ихъ батареи были лучшими на полигонѣ. Ихъ любили какъ лихихъ командировъ и одновременно какъ товарищей-собутельниковъ, вносившихъ смыслъ въ работу и веселіе въ пиры. Особенно молодежь. Мы знали, что, признавая права молодости — быть можетъ безшабашной иногда, но рѣдко преступной — они поймутъ и не казнятъ ее за промахи; что, когда надъ чьей-либо головой стрясется несчастье, въ И. А. и В. И. всегда можно найти надежную защиту. А авторитетъ ихъ былъ общепризнанъ. Если при этомъ нужна была санкція бригаднаго, то для этакого случая существовалъ честный, хмурый и неразговорчивый человекъ — бригадный адъютантъ, штабсъ-капитанъ Ж-въ. Поворчить, помолчить и написать:

«Командиръ бригады приказалъ...»

Этотъ порядокъ настолько приобрѣлъ права гражданства, что однажды въ собраніи старикъ-бригадный обратился къ адъютанту:

— Яковъ Федоровичъ, прочтите-ка, что я имъ приказалъ!?

Словомъ на Гомолицкомъ, Амосовъ и на традиціи, какъ на трехъ китахъ, держалась вся бригада.

С-въ пребывалъ въ блаженномъ невѣдѣніи, пилъ красное вино и трепеталъ передъ смотрами начальника артиллеріи, генерала Постовскаго — человѣка съ крупнымъ именемъ въ артиллерійскомъ мѣрѣ, знавшаго тонко бригадную жизнь. И больше всего боялся, чтобы не попасться на глаза командующему войсками...

А въ бригадѣ кипѣла работа, выдѣлявшая ее среди другихъ частей полигона. Постовскій благоволилъ къ бригадѣ и «съ оказіей» передавалъ:

— Скажите С-ву, что бы меня не боялся. Въ бригадѣ дѣло идетъ хорошо, я его не трону и лентой не обойду.

Но ленты — предѣла своихъ мечтаній — старикъ такъ и не получилъ. Онъ умеръ лѣтомъ, когда бригада была далеко отъ штабъ-квартиры. Умеръ такъ же незамѣтно, какъ и жилъ. Только депутацію изъ нѣсколькихъ офицеровъ отпустили въ Бѣлу — отдать послѣдній долгъ своему командиру... Захлопнулась крышка гроба, четыре почтамтскихъ клячи въ рваной веревочной упряжи, запряженные въ запасный лафетъ, свезли гробъ на кладбище, и... все.

Добраго старика искренно пожалѣли. Никто, однако, не думалъ, что съ его смертью такъ рѣзко измѣнится судьба бригады.

* * *

Пріѣхалъ новый генералъ — Л-въ.

Этотъ человѣкъ съ первыхъ же шаговъ употребилъ, казалось, всѣ усилія, чтобы возстановить противъ себя всѣхъ, кого судьба привела въ подчиненіе ему.

Прокомандовавъ лѣтъ 15—18 батареей въ одномъ изъ внутреннихъ округовъ, будучи матеріально обезпеченъ и мало интересуюсь службой, онъ мирно «дослуживалъ», какъ вдругъ состоялось неожиданное назначеніе его командиромъ бригады — изъ восьми батарей, съ большимъ числомъ

подчиненныхъ офицеровъ, съ одиннадцатю штабъ-офицерами!.. Человѣкъ грубый по природѣ, Л-въ послѣ такого рѣзкаго служебнаго скачка сталъ еще болѣе грубъ и невѣжливъ. Со всѣми — военными и штатскими. А къ оберъ-офицерамъ относился такъ презрительно, что никому изъ насъ, за исключеніемъ адъютанта и казначея, не подавалъ руки. Однажды въ частномъ домѣ, куда пришелъ Л-въ и, по обыкновенію, поздоровался не со всѣми гостями, хозяйка дома демонстративно подвела и представила ему находившихся тамъ офицеровъ... его бригады... Какой то шутникъ послалъ Л-ву наложеннымъ платежомъ книжку Гофмана «Хорошій тонъ»... Но ничто не помогало. Не давая себѣ труда запомнить фамиліи своихъ офицеровъ, даже старшихъ, Л-въ пренебрежительно бросалъ:

— Послушайте, т о т ь !

Л-въ не интересовался совершенно нашимъ бытомъ и службой. Въ батареи онъ просто никогда не заходилъ. Только развѣ въ дни инспекторскихъ смотровъ, приводя къ присягѣ молодыхъ солдатъ и другихъ бригадныхъ церемоній. При этомъ разъ — на второмъ году командованія — онъ заблудился среди казарменнаго расположенія, заставивъ около часа прождать всю бригаду, собранную въ конномъ строю на площади.

Онъ замкнулся совершенно въ канцеляріи, гдѣ неизмѣнно и регулярно просиживалъ съ утра до 4 часовъ дня, и развелъ неимоверный бюрократизмъ. Оттуда сыпались на головы батарей циркуляры, предписанія, запросы — по формѣ рѣзкіе и ругательные, по содержанію — обличавшіе въ Л-вѣ отжившіе взгляды и незнаніе имъ артиллерійскаго дѣла. Это обстоятельство еще болѣе уронило его въ глазахъ офицерства. То, что прощали добрѣйшему старику С-ву, не могли простить Л-ву.

Изъ канцеляріи сыпались еще и взысканія. Когда первый разъ почтенный многосемейный капитанъ Н-въ ни за что, ни про что попалъ въ Брестъ-Литовскъ на двѣ недѣли на гауптвахту — фактъ доселѣ въ лѣтописяхъ бригады не

бывалый — это произвело огромное впечатлѣніе. Но, мало по малу, впечатлительность притуплялась. Сверху — грубость и произволь, снизу — озлобленіе и апатія.

— Я васъ очень прошу, продвиньте Ивана Александровича, это — достойнѣйшій командиръ — говорилъ Л-ву, уходя въ отставку, генераль Постовскій.

Этихъ словъ было достаточно, чтобы Л-въ возненавидѣлъ сразу и И. А., и его батарею, которая вдругъ стала считаться чуть ли не худшей въ бригадѣ.

И все въ ней перевернулось.

В. И., получивъ бригаду, ушелъ еще до появленія Л-ва; у И. А. опустились руки, офицеры приуныли. Все, что было честнаго, дѣльнаго, на комъ держалась бригада, пришло молкло и замкнулось въ себя. Подняли головы новые люди — приспѣшники власти, до тѣхъ поръ нецѣнные и незамѣтные. Началось явное разложеніе. Пьянство и азартный картежь, дразги и ссоры стали явленіемъ обычнымъ. Трагическимъ предостереженіемъ прозвучали одинъ за другимъ выстрѣлы, унесшіе молодые жизни... Многіе забыли дорогу въ казармы. Казалось, что только въ силу инерціи и ничѣмъ неискоренимой традиціи въ теченіе четырехъ лѣтъ могла существовать, стрѣлять и маневрировать часть, въ которой не было головы, а занятія велъ — какъ тогда говорили — главнымъ образомъ... Николай Угодникъ. И, если кризисъ не наступилъ раньше, Л-въ обязанъ былъ своему адъютанту, поручику И-ву — человѣку умному и порядочному, который до нѣкоторой степени умѣрялъ командирскія выходки и сглаживалъ возникавшія столкновенія.

Мнѣ лично довелось служить при Л-вѣ лишь меньше года. Первые два года офицерской жизни прошли весело и беззаботно. На третій я — въ числѣ четырехъ сверстниковъ — «отрѣшился отъ міра» и сѣлъ за науки. Съ тѣхъ поръ міръ для насъ замкнулся въ тѣсныхъ рамкахъ батарен и учебниковъ. Начиналось настоящее подвижничество, академическая страда, въ годы, когда жизнь только еще раскрывалась и манила.

Жизнь бригады замутилась. А Л-в сидѣлъ въ канцеляріи и ничего не видѣлъ, что творилось вокругъ. Онъ только писалъ. И перо его дышало злобой. Не видѣлъ ничего и новый начальникъ артиллеріи. А, когда доходили до него тревожныя свѣдѣнія, писалъ очередной запросъ Л-ву и удовлетворялся его отвѣтомъ.

Наконецъ, нависшія надъ бригадой тучи разразились громомъ, который разбудилъ заснувшія власти.

Въ бригадѣ появился новый батареинный командиръ, подполковникъ З-въ — темная и грязная личность. Я не стану распространяться объ его похожденияхъ изъ чувства уваженія къ родной бригадѣ. Достаточно сказать, что многіе офицеры — фактъ въ военномъ быту небывалый — не отдавали чести и не подавали руки штабъ-офицеру своей части... Суда чести для штабъ-офицеровъ въ то время еще не существовало, а начальство было глухо...

Лѣтомъ въ лагерномъ собраніи З-въ нанесъ тяжкое оскорбленіе всей бригадѣ. Терпѣніе офицеровъ лопнуло. Генераль Л-въ былъ на водахъ, И. А. Гомолицкій также. Бригадой временно командовалъ одинъ изъ дивизионеровъ, не пользовавшійся авторитетомъ. Всѣ оберъ-офицеры рѣшили собраться вмѣстѣ, чтобы обсудить создавшееся положеніе.

Небольшими группами и поодиначкѣ стали стекаться на берегъ Буга, въ глухое мѣсто. Мноѣ рассказывали потомъ нѣкоторые изъ участниковъ объ испытанномъ ими чувствѣ смущенія въ необычной роли «заговорщиковъ»... На собраніи установили точно преступленіе З-ва, и старшій изъ присутствовавшихъ, капитанъ Н-въ, взялъ на себя отвѣтственность — подать докладную записку по командѣ отъ лица всѣхъ оберъ-офицеровъ. Записка дошла до начальника артиллеріи, который положилъ резолюцію о немедленномъ увольненіи въ запасъ подполковника З-ва.

Время шло; дивизионеръ, временно командовавшій бригадой, заболѣлъ «дипломатической» болѣзнью; его смѣнилъ другой, еще болѣе боявшійся «выносить соръ изъ избы»;

З-въ уѣхалъ въ мѣсячный отпускъ и... вернулся. Стало извѣстно официально, что отношеніе къ З-ву на верхахъ измѣнилось, и онъ предназначенъ къ переводу въ другую бригаду.

Тогда 25 офицеровъ — каждый отъ себя — подали рапорты по командѣ. Растерявшійся врем. командующій разрѣшилъ всѣмъ подавшимъ собраться и обсудить — не удовлетворится ли общество офицеровъ переводомъ З-ва... Собраніе черезъ старшаго капитана отвѣтило единодушно — нѣтъ!

Шель уже пятый мѣсяцъ со времени начатія «дѣла З-ва». Командиръ бригады, генераль Л-въ, вернулся съ минеральныхъ водъ, но, узнавъ, что дѣлается въ бригадѣ, сказался больнымъ и въ теченіе двухъ мѣсяцевъ не выходилъ изъ дому, никого не принималъ, даже бригаднаго адъютанта...

Между тѣмъ, въ концѣ декабря (98 г.) получился въ бригадѣ «Русскій Инвалидъ», въ которомъ офицеры, къ своему удивленію и возмущенію, прочли о переводѣ З-ва въ одну изъ кавказскихъ бригадъ... Большая группа офицеровъ стояла на площади, въ часы гулянья, когда мимо, развалясь въ экипажѣ, проѣзжалъ З-въ. Никто не отдалъ ему чести, а онъ, смѣясь, двумя растопыренными ладонями показалъ имъ «нось» и скрылся изъ виду....

Въ тотъ-же день оберъ-офицеры, собравшись на квартирѣ одного изъ капитановъ, составили и отправили коллективную докладную записку на имя товарища генераль-фельдцейхмейстера, снабженную 28-ю подписями. Въ ней описали весь ходъ «дѣла З-ва», просили представить записку Генераль-фельдцейхмейстеру, вел. кн. Михаилу Николаевичу, и «дать удовлетвореніе (ихъ) воинскимъ и нравственнымъ чувствамъ, глубоко и тяжело поруганнымъ».

Представляется въ высшей степени страннымъ безучастіе во всей этой громкой исторіи — въ той или другой роли — штабъ-офицеровъ бригады... Дѣйствительно, въ тотъ періодъ ея упадка вліяніе ихъ почти вовсе не сказывалось.

валось. Съ реорганизаціей артиллеріи (введеніе дивизио-
неровъ) произошли большія перемѣны въ командномъ со-
ставѣ, появились новые люди, не вполнѣ еще вошедшіе
въ жизнь бригады; двое были замѣшаны косвенно въ з-скую
исторію; однихъ — офицерство не уважало, другихъ —
наоборотъ — оберегало отъ возможныхъ послѣдствій вы-
ступленія, наканунѣ предстоявшаго имъ повышенія... Оттого
вопросъ бригадной чести попалъ тогда исключительно въ
оверъ-офицерскія руки.

Проходили дни въ томительномъ ожиданіи.

Въ серединѣ января полученъ былъ изъ Петербурга
запросъ — на какомъ основаніи бригадное начальство ввело
въ заблужденіе Главное артиллерійское управленіе, донеся,
что офицерское общество удовлетворится переводомъ З-ва,
когда «по имѣющимся свѣдѣніямъ» это не вѣрно... Послѣ
запроса началось разслѣдованіе, и, наконецъ, въ одно пре-
скверное утро пріѣхалъ въ бригаду начальникъ артиллеріи,
собралъ всѣхъ офицеровъ и объявилъ имъ грозную резо-
люцію великаго князя... Подполковникъ З-въ увольнялся
со службы въ дисциплинарномъ порядкѣ; одновременно
были уволены два штабъ-офицера — слабые, но въ душѣ
порядочные и пользовавшіеся расположеніемъ офицерства,
вовлеченные въ грязную исторію З-ымъ. Начальнику ар-
тиллеріи и командиру бригады объявлялся выговоръ. Точно
также выговоръ получили всѣ офицеры, подписавшіе не-
законное коллективное обращеніе, а старшій изъ нихъ, ка-
питанъ Н-въ переведенъ въ другую бригаду. Великій князь
высказывалъ свое суровое осужденіе порядкамъ, устано-
вившимся въ бригадѣ...

Прочтя предписаніе, начальникъ артиллеріи въ поясѣ
поклонился генералу А-ву.

— Благодарю васъ, ваше превосходительство. Я васъ
слушалъ, вамъ вѣрилъ... Вамъ всецѣло я обязанъ тѣмъ
позоромъ, что упалъ на мою сѣдую голову.

Судьба З-ва завершилась по заслугамъ. Онъ служилъ
потомъ гдѣ-то исправникомъ, но былъ удаленъ за взятки

и пьянство. Во время японской войны былъ призванъ на службу и назначенъ командиромъ ополченской дружины; въ этой должности проворовался, и былъ преданъ суду и присужденъ въ арестантскія роты.

Командиру бригады, ген. Л-ву, дали дослужить еще полъ года — до предѣльнаго возраста. Уходя, онъ проклиналъ начальство и законъ за причиненную ему «несправедливость»...

Если бы не жена Л-ва — женщина привѣтливая и добрая, вѣроятно не много изъ его бывшихъ подчиненныхъ собралось бы проводить его. Но дамы уломали своихъ мужей, и небольшая группа провожавшихъ толпилась въ буфетѣ тѣсной и грязной станціи уѣзднаго городишки. Жена поручика Л-го — извѣстнаго читателю скептика и остро слова — питавшая вѣрнопреданныя чувства ко всякому начальству мужа, пыталась даже прослезиться...

— Не плачь, кошечка, начальство доброе; оно не оставитъ насъ безъ командира! — утѣшала ее ласково мужъ.

Поездъ тронулся, унося съ собою навсегда челоуѣка, вторгнувшася такъ грубо, нелѣпо въ бригадную жизнь и оставившаго послѣ себя тяжелое наслѣдіе.

* * *

Наступило междуцарствіе — правленіе временныхъ командировъ, не измѣнившее нисколько установившагося теченія жизни.

Наконецъ, пріѣхалъ вновь назначенный командующимъ бригадой, полковникъ Завацкій, спустя нѣсколько мѣсяцевъ произведенный въ генералы. По формуляру — въ возрастѣ подъ 50, прослужилъ въ Туркестанѣ 16 лѣтъ, участникъ Хивинскаго и Кокандскаго походовъ... Послѣдніе годы былъ дивизионеромъ въ нашемъ-же округѣ. Больше ничего о немъ въ бригадѣ не знали. Пріѣзду его предшествовали, какъ всегда, слухи, но туманные, неопредѣленные, изъ ко-

торыхъ нельзя было составить себѣ понятія о личности командира.

Завацкій началъ съ того, что, запершись въ кабинетѣ съ адъютантомъ, говорилъ съ нимъ часа три. О чемъ былъ разговоръ — этого никто не узналъ.

Жизнь въ бригадѣ, между тѣмъ, шла своимъ чередомъ. Казалось, прибытіе новаго начальника не отразилось насколько на ея теченіи. Командиръ часто заходилъ въ собраніе, гдѣ первое время столовался; любилъ поговорить, поразсказать «коротенько» эпизоды изъ своей жизни и службы, въ особенности туркестанской; разговаривалъ одинаково привѣтливо съ полковникомъ и съ подпоручикомъ и никому не дѣлалъ замѣчаній... Какъ то въ разговорѣ онъ замѣтилъ:

— По моему убѣжденію, обученіе можетъ вести какъ слѣдуетъ только офицеръ. А, если офицера нѣтъ, такъ лучше бросить совсѣмъ занятіе...

Шелъ уже первый часъ. Адъютантъ нетерпѣливо перелистывалъ бумаги «къ докладу», ворчалъ на писарю и поглядывалъ въ окно. А командира все нѣтъ; пришелъ онъ въ управленіе только въ часъ. Это повторилось на другой день и въ послѣдующіе.

Какъ то утромъ влетаетъ въ управленіе бригады поручикъ В-въ и, подозрительно косясь на дверь командирскаго кабинета, шепотомъ спрашиваетъ адъютанта:

— Что, командиръ ничего не говорилъ про меня?

— Его нѣтъ, можете говорить громко. Въ чемъ дѣло?

— Представьте себѣ, сегодня я проспалъ занятія, а онъ въ 9 часовъ пришелъ въ манежъ и отгонялъ мою смѣну...

— Да ну!

— И ни слова не сказалъ батарейному...

Адъютантъ загадочно улыбнулся; казначей, по привычкѣ, свистнулъ отъ изумленія.

А командиръ, между тѣмъ, зашелъ на другой день въ 5-ю батарею — позанимался тамъ съ наводчиками, въ 4-й провѣрилъ молодыхъ солдатъ, въ 1-й произвелъ ученье въ

паркъ; успокоилъ командира батареи, который, получивъ извѣстіе о появленіи бригаднаго, наскоро одѣлся и прибѣжалъ, запыхавшись, въ паркъ:

— Мнѣ не трудно. Я по утрамъ свободенъ.

Когда недѣли черезъ двѣ кто то изъ товарищей, встрѣтивъ на улицѣ въ 8 часовъ утра самаго безпутнаго штабсъ-капитана, проигравшаго всю ночь въ штось и забывшаго, было, дорогу въ батарею, съ удивленіемъ спросилъ:

— Куда это ты?

Штабсъ-капитанъ отвѣтилъ мрачно, но рѣшительно:

— Въ батарею.

Впрочемъ, и штось вскорѣ прекратился. Завацкій, собравъ отдѣльно штабсъ-офицеровъ, потомъ оберъ-офицеровъ, велъ съ ними долгую бесѣду о деморализующемъ вліяніи азарта и потребовалъ властно — тономъ суровымъ и искреннимъ, такъ всегда импонировавшимъ — прекращенія азартной игры. Всѣ понимали, что не пустой угрозой звучала его фраза:

— Я никогда не позволилъ бы себѣ аттестовать на батарею офицера, ведущаго азартную игру.

Старые капитаны — главные коноводы игры — на приглашеніе молодежи «составить штосикъ» стали отказываться:

— Стоить ли съ вами играть, съ мелкотой...

И штось, открыто и нагло царившій въ офицерскомъ собраніи, перешелъ на время въ холостыя квартиры, съ занавѣшенными окнами, и мало по малу сталъ выводиться.

Въ общественныхъ отношеніяхъ установилась сдержанность, нарушенная предшествовавшимъ режимомъ. Когда одинъ капитанъ попробовалъ какъ то разъ «шепнуть» генералу по поводу неодобрительнаго поступка другого, вечеромъ въ собраніи передъ тактическими занятіями Завацкій, какъ будто мимоходомъ, при всѣхъ спросилъ:

— Да, кстати, какъ это у васъ вышло, Михаилъ Феодоровичъ? Мнѣ Николай Николаевичъ рассказывалъ сегодня, будто бы вы...

Этого было совершенно достаточно.

Такимъ образомъ, исподоволь, безъ ломки налаживалась бригадная жизнь, постепенно освобождаясь отъ наносныхъ, чуждыхъ ей настроеній. Зная и требуя службу, генераль близко вошелъ и въ бытъ бригадный. Казалось, не было такой стороны его, въ которой пятилѣтнее командованіе Завацкаго не оставило бы благотворнаго вліянія. Начиная съ благоустройства лагеря, бригаднаго собранія, солдатскихъ лавочекъ, построенной имъ впервые въ Бѣлѣ гарнизонной бани, и кончая воспитаніемъ молодежи и искорененіемъ «помѣщичьей» психологіи — этого пережитка артиллерійскаго прошлаго — который не переводился еще въ средѣ батарейныхъ командировъ.

Когда въ городишкѣ узнали, что новый командиръ привезъ съ собою 20 ящичковъ съ книгами и заставилъ книжными шкапами двѣ комнаты, одни удивились, другіе съ недоумѣніемъ пожали плечами. Но Завацкій, какъ оказалось, не только собиралъ книги, но и много читалъ, много зналъ. Не рисуясь вовсе своей эрудиціей, въ разговорахъ съ военной молодежью онъ сумѣлъ заинтересовать однихъ и вызвать чувство неловкости отъ своей отсталости — въ другихъ. При немъ и бригадная библіотека достигла большихъ размѣровъ и богатаго содержанія, а, главное, перестала быть мертвымъ грузомъ...

Въ служебной и частной жизни офицеровъ появился новый благотворный факторъ:

— Сходи къ командиру!

Эта фраза по адресу тѣхъ, что такъ или иначе нуждались въ помощи и совѣтѣ, не казалась уже ни добродушной шуткой, какъ было при С-вѣ, ни издѣвательствомъ, какъ при Л-вѣ. «Сходить къ Завацкому» считалось рѣшеніемъ простымъ, необходимымъ и несомнѣнно приводящимъ къ положительнымъ результатамъ.

Дисциплинарныя взысканія на офицеровъ, казавшіяся недавно необходимымъ устоемъ службы, больше не примѣнялись. Провинившихся Завацкій приглашалъ въ свой кабинетъ. О, эти приглашенія!..

Однажды въ собраніи, куда сходились къ обѣду офицеры, сидѣлъ за столомъ штабсъ-капитанъ С-ій — человекъ въ глубинѣ души весьма порядочный, но злоупотреблявшій иногда «спиртомъ». Сидѣлъ мрачный, ожесточенно теръ лобъ и пилъ содовую воду.

— Что съ тобой, Андрейка?

— Къ Завацкому позвали...

— Ну, такъ что-же?

— Чортъ возьми! Пусть бы онъ лучше меня на гауптвахту посадилъ, чѣмъ идти къ нему разговаривать...

Въ разговоръ вмѣшался читавшій рядомъ газету штабсъ-капитанъ Л-ій:

— Согласенъ съ мнѣніемъ предыдущаго оратора — перспектива незавидная. Это — человекъ, обладающій какой то удивительной способностью въ безупречно-корректной формѣ въ теченіе полутора часа доказывать тебѣ, что ты — туеядецъ или держишься не вполне правильнаго взгляда на офицерское званіе...

— Послушайте, вы осторожнѣй! — обидѣлся С-ій.

— Бросьте, Андрейка, по собственному опыту говорю.

Впрочемъ, въ случаяхъ исключительныхъ командиръ предлагалъ лицу несоотвѣтствующему оставить бригаду, не пощадивъ и двухъ батарейныхъ командировъ. Случаи эти были рѣдки и не вызывали двухъ мнѣній относительно своей необходимости и цѣлесообразности.

Послѣ окончанія академіи я вернулся въ строй и прослужилъ два года въ бригадѣ подъ начальствомъ генерала Завацкаго, поучаясь многому въ его школѣ. Время сглаживало быстро послѣдствія предшествовавшаго режима. И къ концу перваго года своего командованія, на бригадномъ праздникѣ, въ одной изъ застольныхъ рѣчей, подводившей итоги прошлаго, Завацкій слышалъ не-льстивыя слова, съ воодушевленіемъ поддержанныя всѣмъ собраніемъ:

— ...Но мимо, господа, этого смутнаго времени, мимо! Тѣмъ болѣе, что тучи давно ужъ пронеслись, и горизонтъ опять сталъ чистъ и ясенъ.

Прокомандовавъ бригадой пять лѣтъ, Завацкій, какъ выдающійся генераль, получилъ высокое назначеніе — помощника начальника Главнаго артиллерійскаго управленія. Строевой командиръ и выдающійся воспитатель войскъ, какъ это случалось нерѣдко, былъ приставленъ къ чужому для него и чуждому бюрократическому дѣлу.

Въ 09 году онъ умеръ.

III

Въ началѣ девяностыхъ годовъ продвиженіе по службѣ въ артиллеріи, какъ я уже говорилъ, было очень медленное. Батарею — вѣнецъ карьеры большинства — получали на 23—25 году службы. Промежуточной должности — командира дивизіона — тогда не было и потому съ батареи большинство уходило въ отставку или... въ могилу. Лишь очень небольшой процентъ выдвигался на высшія должности. Исходя изъ грубаго расчета 50 полевыхъ бригадъ или 300 батарей и 3—5 лѣтъ пребыванія въ должности бригаднаго командира, нужно было обладать большой удачей или долготѣіемъ, чтобы въ нормальной очереди дослужиться до бригады.

Не удивительно, что бремя лѣтъ тяготѣло надъ команднымъ составомъ, и наши командиры не могли проявлять молодой рѣзвости... Въ 1893 году артиллерія, собранная на Рембертовскомъ полигонѣ, въ томъ числѣ наша бригада, была вызвана въ Варшаву на смотръ командующаго войсками, генерала Гурко. Смотръ происходилъ въ необычныхъ условіяхъ, имѣя цѣлью испытаніе подвижности и лихости полевой артиллеріи.

На Мокотовскомъ полѣ были устроены искусственные овраги и насыпи, крутые повороты и другія препятствія, которыя батареи проходили повзводно, на рыси и галопѣ. Сломалось нѣсколько дышелей, порвали нѣсколько постромокъ, но въ общемъ артиллерія выдержала это испытаніе

успѣшно. Послѣ этого были вызваны генералы, офицеры и фейерверкеры, и имъ устроена была ѣзда на карьерѣ, съ препятствіями. Только бригаднымъ командирамъ разрѣшено было объѣзжать препятствія. Командующій войсками, окруженный блестящей свитой, наблюдалъ за тѣмъ, что происходило — онъ съ гнѣвомъ, свита — съ нескрываемой насмѣшкой...

А происходило настоящее позорище.

Молодежь и часть батарейныхъ командировъ скакали лихо, но старики имѣли жалкій и безпомощный видъ. Нѣкоторые изъ нихъ пытались брать барьеры и рвы, другіе въ видѣ протеста — быть можетъ перваго за долготѣнную службу — переходили рѣшительно въ шагъ и, проходя мимо препятствій, салютовали хмуро командующему. Молодежь испытывала обиду за своихъ стариковъ — даже за тѣхъ, которые обычно не пользовались ея симпатіями. Тѣмъ болѣе, что исходила она отъ чтимаго начальника.

Говорили потомъ, что генераль Гурко съ раздраженіемъ сказалъ одному изъ своихъ помощниковъ-артиллеристовъ:

— Ну, какъ вы находите это безобразіе!?

— Нахожу, ваше высокопревосходительство, что сегодня артиллерию вывели на позоръ.

Старый артиллеристъ понималъ прекрасно, какъ нужны подвижность и лихость командному составу. Но зналъ также, что для этого прежде всего необходимо коренное измѣненіе условий службы... Пройдутъ года, понадобится развертываніе и реорганизация артиллеріи, измѣненіе пенсионнаго устава, введеніе предѣльнаго возраста и аттестаціонныхъ правилъ, прежде чѣмъ «заскачутъ» молодые батарейные командиры.

* * *

При томъ пестромъ калейдоскопѣ командировъ, который прошелъ передъ моими глазами за время артиллерійской службы и который я очертилъ бѣгло въ предыдущей главѣ,

большая роль принадлежала «коррективу» общественного мнѣнія.

Помню, какъ въ первый годъ командованія бригадой Л-ва онъ разослалъ приглашенія офицерамъ съ семьями къ себѣ на розговины. Не помню деталей, но даже сама форма приглашенія была не общепринятой и невѣжливой. Штабъ-офицеры и часть молодежи пошли — главнымъ образомъ, чтобы не обижать жены Л-ва. Остальные не явились, пославъ извиненіе частными письмами, нѣкоторые — служебными записками черезъ адъютанта. Л-въ, весьма раздосадованный, не сумѣлъ справиться со своимъ настроеніемъ и былъ такъ грубъ съ пришедшими, что розговины прошли для нихъ чрезвычайно тягостно.

Вообще, въ области гостепрѣимства проявлялось наглядно легальнымъ путемъ отношеніе офицеровъ къ высшему начальству. Никакими уговорами нельзя было заставить офицеровъ устроить общую трапезу съ начальникомъ нелюбимымъ или неуважаемымъ. Даже, если казначей сообщалъ по секрету, что «вычета» не будетъ, а расходы отнесутъ на пресловутый «9-й отдѣлъ» батарей *). Такъ, наши офицеры отказались однажды чествовать обѣдомъ прибывшаго на смотръ командира корпуса, генерала Гурчина — «за его грубость», и вслѣдъ за тѣмъ принимали шумно и радушно его временнаго замѣстителя, генерала Роговскаго...

Бригадное начальство бывало иной разъ въ большомъ затрудненіи. Ибо наряду съ людьми дѣльными и тактичными, встрѣчались наверху и персонажи анекдотическіе... Начальнику артиллеріи, генералу Л-ву, напримѣръ, былъ безразличенъ масштаб чествованія, но требовался непременно горячій поросенокъ подъ хрѣномъ... А личный адъютантъ командира корпуса, генерала Х-го, заблаговременно предупредилъ письмомъ бригаднаго адъютанта, что его п-ство

*) 9-й отдѣлъ — «разные расходы», на которыхъ казеннаго отпуска не было, а производились они изъ общей экономіи части.

любитъ принимать трапезу въ собраніи всей части и предпочитаетъ такія-то яства и вина такихъ то марокъ...

Когда оберъ-офицеры уклонялись отъ общаго обѣда пріѣзжему начальству, для спасенія положенія пріемъ устраивался въ присутствіи однихъ штабъ-офицеровъ, и часть расхода относилась на многострадальный 9-й отдѣлъ.

Помимо демонстративной стороны, расходы на всякія чествованія, пріемы гостей, подарки и проводы составляли весьма обременительную статью офицерскаго бюджета. Съ этимъ обычаемъ боролись и циркуляры Главнаго штаба и постановленія общихъ собраній многихъ частей. Помню, два раза Высочайшимъ приказомъ обращалось вниманіе начальниковъ на этотъ вопросъ. Статья Свода воен. постан. прямо запрещала «всякій сборъ съ офицеровъ и вычетъ изъ жалованья, не предусмотрѣнный закономъ и не основанный на Высочайшемъ разрѣшеніи»... Но обычай не выводился. По русской широкой натурѣ и «встрѣчали» и «проводжали». Въ особенности традиція проводовъ держалась крѣпко, и отсутствіе ихъ вызывало въ людяхъ горечь и обиду.

Помню одинъ эпизодъ, случившійся въ X-мъ полку, въ которомъ я впоследствии несъ временно службу...

Командиръ полка, полковникъ П-ій, прослуживъ 35 лѣтъ, уходилъ въ отставку. Въ полку его не любили, и отъ проводовъ офицеры отказались. П-ій узналъ, что, вопреки обычаю, офицерство не предполагаетъ даже увеличить и повѣсить его портретъ въ залъ собранія, гдѣ висѣли портреты всѣхъ его предшественниковъ... Старый служака впалъ въ отчаяніе: невозможно было такъ позорно кончить службу... Горько задумался и нашель, наконецъ, выходъ изъ положенія: устроилъ самъ въ собраніи прощальный обѣдъ... полку.

Приходитъ ко мнѣ разстроенный старшій полковникъ:
— Ради Бога, Антонъ Ивановичъ, выручите. П-ій обезоружилъ офицеровъ своею выдумкой — рѣшили пойти. Но мнѣ, какъ старшему, надо будетъ сказать привѣтствен-

ное слово... Что я ему скажу, не краснѣя передъ офицерами? Не могли бы вы...

— Ну, нѣтъ, избавьте — я случайный и временный членъ полкового общества.

— Такъ посоветуйте, по крайней мѣрѣ.

— Извольте... Постройте свою рѣчь въ обратномъ принятому порядкѣ. Расхвалите полкъ и полковую семью. Скажите, что полкъ никогда не подводилъ командира, и что теперь, разставаясь съ полкомъ, онъ унесетъ, безъ сомнѣнія, добрую о немъ память. А о прочемъ умолчите.

— Понятно. Но для вѣрности нельзя ли шпаргалку...

— Извольте.

Все прошло прилично. Я написалъ «шпаргалку», полковникъ выучилъ ее добросовѣстно наизусть и на обѣдѣ произнесъ рѣчь. Офицерство пило за полкъ съ большимъ подъемомъ; П-ій отнесъ подъемъ къ себѣ — искренно или нѣтъ, не знаю — расчувствовался и прослезился. Потомъ по знаку его руки два собранскихъ служителя внесли неожиданно... его портретъ, размѣрами и великолѣпіемъ превосходившій всѣхъ его предшественниковъ, который П-ій и поднесъ полку.

При нѣкоторой растерянности собранія портретъ водрузили на стѣну. Такъ онъ тамъ и остался: по незапамятству не сняли. А П-ій уѣхалъ въ свой родной городъ генераломъ въ отставкѣ — доживать свои дни въ покоѣ и почетѣ.

Но верхъ незапамятства имѣлъ мѣсто въ Казани. Когда въ 12 году уходилъ изъ округа генераль Санецкій, котораго въ войскахъ столь же боялись, сколь ненавидѣли, устроены были ему проводы. Газета «Казанскій телеграфъ» описывала «ту искренность чувства и энтузіазмъ», съ которыми отнеслись къ Санецкому общественность и военная среда... «Все это въ порядкѣ вещей — находила газета. Ибо бываютъ минуты, когда нѣтъ для благороднаго сердца вообще, и для солдатскаго, въ особенности, большей радости,

какъ отдать дань уваженія и благодарности тому, кто своею доблестью завоевалъ себѣ на это неотъемлемое право»...
Хорошо писала провинція!..

* * *

Бригада въ чисто интимной жизни держалась, конечно, болѣе тѣсными кружками. Но это не нарушало нисколько единства ея въ нужныхъ случаяхъ и не ослабляло авторитета общественнаго мнѣнія. Она умѣла изолировать неудобныхъ ей сочленовъ — настойчиво и методично.

Къ намъ по переводу прибылъ батарейный командиръ съ давно установившейся нелестной репутаціей. Темны были его хозяйственныя операціи, темны семейныя отношенія, и только совершенно неприкрыто было посягательство «командирши» на власть и на молодыхъ офицеровъ батареи... Начались тренія, перемѣщенія въ другія батареи, иногда со скандаломъ. А когда все утряслось, и вокругъ супружества осѣли свои люди, они оказались внѣ бригадной жизни.

Молодежь, обычно дисциплинированная, вела себя въ отношеніи этого командира несдержанно. Зайдетъ онъ, бывало, въ билліардную, полную зрителей, а тамъ «съ галерки» доносится разговоръ:

— И бываютъ же такіе ловкачи, что овесъ по 78 копѣекъ покупаютъ...*)

— Ну, это — съ благотворительной цѣлью, вѣроятно...

Старшій офицеръ батареи — человекъ порядочный, но попавшій подъ вліяніе жены, подружившейся съ «командиршей», только тѣмъ и спасался, что самъ ѣдко и остроумно высмѣивалъ свое «паденіе». А поручикъ В-въ испытывалъ не разъ пренепріятное чувство, когда вдругъ во время ужи-

*) При средней цѣнѣ, скажемъ, въ 68 коп.

на прибѣжить за нимъ вѣстовой, и хозяинъ собранія подчеркнуто серьезно передаетъ:

— Поручика В-ва требуетъ командирша батареи.

— Къ исполненію служебныхъ обязанностей — добавить, скандируя, кругленькій З-нъ.

И В-въ, при наступающемъ общемъ молчаніи, проходя сквозь строй десятокъ ироническихъ взглядовъ, проклиналъ безъ сомнѣнія свою судьбу.

Скоро этотъ командиръ, по требованію генерала Завацкаго, покинулъ бригаду.

Въ одной области семейныхъ отношеній бригадное общественное мнѣніе расходилось съ общепринятыми правилами условной морали...

Традиціи войсковыхъ частей оберегали свое общество отъ вхожденія въ него, путемъ офицерскихъ браковъ, почему-либо неугодныхъ элементовъ. Требования были не вездѣ одинаковы. Въ однихъ частяхъ считались съ социальнымъ положеніемъ, въ другихъ съ интеллигентностью, въ третьихъ только съ репутаціей той, которая должна была стать членомъ полковой семьи*). Въ однихъ — «реверсъ», т. е. 5-тысячный залогъ, установленный для офицеровъ, не достигшихъ 28-лѣтняго возраста, командиры требовали фактически, въ другихъ допускалась завѣдомая фикція, въ видѣ купчей на неимѣющую никакой цѣны недвижимость. Наибольше ригористически относились къ неравнымъ бракамъ въ войскахъ гвардіи, гдѣ офицерамъ по этой причинѣ приходилось нерѣдко оставлять полкъ. Я знаю часть (Нарвскіе гусары), въ которой за время долголѣтняго командованія полковниковъ барона Штемпеля и Казнакова офицерамъ до чина ротмистра вовсе не разрѣшалось жениться. А кто не оставлялъ своего намѣренія, долженъ былъ уходить изъ полка...

*) Законъ объ офицерскихъ бракахъ говорилъ: «невѣста должна быть доброй нравственности и благовоспитанна... Кроме того, должно быть принято во вниманіе общественное положеніе невѣсты».

Отчасти мотивы обще-человѣческіе, отчасти же условия военного быта приводили къ существованію нелегальныхъ семей. Если положеніе ихъ въ гражданскомъ обществѣ — въ особенности, гдѣ были дѣти — являлось фальшивымъ и тяжелымъ, то въ военномъ оно усугублялось еще болѣе. Въ свою очередь и гражданскій законъ, оберегая семейные устои, былъ безжалостенъ не только къ «незаконнымъ» родителямъ, но и къ неповиннымъ ихъ дѣтямъ. Даже впоследствии, когда «грѣхъ» покрывался бракомъ, надъ дѣтьми тяготѣло несмываемое пятно: «внебрачный» или «незаконнорожденный» — этотъ официальный штампъ въ документахъ преслѣдовалъ человѣка въ жизни, закрывая ему многіе пути, доставляя много душевныхъ мукъ.

Одна такая житейская драма, сдѣлавшись достояніемъ широкой гласности, всколыхнула общественную совѣсть.

Полковникъ пограничной стражи, получившій бригаду въ новомъ мѣстѣ, гдѣ его не знали, и страдая душой за судьбу своихъ дѣтей, рѣшился сдѣлать въ своемъ послужномъ спискѣ измѣненіе, изъявъ отмѣтку объ ихъ «внебрачности». Преступленіе его было обнаружено въ высшемъ штабѣ, и полковникъ былъ преданъ суду за служебный подлогъ. Военно-окружный судъ приговорилъ его къ исключенію со службы, съ лишеніемъ чиновъ. Прошлое подверглось широкой огласкѣ, семья осталась безъ средствъ къ существованію...

Но на счастье полковника его дѣломъ заинтересовался В. Дорошевичъ. Въ «Русскомъ Словѣ» появилась одна изъ самыхъ яркихъ его статей, въ которой онъ съ потрясающей силой изобразилъ драму осужденнаго отца. Общество откликнулось на статью такъ быстро и такъ бурно, что уже черезъ нѣсколько дней бывший полковникъ писалъ въ редакцію, что судьба его устроена, и въ помощи онъ больше не нуждается.

Только закономъ отъ 3-го іюня 02 года внесены были начала гуманности въ этотъ больной вопросъ.

И въ нашей бригадѣ бывали случаи нелегальныхъ со-

жительство, но они расцѣплялись бригаднымъ обществомъ различно. Одни замыкались въ четырехъ стѣнахъ и не имѣли права никакихъ внѣшнихъ оказательствъ; другія, давно уже сложившіяся въ прочныя семьи, пользовались полупризнаніемъ. Вновь поступающимъ въ бригаду холостымъ офицерамъ старшіе совѣтовали дѣлать имъ визиты, какъ семейнымъ; тамъ бывало офицерство и пользовалось гостепріимствомъ; и дамы появлялись иногда въ тѣсномъ кругу своихъ близкихъ, но никогда не показывались въ официальныхъ случаяхъ — въ общественномъ и бригадномъ собраніяхъ.

Семейный вопросъ обыкновенно регулировался при переводѣ или новомъ назначеніи. Были, впрочемъ, два случая, когда, съ разрѣшенія бригаднаго командира и съ безмолвнаго согласія всей бригады, въ глухой деревушкѣ, безъ шума, въ присутствіи четырехъ свидѣтелей, священникъ благословлялъ давній союзъ. Послѣ этого бригадный адъютантъ подшивалъ къ подлинному экземпляру приказа «дополненіе» объ измѣненіи семейнаго положенія NN, не разсылая копій въ батареи... И новые члены бригадной семьи тихо и незамѣтно входили въ ея жизнь.

Въ російской арміи была только одна часть — Заамурскій округъ пограничной стражи — настоящая Запорожская Сѣчь... наизнанку — гдѣ общественное мнѣніе не интересовалось вовсе метрическими выписями, и куда — въ манчжурскую глушь — въ числѣ другихъ житейскихъ обстоятельствъ загоняло людей и запутанное семейное положеніе.

* * *

Рознь между родами оружія и службы — явленіе старое и свойственное почти всѣмъ арміямъ. У насъ оно восходитъ къ самому основанію регулярной арміи. Великій основатель ея, Петръ, предупреждая начинавшееся зло, поучалъ: «всѣ вышніе и нижніе офицеры, отъ кавалеріи и інфантеріи, и все

воіско обще: имѣють въ неразорванной любви, міру и согласіи пребыть».

Этому «міру» препятствовали и историческій отборъ — по сословному, имущественному, образовательному цензу; и привилегіи по службѣ, привлекательность того или другого рода оружія; и цѣлый рядъ мелочей быта — ничтожныхъ въ отдѣльности, но вкупѣ создающихъ извѣстныя настроенія.

Отношенія между арміей и гвардіей обще-извѣстны. Когда въ 07 году возникъ вопросъ объ увеличеніи состава гвардейскихъ частей за счетъ сокращенія численности армейской пѣхоты, въ комиссіи при Совѣтѣ государственной обороны, состоявшей изъ генераловъ, умудренныхъ опытомъ, изъ которыхъ многіе вышли изъ гвардейской среды, раздалось предостерегающее слово: «...при ревнивомъ отношеніи армейскихъ офицеровъ къ правамъ и преимуществамъ гвардіи вообще, эта мѣра еще болѣе усилитъ недовольство въ арміи, которое принципиально совершенно не желательно, а въ настоящее время въ особенности».

Армія, конечно, никогда не посягала на существованіе гвардейскихъ частей, многія изъ которыхъ имѣли выдающуюся боевую исторію. «Ревнивое отношеніе» къ гвардіи обуславливалось не столько близостью ея ко двору, блескомъ формы, завидной стоянкой, сколько тѣми привилегіями — основанными на исторической традиціи, а не на личныхъ достоинствахъ — которыя непосредственно задѣвали самолюбіе арміи и ея жизненные интересы.

Гвардія составляла замкнутую касту, въ которую лишь изрѣдка допускались переводы юныхъ офицеровъ. Только какіе либо внутренніе кризисы ослабляли на время этотъ ригоризмъ. Такъ въ годы, слѣдовавшіе за японской войной, рядъ армейскихъ генераловъ былъ назначенъ на командные посты въ гвардейскую пѣхоту (Лечицкій, Лешъ, Некрасовъ, Шереметовъ, Яблочкинъ)... Вообще же всякое нарушеніе нормальной линіи служебнаго движенія въ гвардіи — будь то повышеніе въ чинѣ за отличные успѣхи въ наукахъ при

окончаниі академіі, будь то даже переводы по Высочайшей волѣ — встрѣчали непреодолимое сопротивление среды. вмѣстѣ съ тѣмъ офицеры гвардіи шли свободно въ армію съ повышеніемъ въ чинъ, что по гвардейской терминологіи называлось «размѣномъ»; полковники гвардейской артиллеріи шли на армейскіе дивизіоны и бригады; полковники гвардейской пѣхоты и кавалеріи, на много лѣтъ обгоняя производствомъ армейцевъ, почти всѣ безъ исключенія получали армейскіе полки.

Въ результатъ, при численномъ соотношеніи гвардіи къ арміи, выражавшемся въ 4%, не болѣе, имѣли мѣсто такія явленія... Ко времени японской войны чинъ полковника въ гвардейской артиллеріи получали въ среднемъ на 22 году службы, а въ армейской — на 33-мъ, т. е. на 11 лѣтъ позже... По книжкѣ 03 года въ должности начальника артиллеріи корпуса состояло гвардейцевъ и воспользовавшихся гвардейскими преимуществами 20 лицъ, а армейцевъ — 6, причемъ пять изъ нихъ имѣли чинъ за боевое отличіе... Передъ великой войной (10 г.) въ спискѣ командировъ армейскихъ пѣхотныхъ полковъ числилось на 145 армейцевъ — 51 гвардеецъ; въ регулярныхъ кавалерійскихъ — на 22 армейца 18 гвардейцевъ...

Значеніе такой перегрузки, въ связи, конечно, и съ другими неблагопріятными обстоятельствами, особенно чувствительно было въ годы кризисовъ, какъ на примѣръ послѣ японской войны, когда сильно затруднилось производство пѣхотныхъ капитановъ, и почти вовсе пріостановлено было производство кавалерійскихъ ротмистровъ — въ штабъ-офицеры. Бывали случаи, что армейскіе капитаны, аттестуемые на выдвигеніе въ порядкѣ общаго старшинства, не дождавшись батальона, вынуждены были уходить въ отставку по предѣльному возрасту...

Военному вѣдомству пришлось тогда принять рядъ организационныхъ мѣръ, до универсальной — «избіенія младеицевъ» включительно (увольненіе въ 07—08 годахъ нѣсколькихъ сотъ штабъ-офицеровъ) — чтобы расчистить

заторы и порвать мертвую петлю, удушавшую армейское служебное движение. Но гвардейских привилегий вѣдомство не тронуло.

* * *

Замкнутую корпорацію представляла изъ себя и конная артиллерія. Доступъ туда «со стороны» встрѣчалъ также упорное сопротивление среды. Артиллеристамъ памятна одиссея капитана Л-ва, назначеннаго на службу въ конную батарею, вызвавшая большой шумъ, потребовавшая вмѣшательства Петербурга и каръ въ отношеніи мѣстнаго начальства... Или злоключенія прославившагося въ японскую войну полковника Г-ва, который началъ службу въ полевой артиллеріи, а на войнѣ командовалъ казачьимъ дивизиономъ — когда онъ получилъ послѣ войны въ командованіе конно-артиллерійскій дивизионъ... Правда, вхожденіе въ короткую конно-артиллерійскую линію со стороны было довольно чувствительно. Но подобные случаи бывали рѣдко, и притомъ же командиры конно-артиллерійскихъ дивизионовъ безпрепятственно получали полевые бригады.

Въ девяностыхъ годахъ можно было наблюдать не рознь, а прямо таки отчужденіе между полевой и конной артиллеріей. Увлеченіе чисто коннымъ дѣломъ въ ущербъ своей артиллерійской спеціальности привело къ паденію искусства стрѣльбы конныхъ батарей. Такъ, по крайней мѣрѣ, было на двухъ большихъ полигонахъ — Рембертовскомъ и Брестъ-Литовскомъ, съ которыми я знакомъ. Оно же отражалось на взаимоотношеніяхъ: «конникъ» и «пижось», какъ конные артиллеристы называли презрительно полевыхъ, встрѣчаясь въ артиллерійскомъ сборѣ, обыкновенно ограничивались официальными разговорами по службѣ... Часто даже однокашники, выпущенные изъ артиллерійскаго училища въ полевую и конную, быстро охладѣвали другъ къ другу.

Я помню, какъ въ 93 году въ «Варшавскомъ Дневникѣ» появилась статья капитана конной артиллеріи Брюмера, за-

дѣвшая полевую артиллерію. Этотъ эпизодъ вызвалъ бурю на всемъ Рембертовскомъ полигонѣ. Редакція помѣстила одинъ-два негодующихъ отвѣта и заявила, что она буквально засыпанъ письмами и статьями, протестующими противъ статьи Брюмера, и снимаетъ вопросъ, какъ слишкомъ спеціальнѣй, со своихъ столбцовъ.

Извѣстенъ смахивающій на анекдотъ эпизодъ, какъ полевая артиллерія десятокъ лѣтъ добивалась «синихъ штановъ», вмѣсто «темно-зеленыхъ», лоснившихся послѣ первой же ѣзды, и кавалерійскаго сѣдла, вмѣсто своего эшафота — «пѣхотнаго образца 87 года» — по внѣшнему виду и неудобству словно умышленно придуманнаго для извода полевыхъ артиллеристовъ и конныхъ пѣхотинцевъ. И какъ въ Петербургѣ, въ комиссіи при Главномъ артиллерійскомъ управленіи одно высокопоставленное лицо, числившееся по конной артиллеріи, грозило уходомъ въ отставку, если «пѣшей артиллеріи» дадутъ «штаны» и «сѣдло»... Перваго такъ до конца и не добились; второе получили все-таки въ 1900 г.

Мелочи, скажетъ непосвященный читатель... Конечно. Но мелочи поддерживаютъ извѣстные настроенія. Такая, напримѣръ, мелочь, что начальникъ артиллеріи, генераль Л-въ взялъ за правило въ конныхъ батареяхъ здороваться за руку со всѣми офицерами, а въ полевыхъ только со штабъ-офицерами — отражалась, несомнѣнно, на отношеніяхъ между двумя родами (вѣрнѣе, подраздѣленіями) оружія.

Я долженъ, однако оговориться. Уже ко времени японской войны конная артиллерія, благодаря, главнымъ образомъ, руководству Генераль-инспектора, вел. князя Сергѣя Михайловича, сильно освѣжила свой составъ и подняла артиллерійское искусство. А къ великой войнѣ отъ тѣхъ анекдотическихъ временъ и слѣда не осталось: конная артиллерія стояла на должной высотѣ, измѣнились также къ лучшему взаимоотношенія съ полевой артиллеріей.

* * *

Только въ полевую артиллерію (армейскую) и въ пѣхоту доступъ былъ открытъ широко для всѣхъ «инородныхъ» элементовъ. Въ особенности пѣхота — главный и многострадальный родъ оружія послѣдняго столѣтія — была пасынкомъ и закона, и обычая. Пѣхотной «спеціальности» обыкновенно не признавали. Въ ея службѣ и обученіи считалъ себя компетентнымъ всякій. Пѣхотную дивизию можно было дать командиру артиллерійской бригады — правда, за особія отличія; или начальнику кавалерійской дивизіи, отрѣшенному по неспособности и никогда передъ тѣмъ не командовавшему пѣхотною частью. Въ пѣхоту можно было перевести офицера-артиллериста, который «оказался по артиллерійской службѣ и по наукамъ ограниченныхъ способностей»... Правда, такіе случаи бывали рѣдко, но характерно само отношеніе закона къ роду оружія.

Въ пѣхоту переводили за наказаніе порочныхъ матросовъ и солдатъ инженерныхъ частей въ смутные годы, даже «ссылали» студентовъ — участниковъ беспорядковъ и противоправительственныхъ выступленій.

Одѣта была пѣхота (и полевая артиллерія) всегда хуже всѣхъ — очевидно, по экономическимъ соображеніямъ, въ виду большой ея численности по сравненію съ другими родами оружія. Въ особенности въ 80—90 годахъ.

Конечно, тѣ взаимоотношенія, которыя создались между родами оружія, питались не только служебными, но и бытовыми особенностями, различіями, предразсудками. Въ житейскомъ обиходѣ, въ совмѣстномъ пребываніи въ гарнизонахъ, крѣпостяхъ, лагеряхъ эти отношенія принимали чрезвычайно разнообразныя оттѣнки — отъ холодныхъ, чисто официальныхъ до той дружбы, которая существовала въ Кавказскихъ, напримѣръ, войскахъ или въ Заамурскомъ округѣ пограничной стражи. «Рознь» имѣла разныя степени и формы. Общими же чертами ея были: гвардія глядѣла свысока на армію; кавалерія — на другіе роды оружія; полевая артиллерія косилась на кавалерію и конную артиллерію и снисходила къ пѣхотѣ; конная артиллерія жалась

къ конницѣ и сторонилась другихъ; наконецъ, пѣхота глядѣла изподлобья на всѣхъ прочихъ и считала себя обойденной вниманіемъ и власти, и общества.

Инженерныя части стояли нѣсколько въ сторонѣ отъ прочихъ, рѣже вступая съ ними въ общеніе, и организаціонно (онѣ не входили тогда въ составъ корпусовъ) и въ бытовомъ отношеніи.

* * *

Въ тѣхъ крупныхъ гарнизонахъ Варшавскаго, Кіевскаго и Казанскаго округовъ, въ которыхъ мнѣ приходилось служить, отношенія между родами оружія были приличныя — безъ столкновеній, но и безъ особенной близости. Офицеры въ частной жизни сходились между собой, но части сохраняли обыкновенно официальные отношенія. На полковой или бригадный праздникъ придетъ непременно делегація отъ части другого рода оружія; на танцевальный вечеръ въ собраніе явится также нѣсколько человекъ; но по ихъ составу (разныхъ чиновъ) и по манерѣ держать себя видно сразу, что это не случайные, добровольные посѣтители, а тоже делегація, присланная «по наряду» для соблюденія приличій...

Устройство общихъ гарнизонныхъ собраній удавалось, поэтому, не безъ труда. Такія собранія существовали въ нѣсколькихъ центрахъ, но въ Варшавѣ, на примѣръ, гдѣ было расквартировано до 20 строевыхъ частей, несмотря на то, что вопросъ этотъ находилъ сочувствіе въ окружномъ штабѣ и горячо обсуждался на страницахъ военной печати, онъ не получилъ разрѣшенія. Да и въ существовавшихъ гарнизонныхъ собраніяхъ чувствовалось нѣкоторое отсѣиваніе — въ особенности замѣтное по родамъ оружія.

Я помню только одинъ случай рѣзкаго антагонизма между частями разныхъ родовъ оружія, грозившаго превратиться въ прямое столкновеніе... Было это въ Сѣдлецѣ, гдѣ стояли драгуны (гусары) и пѣхота. Командующій войсками

округа приказалъ сдѣлать суровое внушеніе гарнизону. Я служилъ тогда въ строевомъ отдѣленіи штаба округа, и мнѣ пришлось составить текстъ циркулярнаго предписанія командующаго. Написалъ горячо и убѣжденно.

Прошелъ годъ. Я вернулся во 2-ю артиллерійскую бригаду. Въ Бѣлѣ къ этому времени, кромѣ бригады, стоялъ прибывшій съ Кавказа В-ій полкъ. Бригада не страдала предразсудками и жила прекрасно со своей пѣхотой 2-й дивизіи, особенно съ Калужскимъ и Либавскимъ полками. Такое же отношеніе установилось съ первыхъ же дней и съ В-мъ полкомъ. Въ особенности подружилась молодежь. Кавказцы умѣли быть добрыми кунаками и веселыми собутыльниками. Первое время въ Бѣлѣ дымъ стоялъ коромысломъ...

Но вскорѣ все перемѣнилось. Командиръ полка — человекъ грубый и неуживчивый — какъ будто нарочно, сдѣлалъ все, чтобы разсорить части. Началось съ претензій его, какъ старшаго въ чинѣ, на должность начальника гарнизона, которую занималъ по праву, какъ старшій въ должности, командующій бригадой; потомъ какими то мелкими и неприличными денежными расчетами съ бригаднымъ собраніемъ. И пошло!.. Окончилось все — полнымъ разрывомъ. Когда я вернулся въ бригаду, части уже окончательно порвали другъ съ другомъ: въ собраніяхъ у сосѣдей не бывалъ никто, да и въ частной жизни отношенія разладились.

О такомъ положеніи по жандармской линіи освѣдомленъ былъ штабъ округа, и вскорѣ въ Бѣлу пріѣхалъ генералъ для производства разслѣдованія. Въ бригадѣ онъ допрашивалъ командира, адъютанта и распорядительный комитетъ офицерскаго собранія, въ томъ числѣ меня, какъ предсѣдателя его. Между прочимъ, въ назиданіе намъ прочелъ копію окружнаго предписанія о сѣдлецкомъ антагонизмѣ. И былъ озадаченъ, когда оказалось, что я не только раздѣляю взгляды, высказанные въ предписаніи, но даже по случайности являюсь авторомъ его...

Въ результатѣ разслѣдованія, черезъ нѣкоторое время пришло секретное предписаніе командира корпуса, въ которомъ существованіе «натянутыхъ отношеній» между полкомъ и бригадой объяснялось «различнымъ составомъ общества офицеровъ, разностию образованія и воспитанія и рядомъ мелкихъ недоразумѣній». Корпусный командиръ выражалъ увѣренность, что при вліяніи нашего командира и содѣйствіи штабъ-офицеровъ нормальныя отношенія быстро установятся, «чего требуетъ долгъ службы и одинъ общій мундиръ».

Ничего не вышло. Безтактностью начальства порвать отношенія можно легко и быстро. Но никакимъ приказомъ выше ихъ не возстановишь, если у людей нѣтъ доброй воли къ соглашенію. Такъ и жили — полкъ и бригада — въ маленькомъ городишкѣ, не замѣчая другъ друга, пока полкъ не перевели въ другой пунктъ. Въ Бѣлѣ поставлены были тогда Калужскій и Либавскій полки, и гарнизонная жизнь вошла въ нормальную колею.

* * *

Съ конницей своего корпуса, стоявшей на постоянныхъ квартирахъ далеко отъ насъ, бригада не была знакома почти вовсе; точно также не поддерживались сношенія со стоявшимъ по сосѣдству, въ губернскомъ городѣ драгунскимъ (гусарскимъ) полкомъ. Однажды, когда бригада шла походомъ черезъ этотъ городъ на полигонъ, между нашимъ подпоручикомъ и драгунскимъ корнетомъ въ ресторанѣ, исключительно на почвѣ корпоративной розни, возникло столкновеніе... Секунданты засѣдали всю ночь; пришлось мнѣ, какъ «старшему подпоручику», потратить много времени и уговоровъ, чтобы предотвратить кровавую, быть можетъ, развязку. Только на разсвѣтѣ, когда батарейные трубы играли въ сонномъ городѣ «Походъ», и бригадѣ пора было двигаться дальше, дѣло закончилось примиреніемъ.

Мистическія нити опутываютъ людей и событія...

Черезъ четверть вѣка судьба столкнула меня съ бывшимъ корнетомъ въ непредвидѣнныхъ роляхъ: я — правитель Юга Россіи, онъ — посоль иностранной державы, дѣйствія которой могли оказать чрезвычайно серьезную помощь Югу въ борьбѣ съ большевиками... И не оказали.

Вспомнилъ? Или забылъ? Не знаю: о прошломъ мы не говорили.

* * *

Чисто официальные и притомъ натянутыя отношенія существовали между бригадой и конной артиллеріей корпуса — въ дни совмѣстнаго участія въ общемъ артиллерійскомъ сборѣ. Однажды они замутились, оставивъ за собою кровавый слѣдъ и тяжелое воспоминаніе у всѣхъ, стоявшихъ близко къ событію...

Въ Брестъ-Литовскѣ, въ ресторанѣ городского сада произошло столкновение между штабсъ-капитаномъ нашей бригады С-мъ и двумя конно-артиллеристами, поручиками К. С-мъ и С-мъ. На почвѣ традиціонной непріязни и неуважительныхъ отзывовъ объ ихъ «родахъ оружія». Я оставлю въ сторонѣ вопросъ, кто былъ больше виноватъ, но объ стороны были не трезвы.

С-ій — человекъ храбрый и отличный стрѣлокъ — имѣлъ потомъ гражданское мужество не желать дуэли... Кажется, и конные артиллеристы склонны были забыть происшедшее. Но командиръ конной батареи полковникъ Ц-ій, при отсутствіи суда чести въ батареѣ имѣвшій право разрѣшать лично вопросъ о неизбѣжности поединка, потребовалъ, чтобы оба поручика послали вызовъ С-му. С-ій, съ разрѣшенія бригаднаго суда чести, принялъ вызовъ.

Условія дуэли установлены были относительно не тяжелья: на пистолетахъ, 25 шаговъ дистанціи, по одному выстрѣлу — по командѣ.

Наканунѣ вечеромъ у адъютантскаго барака собралось

много офицеровъ; характерно, что пришли и изъ чужихъ бригадъ. Чувствовалось общее озлобленіе противъ «конниковъ» и сочувствіе С-му. Наша молодежь почти всю ночь не спала. Не спали и солдаты той батареи, въ которой служилъ С-ій, ими любимый. То-же, говорятъ, происходило и въ конной батарее...

Мѣсто для дуэли назначено было возлѣ лагеря, на опушкѣ лѣса. На разсвѣтѣ, въ 4 часа, мимо бригаднаго лагеря проскакала группа конныхъ артиллеристовъ, потомъ все смолкло. Черезъ нѣкоторое время изъ лѣса показалась фигура скачущаго по направленію къ конной батарее феер-веркера: онъ былъ посланъ, какъ оказалось, за лазаретной линейкой...

С-ій тяжело ранилъ К.—С-на въ животъ. Отъ помощи бригаднаго врача и отъ нашей линейки конно-артиллеристы отказались... К.—С-нъ, отвезенный въ госпиталь, дня черезъ два въ тяжкихъ мученьяхъ умеръ.

Результаты первой дуэли произвели на всѣхъ присутствовавшихъ тяжкое впечатлѣніе. Нервничали и секунданты. С-ій мрачно курилъ одну папиросу за другой. Черезъ четверть часа — вторая дуэль, окончившаяся благополучно. С-ій стрѣлялъ въ воздухъ.

Никогда потомъ С-ій не подымалъ разговора объ этомъ тяжеломъ эпизодѣ.

* * *

Война мѣняетъ картину.

Еще во время японской войны отношенія между родами оружія значительно сгладились, мѣстами переходя въ тѣсное боевое содружество. Съ тѣмъ... чтобы по окончаніи войны снова нѣсколько заостриться. И снова — наладиться, когда грянула великая война.

Въ ея зарницахъ, въ подвигѣ, крови и смерти мало по малу растворялись и исчезали предрасудки, тренія и междоусобная рознь. Между родами оружія ковалось подлинное боевое братство, основанное на сознаніи общности

интересовъ и судебъ, на ощущеніи общей смертельной опасности — столько же, сколько и на бьющей въ глаза потребности во взаимныхъ услугахъ и поддержкѣ. Пѣхота, артиллерія, конница расцѣнивали другъ друга уже не съ точки зрѣнія мирно-парадной, а единственно по силѣ искусства и готовности идти на выручку, по степени надежности своего сосѣда.

Значить ли это, что всѣ недоразумѣнія мирнаго времени не имѣли подъ собой серьезной почвы и могутъ быть презрѣны въ будущемъ? Отнюдь. Не слѣдуетъ испытывать судьбу... Во всякомъ случаѣ, строители новой арміи должны будутъ устранить въ области права всѣ признаки неравенства и привилегій, не оправдываемыхъ боевой потребностью. Начальники-воспитатели — побороть прежде всего свою психологію, а потомъ уже воздѣйствовать на подчиненныхъ. А жизнь и опытъ прошлаго довершить остальное.

Я говорю именно объ опытѣ нашего прошлаго. Какіе сдвиги въ психологію новой арміи внесутъ годы безвременья — покажетъ будущее.

* * *

Какъ сложилась боевая жизнь родной мнѣ 2-й артиллерійской бригады, увидѣть не пришлось...

30 августа 1914 года въ лѣсахъ Вилленберга, въ Восточной Пруссіи, въ арміи генерала Самсонова, бригада погибла.

Хотя впоследствии подъ тѣмъ же номеромъ сформирована была новая часть, которая на Румынскомъ фронтѣ входила временно въ составъ 8 корпуса, которымъ я командовалъ, но никого изъ старыхъ товарищей моихъ въ ней уже не было.

Ушла отъ насъ и маленькая тихая Бѣла, вошедшая въ «крессы» Польскаго государства.

Время и житейскія бури разметали людей и рвутъ нити, связывающія съ прошлымъ — одну за другой.

«КАЗАРМА».

I.

Какая? Этот вопрос имѣетъ существенное значеніе, ибо жизнь казарменная носила различныя черты, въ зависимости отъ многихъ причинъ. Отъ того округа, въ которомъ расположена была часть — округа пограничные (Варшавскій, Виленскій, Кіевскій) и столичный во всѣхъ отношеніяхъ стояли выше внутреннихъ; отъ рода оружія — въ артиллеріи, напримѣръ, отношенія начальника къ солдату были мягче; отъ части, ея традицій, личности командира и т. д. Наконецъ, отъ періода: послѣ японской войны и потрясеній первой революціи быть солдатскій претерпѣлъ повсюду нѣкоторыя измѣненія къ лучшему, много раньше намѣчавшіяся въ передовыхъ округахъ.

Тѣмъ не менѣе, на всѣхъ долготяхъ и широтахъ, во всѣхъ концахъ необъятной Россіи «казарма» имѣла много чертъ общихъ, неизмѣнныхъ или очень медленно мѣнявшихся. Ибо быть солдатскій, помимо техническихъ особенностей военной службы, являлся неотдѣлимой частью народнаго быта, отражая въ себѣ ступени культурнаго развитія народа, его потребностей, привычекъ, домашнихъ, общественныхъ и социальныхъ отношеній.

А быть народа въ нормальные періоды его жизни не мѣняется десятилѣтіями.

Я хочу дать нѣкоторый синтезъ «казармы», основанный на соприкосновеніи съ нею во многихъ войсковыхъ частяхъ,

въ четырехъ округахъ, въ различномъ служебномъ положеніи — отъ рядового до полкового командира. Внося лишь въ общую картину пѣхотной казармы частныя дополненія, обусловленные мѣстомъ и временемъ.

* *
*

Въ казармахъ — полное внѣшнее разнообразіе. Инженернаго вѣдомства, частно-владѣльческія или просто приспособленные дома; просторныя или тѣсныя, въ одну ротную палату или закоулками. Вдоль стѣнъ — сплошныя нары, которыя съ 01 года инженерное вѣдомство стало замѣнять отдѣльными тапчанами... На нарахъ — соломенные тюфяки и такія же подушки, безъ наволочекъ, больше ничего. По обидной аналогіи это убогое оборудованіе на казенномъ языкѣ носило названіе не постельной, а «подстилочной» принадлежности...

Покрывались солдаты шинелями. Холодно зимой — дровяная экономія одно изъ важнѣйшихъ подсобныхъ средствъ полкового хозяйства... Шинели коротки, послѣ ученья — грязны, послѣ дождя — влажны и пахнутъ прѣлой шерстью. «Насѣкомая» гуляетъ свободно по нарамъ. Нечистоплогно, негигіенично; отъ вѣка — одно оправданіе:

— Нашъ простолудинъ привыкъ.

Одѣяла — мечта ротнаго, эскадроннаго. Они же — свидѣтели заботливости начальства, вызывающей похвалу и поощреніе свыше. Какими путями пріобрѣсть ихъ — невѣдомо; во всякомъ случаѣ — «безъ расходовъ для казны». Покупали, поэтому, одѣяла за счетъ полковой экономіи, изъ суммъ, вырученныхъ на «вольныхъ работахъ», но чаще всего путемъ «добровольныхъ» вычетовъ при получкѣ скуднаго солдатскаго содержанія и денежныхъ писемъ. Еще бы не добровольныхъ, когда фельдфебель, Иванъ Лукичъ на вечерней переключкѣ подыметъ корявый указательный палецъ кверху и внушительно скажетъ:

— Что-бъ было! Неужто намъ срамиться передъ четвертой ротой!?

Только въ 1905 году введено было снабженіе войскъ постельнымъ бѣльемъ и одѣялами, оказавшееся, такимъ образомъ, однимъ изъ «завоеваній» первой революціи.

Въ казармѣ тѣсно. Тутъ же — умывальники и гимнастическіе приборы. На время занятій тапчаны ставятся другъ на друга въ нѣсколько ярусовъ. Особенно тѣсно стало послѣ реорганизаціи 10 года, когда составъ многихъ пѣхотныхъ дивизій возросъ чуть не въ полтора раза, и квартирный вопросъ принялъ острѣя формы. Приходилось во многихъ пунктахъ пользоваться добавочными помѣщеніями для частей роты на сторонѣ, что затрудняло внутренній надзоръ, или тѣсниться, получая отъ города дополнительную квартирную плату, которая шла въ полковую экономію. Днемъ въ такой казармѣ было терпимо, но ночью... Вообще казарма ночью — это нѣчто едва переносимое...

Благоустройство и украшеніе казармы было предметомъ поощренія начальства и соревнованія командировъ. Конечно, думали о солдатскомъ уютѣ, но и начальническое око служило стимуломъ немаловажнымъ. Не даромъ военный психологъ М. И. Драгомировъ говорилъ: «въ человѣкѣ первыми побѣждаютъ глаза — это давно, еще Цезаремъ замѣчено».

И въ этой области требовалась большая изобрѣтательность, такъ какъ отпускъ отъ казны былъ до крайности ничтоженъ и приходилось обзаводиться также «безъ расходовъ для казны». Тѣмъ не менѣ роты, батареи, эскадроны умудрялись создавать подобіе уюта. Въ рѣдкой части не было въ красномъ углу божницы или кіота съ неугасимой лампадой; по карнизамъ — выведенные своимъ доморощеннымъ художникомъ суворовско-драгомировскіе афоризмы; стѣны увѣшаны щитами со спискомъ георгіевскихъ кавалеровъ и павшихъ въ бояхъ; много картинъ — олеографій историческаго и батальнаго содержанія, портретовъ

лицъ царской фамиліи и военныхъ героевъ. Этого рода графикъ придавалось всегда большое воспитательное значеніе; и рѣдко случалось, чтобы на смотрахъ или при обходѣ казармъ начальникъ не спросилъ солдатъ о содержаніи картинъ. И рѣдко при этомъ не происходило курьезовъ, свидѣтельствовавшихъ о томъ, съ какимъ трудомъ развивался мракъ въ крестьянской по преимуществу толщѣ арміи, и какъ часто — только внѣшне, чисто механически усваивалась та нудная премудрость, которая въ военномъ быту носила довольно двусмысленное названіе «словесности». Можно себѣ представить ужасъ ближайшаго начальства, когда на смотре молодой солдатъ про извѣстный портретъ Суворова, гдѣ генералиссимусъ неудачно изображенъ съ морщинистымъ женскимъ лицомъ, — скажетъ вдругъ:

— Бабушка Государя...

Или другой — картину «Крещеніе Руси» переименуетъ... въ «Переправу черезъ Дунай»... Въ Саратовѣ, при обходѣ казармъ Хвалынского полка (1909 г.) командующимъ войсками, генераломъ Сандецкимъ, я былъ свидѣтелемъ траги-комического эпизода. Сандецкій, указывая на извѣстную картину «Подвигъ бомбардира Агафона Никитина», спросилъ у одного солдата ея содержаніе и получилъ отвѣтъ:

— Такъ что, Василій Рябовъ, ваше — ство!

Спросилъ другого, третьяго, — тотъ же отвѣтъ. Разгнѣванный и недоумѣвающий командующій перевелъ взглядъ на другую стѣну и, увидѣвъ тамъ картину съ настоящимъ «Василіемъ Рябовымъ», сталъ спрашивать про нее.

— Такъ что, подвигъ бомбардира Агафона Никитина, ваше — ство!

Генераль Сандецкій обратился съ тѣмъ же вопросомъ къ молодцеватому унтеръ-офицеру, который безъ запинки, не глядя на картину, доложилъ:

— Бомбардиръ Никитинъ, который взять въ плѣнь те-

кинцами, хотя имъ сдирали кожу и даже убили, однако, по своимъ отказался стрѣлять.

Тутъ уже не только командующій, но и всѣ присутствовавшіе пришли въ полнѣйшее недоумѣніе. Командующій не щадилъ словъ для разноса роты, полковой командиръ металъ молніи по адресу ротного, а ротный былъ потрясенъ, подавленъ и чувствовалъ себя погибшимъ.

Только потомъ дѣло разъяснилось... Подходить къ ротному фельдфебелю и почтительно наклонившись къ плечу, виновато шепчетъ:

— Мой грѣхъ, ваше высокоблагородіе. Передъ самымъ смотромъ перевѣсилъ одну картину замѣсто другой — для симетру.

На что ротный трагическимъ шопотомъ отвѣтилъ:

— Хотя вы и подпрапорщикъ, но я тебѣ, такъ растакъ, покажу «симетру», погоди!

По традиціи въ казармахъ развѣшивались портреты — изъ числа старшихъ начальниковъ — только командующихъ войсками округа; болѣе близкихъ — считалось неловкимъ: это вызвало бы осужденіе за угодливость, подхалимство... Конечно, угодничество существовало — гдѣ — къ личностямъ, гдѣ — къ своеобразнымъ требованіямъ, къ «пунктикамъ», предъявляемымъ начальствомъ. Но едва ли въ какой-либо другой средѣ это качество встрѣчало столь отрицательное къ себѣ отношеніе, какъ въ военной. Одинаково — въ кадетскомъ корпусѣ, въ военномъ училищѣ, въ войсковой части, въ казармѣ. Острое слово, насмѣшка, иногда болѣе существенныя непріятности преслѣдовали людей, чрезмѣрно льнувшихъ къ начальству. И клеймились грубыми, взятыми изъ заборной литературы словами, имѣвшими разный логическій смыслъ, но одинаковое приложеніе:

— Безмыльникъ!

— Мыловарь!

Чрезмѣрная угодливость встрѣчала осужденіе и со стороны болѣе разборчивыхъ начальниковъ. Въ N корпусѣ, начальникъ штаба получилъ официальное письмо отъ одного

изъ командировъ полковъ, съ просьбою — освѣдомиться у командира корпуса, гдѣ можно достать его портретъ, «дабы размножить и развѣсить его во всѣхъ эскадронахъ и командахъ ввѣреннаго (ему) полка»... Надъ письмомъ въ штабѣ посмѣялись, а корпусный въ шутку помѣтилъ сбоку: «Это ужъ по № 4711».

Такъ бы и осталось оно подшитымъ къ дѣлу, еслибы не оплошность адъютанта, который, не читая, подписалъ бумагу, съ заготовленной писаремъ шаблонной надписью: «командиру N полка — по резолюціи командира корпуса».

Разсказывали потомъ, что въ полку была поднята на ноги вся канцелярія въ поискахъ бумаги за № 4711, пока, наконецъ, одинъ веселый корнетъ не надоумилъ адъютанта:

— Напрасно ищите. Это не «входящая», а мыло такое есть — Брокаровское...

... Если къ перечисленнымъ выше предметамъ прибавить библиотечные шкафчики, затѣйливые сосуды съ кипяченой водой — въ обычное время пустые, ружейныя стойки и стѣнные ящики для револьверовъ, то этимъ исчерпывается обычное оборудованіе казармы.

Въ годы, непосредственно предшествовавшіе первой революціи, сквозь ружейныя скобы продѣвались цѣпи, и ружья и револьверы запирались на замки. Замки — символъ тревожнаго времени — производили психологически неприятное впечатлѣніе. Официально эта мѣра, вынужденная обстоятельствами, объяснялась участвовавшими кражами оружія, шедшаго на вооруженіе революціи... Но чувствовалось въ ней и другое — не полная увѣренность въ солдатѣ.

Тѣмъ болѣе, что «запирали» не только ружья... Власти, чувствуя первыя легкія колебанія почвы подъ ногами, начали нервничать. Государь ѣздилъ напутствовать отъправлявшіяся въ Манчжурію дивизіи и былъ неприятно удивленъ, узнавъ случайно, какія мѣры предосторожности принимались для его охраны... Командиръ строевой роты, отъправлявшейся съ запада на театръ военныхъ дѣйствій, по

прибытіи въ Москву подалъ рапортъ, въ которомъ съ горечью описывалъ, какъ его эшелонъ подошелъ къ одной изъ узловыхъ станцій (Брестъ-Литовскъ, если не ошибаюсь) — случайно въ то время, когда тамъ стояли царскіе поѣзда... Съ какимъ волненіемъ его люди ждали возможности увидѣть своего Государя... И вмѣсто этого — какъ всѣ ихъ теплушки приказано было запереть на замки и не выпускать никого, пока царскіе поѣзда не покинутъ станцію. Капитанъ доносилъ, что ему стыдно смотрѣть въ глаза своимъ солдатамъ, которымъ не позволили даже въ дверную щель посмотреть на Того, за котораго они ѣдутъ умирать.

Случай этотъ, оказавшійся далеко не единичнымъ, произвелъ впечатлѣніе въ военныхъ кругахъ и вызвалъ Высочайшую немилость въ отношеніи не въ мѣру предусмотрительныхъ начальниковъ.

* * *

Съ ранняго утра казарма гудитъ, точно улей. Подъемъ, одѣваніе, чай, уборка. Потомъ начинаются утреннія занятія по многочисленнымъ группамъ, и въ помѣщеніи стоять сумбурный гулъ отъ десятковъ голосовъ, отъ командъ и топота увѣсистыхъ солдатскихъ сапогъ.

Потомъ обѣдь.

Солдатскій желудокъ всегда былъ предметомъ особенной заботливости начальниковъ всѣхъ степеней и чувствительнымъ барометромъ солдатскихъ настроеній. Не даромъ въ старину всѣ солдатскіе бунты начинались обычно съ опрокидыванія ротныхъ котловъ. Тухлая говядина или заплѣснѣвшіе сухари чаще всего бывали поводомъ къ проявленію недовольства, имѣвшаго несравненно болѣе сложныя причины. Черви въ мясѣ были поводомъ и для бунта на броненосцѣ «Потемкинъ»...

Основная дача мяса (или рыбы) въ день на человѣка составляла до 05 года $\frac{1}{2}$ фунта, позже — $\frac{3}{4}$ ф. Хлѣба — 3 ф.

Полная мирная дача, примѣнительно къ установленной выше «нормальной раскладкѣ», по числу калорій, а въ послѣдніе годы и по сравнительному разнообразію пищи, была вообще удовлетворительной. Если возникали нареканія, то, главнымъ образомъ, на несоотвѣтствіе въ нѣкоторыхъ пунктахъ приварочныхъ кладовъ мѣстнымъ цѣнамъ, а въ сѣверныхъ областяхъ — на недостатокъ жировъ. Во всякомъ случаѣ, солдатская пища была многимъ питательнѣе, чѣмъ та, которую большинство солдатъ имѣло дома. Хозяйственные заготовки частей, комиссіи для выработки раскладки, въ которыхъ, противно духу тогдашняго времени, привлекались иногда и представители самихъ «вдоковъ», обязательные врачебные осмотры продуктовъ, участіе въ дѣлѣ храненія и распредѣленія ихъ должностныхъ нижнихъ чиновъ — все это создавало и видимыя и дѣйствительныя гарантіи. Злоупотребленія встрѣчались рѣдко. «Проба» (пищи) — была прочно установившимся обрядомъ, выполнявшимся самымъ высокимъ начальникомъ, не исключая Государя, при посѣщеніи казармъ въ часы обѣда или ужина. Военный эпосъ полонъ веселыхъ разсказовъ о состязаніи начальниковъ, стремившихся «уловить» подчиненныхъ, и довольствующей роты, старавшейся «втереть очки» или сочетать несомвѣстимыя требованія двухъ начальниковъ: корпусный, напримѣръ, требуетъ, чтобы борщъ былъ хорошо проперченъ, а дивизионный считаетъ перецъ вреднымъ для желудка... Ну и подаютъ имъ, когда появятся одновременно, одну и ту-же «пробу», только корпусному — съ деревянной ложкой, вываренной заранѣе съ каенскимъ перцемъ... Оба похвалятъ, и отъ обоихъ достанется по серебрянному рублю кашевару.

Но, помимо стороны анекдотической, вниманія и заботъ въ этой области проявлено было дѣйствительно много. Всѣми, начиная съ ученыхъ трудовъ военно-медицинской академіи, изслѣдовавшихъ вопросы солдатскаго питанія, и кончая довольствующимъ фельдфебелемъ. Ибо, если и попадался такой фельдфебель, что отъ довольствія имѣлъ

«безгрѣшный доходъ», то огромное большинство относилось къ солдатскому питанію честно. И не только изъ формализма, но и въ силу присущей русскимъ людямъ сердечности, свободно уживавшейся съ внѣшней грубостью военнаго обихода.

Тѣмъ болѣе досадно было читать въ революціонныхъ листовкахъ и въ лѣвыхъ газетахъ, выросавшихъ, какъ грибы послѣ дождя, въ годы безвременья (послѣ 05 года), неправду про отношенія начальниковъ къ солдату въ этой именно области. И не только — въ революціонныхъ... Отдавая дань модному въ то время огульному осужденію, даже правый органъ кн. Ухтомскаго «С.-Петербургскія вѣдомости» (07 г.): «Возьмемъ, хотя бы, напримѣръ, солдатское питаніе — повѣствоваль какой-то псевдонимъ («Ом»). — Сплошь и рядомъ въ солдатской кашѣ попадаются дохлыя крысы. Щи же варятся въ котлахъ, въ которыхъ раньше и позже варки солдатамъ предлагается мыть свое грязное бѣлье...»

Вообще пресса девятисотыхъ годовъ интересовалась военнымъ бытомъ, но не жалѣла темной краски для его изображенія.

... «Очи всѣхъ на Тя, Господи, уповаютьъ...» — гремитъ подъ сводами столовой. Звенять котелки, дымятся баки съ такими иногда щами или гороховымъ супомъ, какіе не всегда найдешь въ офицерскомъ собраніи... Поѣдаютъ все — «порціи», борщъ; каши обыкновенно не хватаетъ; оставляютъ только мало-наварныя похлебки и «кашицу», готовящіяся къ ужину. Молодые солдаты въ первый годъ службы жадно набрасывались и на хлѣбъ — съѣдали всю 3-хъ фунтовую дачу; только со второго года оставался «недоѣдъ». Въ прежніе годы можно было видѣть на базарахъ и у подвѣздовъ домовъ солдатъ, продающихъ за безцѣнокъ караван хлѣба; въ послѣднее время за «недоѣдъ» выплачивало деньгами интендантство.

По началу выходили недоразумѣнія отъ несоотвѣтствія

универсальнаго средне-русскаго стола съ особенностями мѣстнаго пищевого режима областей и народовъ огромной имперіи. Такъ, южане не любили кислыхъ щей, сѣверяне — пшенной каши; татары и евреи брезгали поджареннымъ саломъ, которымъ заправлялись макароны или каша. И почти всѣ терпѣть не могли чечевицы. Любопытно, что русская чечевица съ 88 года перекочевала на германскіе рынки и считалась весьма цѣннымъ продуктомъ для питанія германской арміи.

Въ дни войсковыхъ праздниковъ, на Пасху и на Рождество полагалось улучшенное довольствіе — колбасы, бочекъ, куличи, бѣлый хлѣбъ, пиво. Въ прежнсе время выдавалась еще историческая «чарка» или, на официальномъ языкѣ — «винная порція».

Въ арміи, какъ и въ странѣ вообще, взгляды на употребленіе спиртныхъ напитковъ мѣнялся, но до 14 года серьезныхъ мѣръ противъ народнаго пьянства не принималось. Хотя Россія по количеству душевого потребленія спирта занимала пятое мѣсто (послѣ Австріи, Германіи, Франціи и Америки), но и ея потребленіе было не малое. Въ 10 году на душу приходилось 11 ¹/₄ бутылокъ водки и 10 ¹/₂ бугылокъ пива; рабочій пропивалъ 12% своего заработка, а вся страна истратила на спиртные напитки 1.078 мил. рублей...

Пилъ, конечно, и народъ въ шинеляхъ, хотя, мнѣ кажется, меньше, чѣмъ «вольный». Въ программѣ преподаванія гигиены въ учебныхъ командахъ, по инструкціи, дѣйствовавшей съ 75 года, былъ даже пунктъ, поучающій «о пользѣ умѣренного употребленія водки»... Въ солдатскихъ лавкахъ, гдѣ была разрѣшена продажа спиртныхъ напитковъ, доходъ отъ нея составлялъ не менѣе четверти всей прибыли. Въ маленькомъ масштабѣ полковое хозяйство чинило свои прорѣхи доходами отъ лавочки, въ томъ числѣ и «пьянымъ», подобно тому, какъ въ государственномъ масштабѣ — vyrучалъ «пьяный бюджетъ».

До 86 года выдавалась постоянная казенная «чарка» въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Казанскаго, Сибир-

скаго и Кавказскаго округовъ. Въ прочихъ — и до того, и позже — лишь въ ознаменованіе табельныхъ дней и войсковыхъ праздниковъ, какъ награда за удачный смотръ или маневръ, или просто — какъ знакъ расположенія тароватаго начальника.

Бывало фельдфебель самолично, словно священнодѣйствуя, разводилъ въ деревянной кадкѣ спиртъ или польскую «оковиту», и потомъ солдаты, выстроенные въ затылокъ, подходятъ «прикладываться», безъ закуски, вытирая ротъ рукавомъ. Пьяницы старались обмануть фельдфебельскую бдительность и «вздоить», а непьющіе, въ особенности молодые, проглатывали иногда чарку съ отвращеніемъ, боясь насмѣшекъ.

Между тѣмъ, въ концѣ девяностыхъ годовъ въ особенности, отчеты и печать стали обращать вниманіе на пьяную статистику. Отмѣчали ростъ остраго отравленія спиртомъ въ войскахъ, причемъ % заболѣвшихъ офицеровъ бывалъ выше, чѣмъ нижнихъ чиновъ... Указывали, что число преступленій, совершаемыхъ на службѣ подъ вліяніемъ алкоголя, составляетъ болѣе 40% общей преступности... Пироговскій съѣздъ (1899 г.), считая «чарку» одной изъ причинъ народнаго пьянства, поднялъ также голосъ за отмѣну ея. Постепенно и какъ бы неуверенно шло навстрѣчу этому теченію военное вѣдомство. Въ 99 году частнымъ распоряженіемъ командующихъ Петербургскаго и Сибирскаго округовъ воспрещена была торговля водкой въ солдатскихъ лавкахъ; затѣмъ въ 1902 г. послѣдовалъ рядъ общихъ ограничительныхъ мѣръ въ порядкѣ Устава внутренней службы. Наконецъ, послѣ широкой анкеты, въ результатъ которой 81% начальниковъ высказались противъ казенной винной порціи, Высочайшимъ приказомъ 08 года историческая «чарка» была отмѣнена; воспрещена была также продажа водки въ солдатскихъ лавкахъ.

Всѣ эти мѣропріятія трезвости не насадили, но несомнѣнно очистили казарму отъ многихъ соблазновъ.

Въ началѣ великой войны, какъ извѣстно, продажа

спиртныхъ напитковъ была воспрещена по всей Россіи. Но въ дѣйствующей арміи эта мѣра привела лишь къ подчеркиванію бытового неравенства: офицерскіе чины всѣми правдами и неправдами — по свидѣтельствамъ командировъ и комендантовъ, по требованію лазаретовъ или по высокой цѣнѣ — доставали спиртъ и пили водку — не многимъ, вѣроятно, меньше, чѣмъ въ японскую войну. Военная іерархія смотрѣла на этотъ «уклонъ» чрезвычайно благодушно, и поэтому перечень «техническихъ надобностей», на которыя шелъ спиртъ въ армію, былъ курьезенъ и неограниченъ. Мнѣ, напримѣръ, попалась на глаза переписка: ходатайство духовнаго лица о разрѣшеніи отпуска ведра спирта «на предметъ чистки ризъ и церковной утвари», съ резолюціей коменданта: «полагаю, для сей цѣли довольно будетъ и четверти»...

Что касается нижнихъ чиновъ, то они были лишены почти вовсе такой возможности и крѣпко завидовали. Однимъ изъ источниковъ виннаго довольствія для нихъ была «военная добыча» въ захваченныхъ городахъ, пока начальство не успѣвало распорядиться — вылить содержимое складовъ или поставить къ нимъ караулы; другимъ — перегонка денатурата черезъ противогазы... Послѣ революціи въ нѣкоторыхъ частяхъ распущенные солдаты гнали и пили самогонъ.

Вообще, насажденіе трезвости въ русскомъ народѣ и арміи — мѣрами правительственного и общественнаго воздѣйствія — имѣло въ основаніи цѣль благоую, но въ исполненіи — лицемѣріе.

Такъ было и у другихъ. Въ германской арміи къ 01 году изъ солдатскихъ буфетовъ изъята была водка, но поощрялось пиво — національный напитокъ и доходная статья отечественной промышленности — которымъ напивались не меньше, чѣмъ водкой. Французское министерство одной рукой насаждало трезвость (по отдѣлу воспитанія), а другой (по отд. хозяйства) — поощряло солдатскіе буфеты съ «умѣренной продажей вина» — настолько, что въ

циркулярѣ объявлена была даже благодарность одному ротмистру «за широкую постановку дѣла въ кавалерійскомъ полку»: ротмистръ этотъ за полъ года ухитрился продать 600 пятнадцати-ведерныхъ бочекъ вина... (09 г.).

Въ германской и австрійской арміяхъ во время войны спиртные напитки входили въ довольствіе, а передъ атакой солдатъ, повидимому, не разъ спаивали: мы захватывали плѣнныхъ — пьяными, а во взятыхъ окопахъ — боченки съ дряннымъ, но крѣпкимъ ромомъ.

* *
*

«Красивая, изящная форма поднимаетъ носителя ея какъ въ собственныхъ глазахъ, такъ и въ глазахъ народа, заставляетъ внимательнѣе относиться къ своей внѣшности и приучаетъ его къ порядку и дисциплинированности».

Такими словами объясняло официальное сообщеніе во второй половинѣ царствованія императора Николая II возвращеніе гвардіи и кавалеріи эффектныхъ старыхъ историческихъ формъ, а въ армейской пѣхотѣ и артиллеріи — введеніе двубортныхъ мундировъ съ металлическими пуговицами.

Дѣйствительно, опрощеніе формы одежды, введенной при императорѣ Александрѣ III, достигая полнаго почти однообразія повсюду, удобства массовой пригонки при мобилизаціи, а главное дешевизны, не удовлетворяло минимальнымъ требованіямъ эстетики. Армейское офицерство свою форму не любило, а солдаты передъ уходомъ въ запасъ шили себѣ фантастическое обмундированіе, представлявшее обыкновенно смѣсь формъ эпохи Александра II. Военная печать удѣляла много мѣста этому вопросу, указывая на психологическое его значеніе. Помнится остроумный парадоксъ нововременскаго фельетониста «А-тъ» (полк. Петерсонъ), который, полемизируя съ собратьями по перу, вышучивавшими «культъ погончиковъ петличекъ», предла-

галь довести «упрощёніе» до логического конца: одѣтъ воинство въ мѣшки («удобство пригонки»)... Причёмъ для отличія — оберъ-офицерамъ на спинѣ ставить одинъ восклицательный знакъ («на страхъ врагамъ»), а штабъ-офицерамъ — два («на страхъ врагамъ и... своимъ»).

Начиная съ 1907 года послѣдовалъ цѣлый рядъ переменъ въ обмундированіи войскъ, въ особенности въ бытность военнымъ министромъ Сухомлинова, имѣвшихъ цѣлью придать болѣе изящный видъ военной одеждѣ. Вводились и отменялись мундиры; круглыя барашковыя шапки, въ качествѣ параднаго головного убора, замѣнены были сначала обыкновенными фуражками съ большою неуклюжею бляхою, въ видѣ государственнаго герба, потомъ папахою; скромныя шапки — внѣ строя — смѣнились гремящими саблями; промелькнули и исчезли кивера для генераловъ и генеральнаго штаба... Нововведенія и отмены чередовались такъ быстро, что люди благоразумные остерегались заводить новое, и, согласно закону, донашивали старое вплоть до великой войны.

Въ концѣ концовъ, для главной массы войскъ — пѣхоты и полевой артиллеріи — военное вѣдомство остановилось въ 1913 году на однотипной походной одеждѣ защитнаго цвѣта, которая для парадовъ мирнаго времени украшалась пристяжными лацканами (на груди) полковыхъ цвѣтовъ или бархатнымъ. Въ военный обиходъ она войти не успѣла.

Роскошь имѣтъ двѣ формы — мирно-парадную и походную, при условіи необходимости освѣжать громадные запасы, содержимые для мобилизаціи, была непосильной для страны. Она оказалась непосильной послѣ великой войны и для странъ богатыхъ, и нынѣ повсюду воцарилось болѣе или менѣе универсальное, болѣе или менѣе привлекательнаго вида защитное походное обмундированіе, вытѣснившее пеструю, яркую, воспѣтую поэзіей всѣхъ странъ и народовъ военную форму былыхъ временъ.

Вѣроятно навсегда.

Но обмундированіе старой русской арміи обладало и другими крупными недостатками. Во-первыхъ оно было одинаковымъ для всѣхъ широтъ — для Архангельска и для Крыма; при этомъ до японской войны никакихъ отпусковъ на теплыя вещи не полагалось, и тонкая шинелишка покрывала солдата и лѣтомъ и въ морозы во время маневровъ и ночлеговъ въ полѣ. Части заводили «безъ расходовъ для казны», за счетъ своей экономіи — въ пѣхотныхъ войскахъ суконныя куртки изъ выслужившихъ сроки изношенныхъ шинелей; въ конныхъ — полушубки. Во время японской войны, въ суровыя манчжурскія зимы войска поддѣвали ватные китайскіе кофты и халаты, а сапоги обматывали вольвыми шкурами, вслѣдствіе чего пожилые «сражатели» теряли не только воинскій видъ, но и всякую подвижность.

Не отличалась солдатская одежда и доброкачественностью, въ особенности бѣлье и сапоги. Про бѣлье само интендантство говорило (1904 г.): «Образцы выработаны въ 60-хъ годахъ... Рубашечный холстъ весьма грубый, а подкладочный (для подштанниковъ) — настолько грубый и костричный, что въ частномъ быту находить себѣ примѣненіе лишь какъ портновскій поднарядъ... Сапожный товаръ не имѣетъ пригляднаго вида и надлежащей мягкости»...

Войска ругали интендантство, интендантство жаловалось на недостаточный отпускъ денегъ отъ казны, солдаты распродавали за безцѣнокъ вещи, военное министерство «обращало вниманіе интендантства на широкое явленіе продажи солдатскаго бѣлья и сапожнаго товара», интендантство... и т. д. Такой кругооборотъ по приказной литературѣ и военной печати можно наблюдать четверть вѣка, если не больше.

Особенно многострадальною была участь солдатскаго сапога, хотя изъ школьныхъ прописей извѣстно было, что «побѣда пѣхоты — въ ногахъ»... Этапы, пройденные казеннымъ сапогомъ, обыкновенно бывали слѣдующіе: заводчикъ, интендантство, полкъ, солдатъ; солдатъ, скупщикъ,

заводчикъ, интендантство, полкъ, солдатъ. И т. д. — до трехъ, четырехъ разъ.

Интендантство увѣряло, что такой кругооборотъ невозможенъ, такъ какъ товаръ — клейменный, но большой процессъ варшавскихъ поставщиковъ подтвердилъ (1910 г.), что такъ именно и было. При этомъ выяснились и цифры тайной бухгалтеріи: скупщикъ платилъ солдатамъ за пару сапогъ 1 р. 50 к. — 2 р., продавалъ поставщикамъ интендантства за 2 р. 50 — 2 р. 60 к., а послѣдніе получали контрактную цѣну 6 р. 90 — 7 р. 15 к. за пару...

Солдатская одежда раздѣлялась на три «срока». Первый — неприкосновенный, одѣвавшийся только при мобилизации, второй — въ парадныхъ случаяхъ, третій — въ постоянной носкѣ. Но «мундирная одежда» упорно отказывалась выдерживать уставные сроки, въ особенности штаны, и изнашивалась до времени. Чтобы выйти изъ положенія, войсковыя части экономили, какъ умѣли: хитрили съ фактическимъ перечисленіемъ изъ срока въ срокъ, заставляли молодыхъ солдатъ «донашивать» первые недѣли свою обувь и штаны, а гдѣ полковая экономія была незначительна, одѣвали ихъ просто въ рвань. Были командиры, которыхъ не необходимость, а скопидомство или карьеризмъ побуждали накапливать добро въ цейхгаузахъ для услады начальническаго ока. Ибо находились наверху цѣнители и такой бережливости... О ней Драгомировъ въ приказѣ своемъ говорилъ: «Начальниковъ частей, у которыхъ окажется одежда четвертаго срока, буду отрѣшати отъ должности».

Этотъ хроническій дефектъ уживался какъ-то съ постоянными приказами о чистотѣ, щеголеватости, опрятности и людей, и помѣщеній. И не только ихъ... Что зоркое око начальства слѣдило, на примѣръ, съ величайшимъ вниманіемъ за «туалетомъ» лошадей, это понятно всякому коннику, хозяину и спортсмену. Но нѣкоторые любители порядка шли дальше. Въ качествѣ бытового курьеза, М. И.

Драгомировъ приводилъ однажды приказъ высокой инстанціи:

«Для пристража и ухода за порціоннымъ (убойнымъ) скотомъ*) поставить нижнихъ чиновъ изъ числа бывшихъ землепашцевъ. Завести металлическія гребенки и вычесывать ту шерсть, которая линяетъ. Ключья шерсти придаютъ животнымъ неряшливый видъ».

Плохо-ли, хорошо-ли одѣтый солдатъ долженъ былъ принимать видъ бодрый и молодцеватый, ибо внѣшняя выправка обыкновенно соотвѣтствовала внутренней подтянутости. Долженъ былъ и въ своемъ сознаніи, и въ глазахъ другихъ поддерживать престижъ своего высокаго званія.

* *
*

Въ казармѣ солдатъ находилъ совершенно непривычную обстановку въ видѣ многостепенной іерархіи и воинской дисциплины. Надъ рядовымъ стояли учитель, отдѣленный, взводный, фельдфебель (вахмистръ), ротный командиръ (эскадронный, батареинный); всѣ они обладали правами и обязанностями направлять его жизнь и службу. Только младшій офицеръ, по заведенному обычаю, стоялъ обыкновенно въ сторонѣ отъ управленія, занимаясь только обученіемъ. И совсѣмъ далеко отъ личной жизни солдата стоялъ полковой командиръ и высшее начальство, направлявшее жизнь не отдѣльныхъ людей, а войсковыхъ соединеній. Для ротнаго существовали хорошіе или плохіе солдаты, для полкового — хорошія или плохія роты.

Отношенія между начальниками и подчиненными не всегда и не вездѣ покоились на здоровыхъ основаніяхъ, и, прежде всего, отражали на себѣ общій характеръ и нравы эпохи. Какъ я упоминалъ уже въ 1-й книгѣ, до 60-хъ годовъ, т. е. до великихъ реформъ, тѣлесныя наказанія и ру-

*) На маневрахъ и на войнѣ за войсками гнали гурты скота.

коприкладство являлись основнымъ стержнемъ воспитанія войскъ. Физическое воздѣйствіе распространено было тогда широко въ народномъ быту, и въ школахъ, и въ семьяхъ. Съ 60-хъ годовъ и до первой революціи тѣлесное наказаніе было ограничено закономъ, допускаясь только въ отношеніи нижнихъ чиновъ, состоявшихъ по судебному постановленію «въ разрядѣ штрафованныхъ *).

Разъ въ жизни мнѣ пришлось присутствовать при такого рода экзекуціи — молодымъ офицеромъ, только что выпущеннымъ (1892 г.). Командиръ батареи наложилъ взысканіе — 10 розогъ — на провинившагося солдата, и мнѣ приказано было привести приказъ въ исполненіе. Выстроилась вся батарея покоемъ; посреди поставленъ былъ помостъ изъ двухъ тапчановъ, и кадка съ пучкомъ березовыхъ прутьевъ. Привели провинившагося. Фельдфебель скомандовалъ «Смирно!», и я срывавшимся отъ волненія голосомъ прочелъ приказъ по батарее. Послѣ этого трубачъ сыгралъ сигналъ, солдата положили на помостъ, подняли рубаху, и два бомбардира начали пороть его, мѣняя съ каждымъ ударомъ лозу...

Я испытывалъ удручающее чувство. И не только отъ всего унижительнаго обряда, но оттого еще, что на лицѣ высѣченнаго... не замѣтилъ особаго смущенія и стыда... Обобщать, однако, это явленіе отнюдь нельзя: бывало много случаевъ, когда солдаты, приговоренные къ тѣлесному наказанію, совершали тягчайшія уголовныя преступленія, чтобы подвергнуться болѣе высокой мѣрѣ наказанія и избавиться отъ порки...

Что касается рукоприкладства, въ указанный періодъ оно сохранялось полузаконно, какъ обычай, рѣдко преслѣдуемое до 90-хъ годовъ, развѣ только въ случаѣ явнаго членовредительства. Съ 90-хъ годовъ, по почину Кіевского округа, началось движеніе противъ этого явленія и

*) Въ англійской арміи тѣлесныя наказанія были отмѣнены только въ 1880 г., а въ англ. флотѣ — въ 06 г.

гонение на «дерущихся». В Киевском округѣ (ген. Драгомировѣ) требовалось даже о каждомъ случаѣ рукоприкладства доносить по командѣ, до штаба округа включительно, какъ «о происшествіи»; распоряженіе это было отмѣнено только за три года передъ великой войной.

Съ тѣхъ поръ кулачная расправа стала выводиться, въ особенности послѣ 1904 года, когда и тѣлесныя наказанія въ войскахъ были окончательно отмѣнены — одновременно съ отмѣною порки по приговорамъ волостныхъ судовъ. Кулачная расправа стала изнанкой казарменнаго быта — скрываемой, осуждаемой и преслѣдуемой.

Только въ такомъ широкомъ обобщеніи можно освѣщать этотъ большой вопросъ, не рискуя впасть въ ошибку и преувеличеніе. Ибо въ жизни отдѣльныхъ частей въ этомъ отношеніи царило большое разнообразіе: въ бытовомъ укладѣ ихъ, въ законности и гуманности режима сдвигались и раздвигались грани времени.

Чрезвычайно разнообразна и галерея типовъ «дерущихся», съ которыми мнѣ приходилось сталкиваться за первую четверть вѣка службы. Бившіе «по принципу» или только въ раздраженіи... За важный проступокъ или походя... Въ нормальномъ состояніи или только въ нетрезвомъ видѣ... Мрачные садисты, ненавидимые подчиненными, или люди типа «душа на распашку», которыхъ, не взирая на кулачную расправу, нерѣдко любили солдаты...

Въ 1902 году въ «Биржевыхъ вѣдомостяхъ» было напечатано письмо отставнаго донского войскового старшины Б., «участника трехъ кампаній». «Всѣ долгіе годы службы — писалъ старшина — я билъ, давалъ пощечины и оплеухи направо и налево, не разбирая ни праваго, ни виноватаго. Горько и до слезъ обидно становится и за себя, и за тѣхъ несчастныхъ, которыхъ я такъ часто незаслуженно оскорблялъ»... Это запоздалое покаяніе, вынесенное на столбцы газеты и отзывавшееся болѣе демагогіей, чѣмъ искренностью, было въ свое время использовано широко против-

никами арміи, какъ свидѣтельство объ общей язвѣ казарменнаго быта.

А вотъ другого рода типъ. Въ 1910 году, слѣдовательно въ періодъ наибольшей эмансипаціи солдата, въ Саратовскомъ гарнизонѣ была отличная рота, которой командовалъ признанный выдающимся командиръ. На одномъ изъ инспекторскихъ смотровъ солдатъ этой роты заявилъ жалобу, что ротный «отстегалъ его плетью». Произведенное дознаніе обнаружило весьма своеобразные порядки... Ротный, «во избѣжаніе большого расхода людей», а также «жалѣя солдатъ», — тѣмъ изъ нихъ, которымъ за проступки и преступленія грозилъ длительный арестъ или военная тюрьма, предлагалъ замѣну опредѣленнымъ числомъ ударовъ плетью. «Сдѣлка» состоялась обыкновенно въ присутствіи фельдфебеля, а наказаніе приводилъ въ исполненіе самъ ротный... Солдатъ, о которомъ идетъ рѣчь, какъ оказалось, согласился на замѣну, а потомъ пожаловался...

Кромѣ понесеннаго ротнымъ командиромъ наказанія, эпизодъ этотъ сильно отразился на всей его служебной карьерѣ. Но что замѣчательно — когда рота узнала объ этомъ, пожаловавшемуся житя не стало въ казармѣ отъ своихъ товарищей, пришлось перевести его въ другую часть.

* * *

*

Когда въ числѣ причинъ, приведшихъ къ столь быстрому распаду русской арміи, преимущественное вниманіе отводятъ дурному обращенію съ солдатами, то къ выводу этому надо подходить съ большою осторожностью. Я приводилъ уже въ первомъ томѣ нѣкоторыя данныя о положеніи этого вопроса въ арміяхъ нашихъ бывшихъ противниковъ. Если голосъ общества и печати въ Германіи и Австріи, свидѣтельствовавшей съ негодованіемъ о жестокомъ и унижительномъ режимѣ казармы, можно было заподозривать въ нѣкоторомъ преувелеченіи, то статистика не оши-

балась. Ежегодныя данныя о числѣ осужденныхъ за жестокое обращеніе съ солдатами, о бѣгствѣ изъ рядовъ арміи, о числѣ самоубійствъ — свидѣтельствовали наглядно, что въ германской и въ особенности въ австрійской арміяхъ режимъ много тяжелѣе, чѣмъ въ другихъ, и что русская армія быстрѣе изживаетъ общій историческій недугъ.

Наша артиллерія, гдѣ отношенія между офицеромъ и солдатомъ всегда бывали гуманнѣе, чѣмъ въ другихъ родахъ оружія, въ смутные годы долѣе пѣхоты сохранила относительную дисциплину и сносныя взаимоотношенія. Это казалось естественнымъ... Но, вѣдь, то же самое произошло въ кавалеріи, гдѣ въ мирное время взаимоотношенія не были другими, чѣмъ въ пѣхотѣ, а рукоприкладство практиковалось едва ли не чаще... Очевидно, темпъ, которымъ шло разложеніе, зависѣлъ въ меньшей мѣрѣ отъ недуговъ казарменнаго быта, нежели отъ другихъ причинъ: отъ того, что кадровый составъ пѣхоты растворялся при мобилизаціи несравненно болѣе, чѣмъ въ другихъ родахъ оружія, что пѣхота несла въ 6—10 разъ большія потери, и пѣхотные полки во время кампаніи обращались въ какіе-то проходные этапы, черезъ которые текла и переливалась человѣческая волна.

Во всякомъ случаѣ, ко времени великой войны рукоприкладство, гдѣ оно у насъ существовало, являлось только большимъ пережиткомъ изжитой системы и изживавшаго себя обычая.

Одной изъ причинъ медленности процесса эмансипаціи казармы являлось то обстоятельство, что, въ связи со степенью самосознанія массы, съ усложнившейся обстановкой службы, проникновениемъ въ казарму въ большомъ числѣ элемента неблагонадежнаго, многіе начальники, въ особенности не умѣвшіе сочетать методы воспитательныя съ карательными, поставлены были въ большое затрудненіе въ отношеніи точнаго соблюденія Дисциплинарнаго устава. Такое наказаніе, какъ «назначеніе не въ очередь на службу», теряло всякій смыслъ во многихъ частяхъ, гдѣ старослужащіе

и безъ того ходили въ наряды черезъ день. Арестъ для огромнаго большинства рядовыхъ не имѣлъ морально устрашающаго значенія, а для бездѣльниковъ являлся простымъ отдыхомъ. Послѣднее взысканіе было не примѣнимо на походѣ, а на бивакѣ замѣнялось «постановкой подъ ружье».

Въ послѣдніе годы все чаще раздавались голоса о необходимости измѣненій въ системѣ наказаній. Одни, на примѣръ, предлагали болѣе суровый режимъ для военно-исправительныхъ заведеній и исключеніе дней, проведенныхъ въ заключеніи, изъ общаго срока службы. Другіе шли много дальше, предлагая бездушную и роняющую достоинство воина австрійскую систему. Случилось такъ, что послѣдними словами послѣдней статьи, продиктованной за недѣлю до смерти большимъ печальникомъ о солдатской долѣ, М. И. Драгомировымъ, были: «Только что прочелъ («Русь») . . . о предложеніи какого-то господина прибавить у насъ къ военно-дисциплинарнымъ взысканіямъ и кандалы. Да неужели это правда? О, Господи! Ты видѣши! Нѣтъ, я этому не вѣрю, не могу повѣрить!»

Но, если русскій Дисциплинарный уставъ можетъ быть и требовалъ для мирнаго времени поправокъ, то въ военное время и онъ, какъ и Воинскій уставъ о наказаніяхъ, оказались совершенно безсильными. И не только по причинѣ непримѣнимости многихъ типовъ наказаній, а, главное, потому, что во время войны для элемента преступнаго, въ частности для «шкурниковъ», праволишенія не имѣютъ никакого устрашающаго значенія, а всякое наказаніе, сопряженное съ уходомъ изъ рядовъ, является только поощреніемъ. Въ сущности, кромѣ смертной казни, законъ не обладалъ никакими другими реальными способами репрессіи.

Русскіе военные — практики и юристы — не сумѣли разрѣшить способомъ, болѣе достойнымъ челоуѣка-воина и менѣе опаснымъ въ смыслѣ созданія неблагоприятнаго настроенія въ войскахъ, этого вопроса. И въ 1915 году въ

арміи было возстановлено наказаніе розгами властью начальника — отмѣненное полъ вѣка назадъ.

Но вотъ пришла революція и ниспровергла все: власть, законъ, судъ и дисциплину. Ниспровергла, чтобы черезъ малое время возстановить многое, относимое къ «грѣхамъ царскаго режима»...

Такъ, послѣ полной демократизаціи, послѣ завоеванія всѣхъ свободъ и даже верховной власти, Донской войско-вой кругъ, весьма демократическаго состава (въ большинствѣ — рядовое казачество), ввелъ въ свою армію въ 1919 году наказаніе розгами за цѣлый рядъ воинскихъ и общихъ преступленій...

Въ августѣ 1918 года въ Сѣверо-Кавказской красной арміи съѣздъ командировъ и представителей солдатскихъ совѣтовъ, подъ предсѣдательствомъ командовавшего фронтомъ Гайчинца, выработалъ дисциплинарный уставъ, которымъ предусматривались, въ числѣ прочихъ, и слѣдующія наказанія:

- «Сбюшимъ панику по глупости 10—20 ударовъ розги».
- «Самовольно оставляющимъ фронтъ То-же».
- «За грабежъ 50 ударовъ».
- «За умышленную стрѣльбу изъ винтовки 5 розогъ и 25 р. штр.».

Правда, мѣры эти не спасли Сѣверо-кавказскую армію отъ разложенія, но интересны, какъ парадоксы революціи и народнаго самосознанія.

* *

*

Въ казармѣ царила атмосфера грубости. На внѣшнихъ отношеніяхъ лежала печать всеобщей русской малокультурности, составлявшей свойство не однѣхъ народныхъ массъ, но часто и интеллигенціи. Конечно, дѣло было не въ обращеніи на «ты», а не «вы» — вопросъ по тому времени со-

всѣмъ несущественный. Ругня и въ частности матерщина — въ качествѣ угрозы и даже одобренія — составляли непрѣмѣнную принадлежность казарменнаго лексикона, какъ въ отношеніи высшихъ къ низшимъ (будь-то офицеръ или унтеръ-офицеръ), такъ и между равными *). Казарма приучала въ послѣдніе годы къ употребленію носового платка, но нисколько не смягчала нравовъ. А тутъ еще такія нервирующие обстоятельства, какъ непонятливость и неповоротливость обучаемыхъ, въ особенности, «нѣмыхъ» **), приводившія не разъ въ ярость и отчаяніе учителей... Или отвѣтственность — не только за общее состояніе части, команды, но и за провинности каждаго подчиненнаго, за его незнаніе, неряшливость или оплошность.

Такого рода отвѣтственность, практиковавшаяся по всѣмъ степенямъ военной іерархіи, носила зачастую формы несправедливыя и нецѣлесообразныя. Встрѣтить на улицѣ начальника дивизіи неряшливо одѣтаго солдата — въ отвѣтъ и полковой командиръ, и всегда — ротный. Обнаруженная въ сундукѣ нижняго чина прокламація — это уже настоящее бѣдствіе для всего ближайшаго начальства. Въ подчиненномъ, поэтому, привыкали видѣть человека, который каждую минуту можетъ «подвести», испортить репутацію части и командира...

Былъ долгій періодъ, когда за похищенную революціонерами винтовку или револьверъ — ротный (эскадронный) командиръ отчислялся отъ должности, а командиры полковъ не удостоивались повышенія. Это знали солдаты, и это вызывало иногда со стороны преступнаго элемента провокацію, изъ мести или озорства.

За день до увольненія въ запасъ солдатъ въ полку, которымъ я командовалъ, изъ помѣщенія одной роты пропалъ

*) Это не относится, конечно, ко взаимоотношеніямъ офицеровъ между собой.

**) Не говорящихъ по-русски. О нихъ будетъ сказано подробнѣе въ другомъ очеркѣ.

револьверъ. Значить — быть бѣдѣ... Собралъ я запасныхъ этой роты и сказалъ имъ:

— Жаль мнѣ васъ. Всѣ поѣдутъ домой, а васъ, изъ-за одного какого-то негодяя, придется задержать дня на два. Сами понимаете — пока судъ — да дѣло, дознание, обыски...

Настроившіеся къ отъѣзду запасные волновались. Послышались въ ротѣ рѣчи: «дознаемся — кто это сдѣлалъ, забьемъ». А фельдфебель увѣрялъ, что «дознаемся безпрѣмѣнно», такъ какъ вечеромъ онъ собирался къ гадалкѣ, которая въ кадкѣ съ заговоренной водой сумѣетъ опознать лицо вора... Что помогло — не знаю, но револьверъ въ тотъ же вечеръ былъ подброшенъ на видное мѣсто, и все окончилось благополучно.

Отвѣтственность — безъ вины — за отдѣльнаго подчиненнаго, какъ и любой изъянъ армейскаго быта, получила совсѣмъ уже анекдотическое отраженіе въ кривомъ зеркалѣ Казанскаго округа, когда имъ правилъ ген. Сандецкій. Однажды, въ караулѣ при дворцѣ командующаго случилось «происшествіе». Кто-то изъ караульныхъ нижнихъ чиновъ, не то заболѣвъ, не то изъ озорства, въ дворцовомъ палисадникѣ оставилъ «слѣдъ»... Вышедшій изъ себя отъ негодования, ген. Сандецкій вызвалъ по телефону командира того корпуса, изъ состава котораго былъ наряженъ караулъ, ген. С—са, и, указывая палкой на «слѣдъ», въ рѣзкой формѣ сдѣлалъ ему замѣчаніе по поводу невоспитанности чиновъ его корпуса... Ген. С—съ недолго послѣ этого оставался въ Казанскомъ округѣ, переведясь въ Кіевскій.

* * *

Внѣшняя грубость казарменнаго режима въ глазахъ стороннихъ наблюдателей заслоняла его положительныя черты, не всегда видныя со стороны и недостаточно оцѣненные — сердечность, едва ли существовавшую въ такой степени въ какой-либо изъ иностранныхъ армій, и заботли-

вость о солдатѣ. Въ длинной галлерей типовъ, встающихъ передъ моими глазами, наряду съ «мордобоями» и бездушными формалистами, чередуются, и не въ маломъ числѣ, настоящіе подвижники долга, отдававшіе безкорыстно свои силы службѣ, свое сердце, досугъ и даже иногда скудные сбереженія солдату; отстаивавшіе интересы и благополучіе своихъ подчиненныхъ, въ явный ущербъ своему спокойствію и служебному положенію, передъ формальнымъ закономъ и не въ мѣру требовательнымъ начальствомъ; и пробивавшіе кору черствости и недовѣрія, привлекая къ себѣ сердца подчиненныхъ. Какъ часто и трогательно проявлялось это отношеніе подчиненнаго къ начальнику въ годы войнъ, въ окопной жизни: къ живому — заботами объ его маленькихъ удобствахъ и сравнительной безопасности; къ убитому — въ искреннемъ горѣ объ его утратѣ...

А между этими двумя антиподами стояла масса военныхъ начальниковъ — и офицеровъ, и нижнихъ чиновъ — чрезвычайно разнообразная, какъ и всякая другая организація, по своимъ человѣческимъ и служебнымъ свойствамъ. И вносящая свѣтъ или тѣни въ жизнь солдатскую.

Въ послѣднее время передъ войною съ командныхъ высотъ все чаще раздавался призывъ къ офицерамъ:

— Станьте ближе къ солдату!

Призывъ — понятный. Но не всегда слѣдованіе ему зависѣло отъ доброй воли офицера. «Подойти» къ солдату — это было своего рода искусствомъ — врожденнымъ или благопріобрѣтеннымъ. Были люди, долго не могшіе постичь его. Вотъ, напримѣръ, поручикъ одинъ — исправный служака и хорошій по натурѣ человѣкъ — не умѣлъ разговаривать съ солдатами попросту, не по службѣ. Подъ вліяніемъ очередного приказа на тему «станьте ближе къ солдату» и упрековъ товарищей, онъ рѣшилъ попытаться... Вернувшись изъ собранія домой, долго теръ лобъ и, наконецъ, обратился къ денщику:

— А что, есть у васъ въ деревнѣ волки?

Солдатъ, не привыкшій ни къ какимъ «интимнымъ» обращеніямъ своего поручика, просіялъ:

— Никакъ нѣтъ, нѣту!

Поручикъ снова потеръ лобъ, нахмурился и, ничего больше не придумавъ, сердито бросилъ:

— Пшелъ къ чорту!

На этомъ и кончилась попытка сближенія.

Это офицеръ или застѣнчивый отъ природы, или принадлежащій къ типу «ни горячихъ, ни холодныхъ», про которыхъ такъ образно выразился фейерверкеръ въ живой сценѣ, зарисованной однимъ анонимнымъ авторомъ. Поручикъ прощаетъ, увѣжая въ академію...

— Какъ жаль, ваше благородіе, что вы увѣжаете...

— Съ какой стати вамъ жалѣть обо мнѣ, вѣдь я же васъ дулъ здорово.

— За проступки, ваше благородіе дули здорово — это правда. Зато, когда нужно было, и жалѣли здорово. А нынѣшніе господа офицеры въ нашей батарее и не дуютъ, и не жалѣютъ...

У меня въ полку былъ молодой подпоручикъ, славный во всѣхъ отношеніяхъ и очень трудолюбивый. При обученіи солдатъ онъ обращался съ ними, какъ съ юнкерами, и иногда, по юнкерской привычкѣ, у него срывалось:

— Стройтесь, господа!

Вотъ это «господа» — подвело его больше всего: не только ротный посмѣялся, но и сами солдаты. Подпоручика они любили, но за глаза подтрунивали надъ нимъ и, вообще, считали начальникомъ «не настоящимъ».

Были, наконецъ, офицеры — не обязательно изъ народа — которые серьезностью тона, доступностью обращенія и простыми, безъ подыгрыванья, словами умѣли съ первыхъ же шаговъ завладѣть довѣріемъ солдата, вызвать на откровенность и заставить его сквозь призму чиновочитанія и подчиненности видѣть въ начальникѣ «своего человѣка».

Не большія ли трудности испытывали въ 70-хъ годахъ и позже самоотверженные идеалисты-интеллигенты, уходившіе въ народъ, и, вмѣсто сердечнаго отклика, находившіе тамъ непониманіе, иногда ярую враждебность?

Я не говорю про тѣхъ, что будили въ народъ звѣря: ихъ работа была удачнѣе...

Интересно, какъ расцѣпывали эти взаимоотношенія «по ту сторону баррикады». Въ 1907 году въ газетѣ «Красное Знамя», издававшейся въ Парижѣ Амфитеатровымъ, появилась статья «Русское военное сословіе передъ лицомъ революціи». Въ ней — горькое признаніе, что революція провалилась изъ-за стойкости офицерскаго корпуса и его вліянія на солдатъ. Въ революцію шли только самые плохіе офицеры... Между тѣмъ, штатскіе не могли добиться такого повиновенія, которое присуще «настоящей офицерской командѣ»... Посылавшіеся въ войсковыя части революціонеры, переодѣтые въ офицерскую форму, немедленно разоблачались и теряли авторитетъ... Поэтому — говорилъ авторъ — надо готовить революціонную молодежь за границей — въ европейскихъ военныхъ школахъ, въ иностранныхъ полкахъ... «Надо разрушить военное жречество и выучиться быть военными самимъ»...

Но и такое красное офицерство, вспоенное революціей, было а priori заподозрѣно революціоннымъ органомъ въ возможности уклона въ сторону «кромвеллизма, бонапартизма, демократическаго цезаризма», потому что и оно, немедленно послѣ побѣды, обрекалось на сломъ: «первое, что должна будетъ сдѣлать побѣдоносная социалистическая республиканская революція, это — опираясь на крестьянскую и рабочую массу — объявить и сдѣлать военное сословіе упраздненнымъ»...

Первую половину начертанной здѣсь программы большевики выполнили — старое «жречество» почти разрушено. Но къ осуществленію второй не приступаютъ.

* * *

Военно-служащие на незаконные действия начальника имели право приносить жалобы — устно на инспекторских опросах, а вне их, и на высших начальников, — письменно. Но правом этим пользовались чрезвычайно редко. Потому ли, что крупные в восприятии солдатском правонарушения встречались не так уже часто, потому ли, что наш солдат до 1917-го года отличался покорностью и терпением, а продолжать службу под начальством того, на кого жаловался, казалось опасным... Впрочем, в случаях особо важных жалобщика, во избежание преследования, переводили в другую часть.

Присутствуя на инспекторских опросах за время своей службы в разных ролях — и опрашиваемого, и опрашивающего — навёрно больше сотни раз, я помню только единичные случаи принесения солдатами жалоб; касались они обыкновенно неправильного приёма на службу, дурного обращения и денежных расчетов. Как редкое исключение, при возникновении дела уголовного характера, случались массовые заявления; речь об них впереди. Во всяком случае, заявление жалобы считалось в жизни части событием и, конечно, неприятным.

Можно себя, поэтому, представить, какую сенсацию в военном мире вызвал эпизод, имевший место в Москве в 1912 году: на Высочайшем смотре, на Ходынском полку рядовой Софийского полка Бакурин самовольно выбжал из строя для подачи жалобы Государю...

Собственно говоря, центр тяжести этого дела заключался не в факт незаконной подачи Бакуриным жалобы и не в самой сущности ее, а в необычном нарушении «святости строя», да еще в присутствии Государя. Строй является в глазах людей военных местом исключительной важности — наивысшим символом отрешения от личной воли и повиновения единой направляющей воле и командье начальника. Преступления, совершенные во время нахождения в строю, и в сознании военных, и в закон расценивались иначе, чем в обстановке обык-

новенной. Въ нихъ видѣли не простое проявленіе злой воли, а скрытые элементы бунта, посягательство на самую идею дисциплины — души арміи — опасное психологическимъ воздѣйствіемъ на сосѣдей, грозящее обратить воинскую часть въ толпу. Уваженіе къ строю внѣдрялось, поэтому, во всѣхъ арміяхъ всѣхъ народовъ. Оно противъ воли захватывало и элементы чуждые, враждебные — не духовными побужденіями, конечно, а «автоматизмомъ мыслей, словъ и дѣйствій». Такъ именно объясняла революціонная печать показательный случай во время подавленія войсками народныхъ беспорядковъ въ дни первой русской революціи*). Команда, состоящая изъ «совершенно сознательныхъ солдатъ», стрѣляла въ бунтовщиковъ и потомъ оправдывалась передъ своими подпольными руководителями: «Сами себя не понимаемъ. Каждый самъ по себѣ — думаемъ и хотимъ хорошо. А въ строю — словно воли рѣшаешься — одурь находить... Крикнетъ тебѣ офицеръ команду — глядь, самъ не замѣтилъ, какъ уже выпалилъ»...

Случай съ Бакуринымъ взволновалъ армію. Въ приказѣ по военному вѣдомству объявлены были кары: «Е. И. В., во избѣжаніе повторенія подобныхъ прискорбныхъ случаевъ, Высочайше повелѣлъ: сдѣлать замѣчаніе командующему войсками Московскаго военного округа, поставить на видъ командиру 13 арм. корпуса, объявить выговоръ начальнику 1 пѣх. дивизіи, строгій выговоръ командиру полка; командира 1 батальона отрѣшить отъ командования, а ротнаго и взводнаго командировъ уволить отъ службы». Рядовой Бакуринъ «за выходъ изъ строя съ винтовкой для подачи прошенія Государю Императору» преданъ былъ военно-окружному суду по законамъ военного времени, по статьѣ 106 Воинскаго Устава о наказаніяхъ**)...

*) «Красное знамя».

**) Ст. 106 гласила: «За сопротивленіе исполненію приказаній или распоряженій начальника, однако, безъ употребленія оружія, виновный подвергается: въ военное время — лишенію всѣхъ правъ

Военный писатель, ген. Скугаревскій, анализируя этот случай, выискалъ въ исторіи аналогичный примѣръ: въ царствованіе императора Николая I, во время развода вышелъ изъ строя барабанщикъ и, подойдя къ Государю, сказалъ: — Ваше Величество, жить невозможно — забиваютъ!

Барабанщика предали военному суду, который приговорилъ его къ нѣсколькимъ тысячамъ ударовъ шпицрутенами... Времена и нравы мѣняются: царственный правнукъ Николая I-го, осудивъ само преступленіе, простилъ затѣмъ и Бакурина, и его начальниковъ.

Во время японской войны, помню, на почвѣ хозяйственныхъ злоупотребленій былъ случай массового заявленія жалобъ казаками Донской дивизіи — случай рѣдкій, ибо казаки привыкли разбирать свои внутреннія недоразумѣнія между собой, «не вынося сора изъ избы»... Мнѣ лично пришлось быть свидѣтелемъ подобнаго же эпизода въ одномъ изъ уральскихъ казачьихъ полковъ при обстановкѣ совершенно исключительной.

Нужно сказать, что казачій бытъ отличался вообще отъ армейскаго нѣкоторыми особенностями, а Уральцевъ — тѣмъ болѣе. У послѣднихъ нѣтъ вовсе сословныхъ подразделеній; изъ одной семьи выходилъ одинъ сынъ офицеромъ, другой — простымъ казакомъ — это дѣло случая. Бывало, младшій братъ — командуетъ сотней, а старшій — у него вѣстовымъ. Родственная и бытовая близость между офицеромъ и казакомъ составляли особенно характерную черту уральскихъ полковъ.

Кончалась японская война. Шли слухи о перемиріи. Нашъ Западный конный отрядъ переименовали въ корпусъ, командиромъ котораго былъ назначенъ начальникъ отряда, ген. Мищенко. Его дивизию — Урало-Забайкальскую — получилъ ген. Берновъ. Пріѣхалъ и приступилъ къ пріему дивизіи; я сопровождалъ его въ качествѣ начальника штаба.

состоянія и смертной казни, или ссылкѣ въ каторжные работы безъ срока или на время отъ 12 до 20 лѣтъ».

Осмотрѣли Забайкальцевъ — все благополучно. Прибыли мы въ Н уральскій полкъ. Построился полкъ, какъ водится, для опроса жалобъ — отдѣльно офицеры и казаки. Офицеры жалобъ не заявили. Обратился начальникъ дивизіи къ строю казаковъ съ обычнымъ вопросомъ:

— Нѣтъ ли, станичники, жалобъ и претензій?

Вмѣсто обычного отвѣта — «никакъ нѣтъ, Ваше пр—ство!» — гробовое молчаніе... Генераль опѣшилъ отъ неожиданности. Повторилъ вопросъ другой и третій разъ... Хмуря лица, молчаніе. Отвелъ меня въ сторону, спрашиваетъ:

— Что это, бунтъ?

Я также въ полномъ недоумѣніи: прекраснѣйшій боевой полкъ, исполнительный, дисциплинированный...

— Попробуйте, ваше пр—ство, начать опросъ поодиночкѣ, съ праваго фланга.

Генераль подошелъ къ правофланговому:

— Нѣтъ ли у тебя жалобы?

— Такъ точно, ваше пр—ство.

И началъ — безъ запины, скороговоркой, словно выучилъ на зубокъ, безконечный рядъ датъ и цифръ...

— Съ 30-го декабря прошлаго года и по февраль пятый сотня была въ отдѣлѣ, на летучихъ постахъ и довольствія я не получалъ отъ сотеннаго шесть день... 18-го февраля подъ Мукденомъ нашъ взводъ спысала для связи со штабомъ арміи — кормились съ лошадыю на собственные...

И пошелъ, и пошелъ.

Другой, третій, десятый — то же самое. Я попробовалъ, было, вначалѣ записывать претензій, но вскорѣ бросилъ — пришлось бы писать до утра. Ген. Берновъ, выслушавъ добросовѣстно десятокъ казаковъ, прекратилъ опросъ и отошелъ въ сторону:

— Первый разъ въ жизни такой случай. Самъ чортъ ихъ не разберетъ. Надо кончить.

И обратился къ строю:

— Я вижу у васъ тутъ безпорядокъ или недоразумѣніе. Отъ такого доблестнаго полка не ожидалъ. Сегодня смотрѣть полкъ не буду — приду черезъ три дня. Чтобъ все было въ порядкѣ.

Берновъ доложилъ о случившемся Мищенкѣ, тотъ вызвалъ командовавшаго полкомъ — командиръ былъ въ отсутствіи — и побесѣдовалъ съ нимъ такъ энергично, что стѣны китайской фанзы пришли въ содроганіе...

Въ теченіе послѣдовавшихъ двухъ дней въ районѣ полка замѣтно было большое оживленіе. На выгонѣ, возлѣ деревни, гдѣ располагался полкъ, съ кургана, прилегавшаго къ штабу дивизіи, можно было видѣть отдѣльныя группы людей, собиравшихся въ кругъ и ожесточенно жестикулировавшихъ. Я поинтересовался, что тамъ происходитъ; пріятель — уралецъ конвойной сотни объяснилъ:

— Сотни судятся съ сотенными командирами. Это у насъ въ обычаѣ — послѣ похода. А тутъ раньше времени смотрѣ все перепуталъ. Казаки не хотѣли заявлять на смотру, да побоялись — какъ бы не лишиться изъ-за этого права на недоданное...

Къ вечеру передъ смотромъ я спросилъ уральца опять:

— Ну какъ?

— Кончили. Завтра сами услышите. Въ однѣхъ сотняхъ — ничего, скоро поладили; въ другихъ — горячее было дѣло. Особенно командиру N-й сотни досталось. Онъ и шапку о земь кидаль, и на колѣни становился. «Помилосердствуйте — говоритъ — много требуете, жену съ дѣтьми по міру пустите». А сотня стоитъ на своемъ: «знаемъ, грамотные, не проведешь.» Подъ конецъ согласились. «Ладно — говоритъ сотенный — жрите мою кровь, такъ васъ и этакъ...»

На другой день, когда начальникъ дивизіи вторично опрашивалъ претензіи въ полку, всѣ казаки, какъ одинъ, громко и весело отвѣтили:

— Никакъ нѣтъ, ваше пр—ство!

А еще черезъ день посланы были въ полкъ чиновники контроля для повѣрки полкового хозяйства.

II.

Мѣсяцы октябрь — ноябрь. Почти не было такого города, гдѣ бы не стояла воинская часть, въ которую прибываютъ новобранцы. Съ вокзаловъ или отъ заставъ, въ предшествіи оркестра военной музыки и въ сопровожденіи бравыхъ старослуживыхъ, плетутся нагруженные котомками, узлами вереницы молодыхъ парней, имѣющихъ весьма унылый видъ.

Военная служба, какою была въ николаевское время, когда солдатъ оставался на ней 25 лѣтъ и уходилъ «въ безсрочный отпускъ» бездомнымъ, деклассированнымъ или просто калѣвкой, такую и осталась въ глазахъ народа — послѣ реформы и сокращенія сроковъ до 3-4 лѣтъ — только тяжелой повинностью. Само слово «повинность» (не долгъ, не обязанность...) вызываетъ всегда представленіе о чемъ то тягостномъ, неприятномъ, выбивающемъ жизнь изъ колеи — будь-то дорожная, подводная или, въ большевицкія времена, «трудовая» повинность. Отъ того стараго времени, когда оплакивали рекрута, какъ покойника, а онъ куражился и пилъ мертвую недѣлями, проклиная свою горькую судьбину, и до послѣднихъ дней остался обычай гулянья-прощанья, конечно — съ сокращеніемъ масштаба слезъ и водки.

«Еще есть ли, братцы, ребяташки, такова мать —

Отдала сына въ солдаты, да не заплакала...»

— говоритъ старая рекрутская пѣсня. А буйство новобранцевъ въ дни призыва, иногда съ разбитіемъ закрывавшихся въ ту пору казенныхъ винныхъ лавокъ, отмѣчалось въ отчетахъ повсемѣстно и ежегодно.

Какъ въ старыя времена въ понятіе «повинность» не

вкладывалось представление о долге, а въ отбываніи ея народъ не видѣлъ «почетнаго служенія», такъ и въ послѣдніе годы. И рѣдко въ сознание молодого солдата проникала затверженная со словъ «дядьки» военная сентенція:

— Солдаты есть имя общее, знаменитое...

Рѣдко онъ раздѣлялъ мнѣніе своего учителя о преимуществахъ своего новаго положенія:

— Былъ ты въ деревнѣ дуракъ-дуракомъ. А теперь образованіе получишь, можешь и до унтера дослужиться...

Прохожденіемъ черезъ законодательныя учрежденія цифры ежегоднаго контингента новобранцевъ и разверсткой ея по губерніямъ и областямъ начиналась сложная и длительная процедура комплектованія русской вооруженной силы. Въ послѣдніе годы передъ войной страна выставляла около 1% всего населенія, держа подъ ружьемъ 1.350 тыс. и требуя ежегодно 450 тыс. пополненія.

Отъ начала и до конца шли отсѣиваніе и отборъ. Болѣе 8% населенія было освобождено отъ военной службы вообще; затѣмъ Уставъ о воинской повинности давалъ чрезвычайно широкія льготы лицамъ призывнаго возраста — по семейному положенію и по ряду профессій — такія льготы, какихъ не знали уставы ни одной изъ первоклассныхъ европейскихъ армій*). Повышенныя требованія физической годности и хилость городского, главнымъ образомъ, населенія отбрасывали около трети призывныхъ (29—32%), забранованныхъ по болѣзнямъ, неспособности и невозможности. Эта категория увеличивалась еще на 6-7% тѣми новобранцами, которыхъ армія возвращала въ «первобытное состояніе» по болѣзни и непригодности.

Въ результатъ изъ числа лицъ призывнаго возраста, по Уставу 74 года, брали на службу въ первый годъ его дѣйствія 21%, а послѣдніе — 34-36%.

*) Новый Уставъ, введенный въ 12 году, нѣсколько сократилъ льготы и упорядочилъ призывъ; но по краткости времени вліянія оказалъ мало.

Въ дальнѣйшемъ шло распредѣленіе по родамъ оружія. Лучшіе во всѣхъ отношеніяхъ новобранцы посылались въ гвардію; болѣе грамотные и знающіе мастерства — въ «спеціальныя» войска; «крѣпкіе, мускулистые и не-коротко-ногіе» шли въ кавалерію. А что засимъ оставалось, поступало на укомплектованіе «царицы современныхъ полей сраженія» — пѣхоты...

* * *

*

По прибытіи въ гарнизонъ новобранцы направлялись прямо въ полкъ, или подвергались предварительно многостепенной разбивкѣ. Командиры, фельдфебеля, пріемщики чрезвычайно ревниво слѣдятъ за равномерностью разбивки. Распредѣляютъ отдѣльно неграмотныхъ, малограмотныхъ, грамотныхъ, знающихъ мастерство, и, наконецъ, «нѣмыхъ», т. е. не говорящихъ по русски — этотъ бичъ ротъ, эскадроновъ, батарей! Во всѣхъ категоріяхъ распредѣляютъ по ранжиру.

Массовая безграмотность призывныхъ до крайности затрудняла положеніе арміи, заставляя командный составъ ея тратить много силъ и времени на ту работу, которую у сосѣдей производилъ школьный учитель. Въ то время, какъ въ Германіи въ годы, предшествовавшіе великой войнѣ, поступало неграмотныхъ новобранцевъ менѣе одного %, во Франціи — 2-3% — у насъ ихъ было около 45%; причемъ прогрессъ выражался такими цифрами: въ 1865 году призывъ далъ 95% неграмотныхъ, а черезъ сорокъ лѣтъ, къ 1905-му — 59%... Почти поголовно грамотныхъ призывныхъ давалъ Прибалтійскій край, за нимъ шли Ярославская и столичныя губерніи, въ хвостѣ плелись польскія и мало-россійскія, и совершенно ничтожный % грамотныхъ поступалъ изъ Уфимской.

Естественно, что при такихъ условіяхъ каждый грамотный новобранецъ былъ на счету, въ особенности въ пѣхотѣ.

Точно также желанными были знающіе мастерство.

Штабы заинтересованы были въ типографахъ, литографахъ, музыкантахъ; батареи, обросшія такимъ же многостороннимъ хозяйствомъ, какъ и любой полкъ, — въ кузнецахъ, слесаряхъ, столярахъ; всѣ мелкія части — въ сапожникахъ и портныхъ — хотя и знали, что мало-мальски искуснаго мастерового, послѣ 6-ти (4-хъ) мѣсячнаго обязательнаго строевого обученія, отберутъ непременно въ высшую инстанцію...

На этой почвѣ съ первыхъ же шаговъ опытные приѣмщики-солдаты состязались въ ловкости и хитрости — въ интересахъ своей части. То окажется маленькій подлогъ въ ранжирѣ, то новобранецъ, очевидно подговоренный, откажется отъ своей специальности, или вдругъ заявить просьбу о назначеніи въ опредѣленную часть, гдѣ, будто бы, служить его родственникъ... Потомъ уже, къ концу строевого обученія идетъ борьба между полковыми и высшими штабами изъ-за писарей, литографовъ и, главнымъ образомъ, поваровъ. Снизу — всяческое укрывательство сверху — настойчивое давленіе. Трудно сохранить хорошаго писаря для полковой канцеляріи или повара для офицерскаго собранія. Съ какимъ, поэтому, злорадствомъ пошлетъ, бывало, полкъ въ высшую инстанцію потребованнаго туда «писаря», оказавшагося полуграмотнымъ, или «повара», который на самомъ дѣлѣ былъ только «вторымъ супникомъ» въ третье-разрядномъ трактирѣ. А настоящаго повара «отъ Тѣстова» пошлютъ «по собственному его желанію» въ учебную команду, откуда уже ничья сильная рука не можетъ извлечь его на роль прислуги.

Впрочемъ, такого рода пассивное сопротивленіе оказывали только части, или вѣрнѣе командиры «строптивые». Не многимъ была охота — ссориться съ начальствомъ...

Гораздо менѣе или даже вовсе не интересовались въ частяхъ специалистами по другимъ отраслямъ, стоявшимъ внѣ узко-хозяйственныхъ ихъ интересовъ. Эти лица не подвергались и по Уставу особому учету, а съ мобилизаціей призывались въ общей массѣ запасныхъ. И когда въ пер-

вый же годъ великой войны обнаружилось разстройство цѣлаго ряда военныхъ производствъ — металлургическихъ, химическихъ, аэропланнхъ и т. д., и въ дѣйствующую армію посыпались телеграммы о возвращеніи квалифицированныхъ работниковъ, во многихъ случаяхъ было уже поздно. Съ фронта получался стереотипный отвѣтъ:

«Убить въ бою такомъ-то».

* * *

*

Молодой солдатъ, входя въ казарму, испытывалъ обыкновенно смущеніе и подавленность. Все — обстановка, отношенія, размѣренный укладъ жизни, многостепенное начальство, цѣлый рядъ запретовъ при неясности граней дозволеннаго и недозволеннаго, иногда насмѣшки и сердитые окрики — все было ново, непривычно, выбивало изъ колеи. Тоска по дому, по родинѣ — въ узкомъ смыслѣ этого слова — усугубляла моральную подавленность, замыкала уста деревенскимъ весельчакамъ и накладывала по началу печать тупости на людей смѣтливыхъ и не глупыхъ. Къ тому же ранніе браки — около 30% новобранцевъ приходили женатыми *) — и сложное зачастую положеніе солдатскихъ женъ въ деревенскомъ быту порождали много незамѣтныхъ человѣческихъ драмъ.

Побороть замкнутость молодого солдата, вызвать его на откровенность стоило большихъ усилій не только офицеру — «барину», но и своему брату — «дядькѣ» (учителю), человѣку близкому по быту и психологій, всего годъ тому назадъ, быть можетъ, пережившему тожественныя настроенія. Да и какой еще дядька попадетсѣ... Хорошо, если человѣкъ добродушный, порядочный и не педантъ. Бывали, вѣдь, и «дергуны», ругатели, вымогатели. Подговорить мо-

*) Меньше всего женатыхъ давала Финляндія и Закавказье; больше всего Кубанская область (каз.).

лодого взять отданныя на храненіе собственныя деньги или научить написать слезное письмо «дражающимъ» родителямъ о присылкѣ денегъ, по причинѣ большой бѣды: «сломана прицѣльная линія» или «сбита мушка»... Потомъ «займетъ» или заставить пропить вмѣстѣ. Отказать трудно, ибо дядька имѣетъ тысячу возможностей, не нарушая даже формальнаго устава, отравить жизнь молодому.

Но при всѣхъ недостаткахъ своихъ колоритная фигура русскаго учителя-дядьки, увѣковѣченная военной литературой, солдатскимъ эпосомъ и народнымъ юморомъ, чужда была одного большого грѣха: въ нашей казармѣ не было и въ поминѣ того безсердечнаго издѣвательства, изводки надъ новобранцами, которыя практиковались систематически въ другихъ арміяхъ, въ особенности въ германской и австрійской. Задолго до откровеній Ремарка мы знали истинную картину тяжелаго и мрачнаго быта германской казармы — ясную даже изъ приказной литературы. Но и о французской казармѣ, не смотря на глубокую разницу въ характерѣ этихъ двухъ народовъ, приходилось читать: «Вылить ведро холодной воды на новобранца, подбросить его на растянутомъ одѣялѣ къ потолку, откуда онъ падаетъ затѣмъ на полъ, устроить ему провалъ въ кровати — вотъ традиціонныя приемы изводки... иногда съ пораненіемъ и калѣченіемъ».

Щемящая тоска написана на лицахъ молодыхъ, виситъ въ воздухѣ, въ особенности въ вечерніе часы досуга, поздней осенью или зимою, въ тускло освѣщенной казармѣ... Допускаются посѣтители, но кто придетъ? Свои далеко, за сотни, тысячи верстъ. Солдатская памятка наставляетъ: «Скучно станетъ — ступай поговори съ землякомъ...» А земляковъ «ранжиръ» разбросалъ по разнымъ полкамъ и ротамъ... «Не поможетъ — напиши письмо домой» — поучаетъ далѣе памятка... Эти солдатскія посланія — полуграмотныя по формѣ, вымученныя, съ натугой и потомъ составленныя — отъ непривычки излагать въ письменной формѣ свои мысли!.. Съ безконечнымъ поминаніемъ всей

родни — «и еще кланяюсь тетюшкѣ нашей Пелагеѣ Сидоровнѣ»... Со штампованными, точно подсказанными мыслями, сквозь которыя рѣдко прорвется подлинное внутреннее движеніе души человѣческой...

Солдатскія письма въ большинствѣ производили такое впечатлѣніе, будто писались они не отъ душевной потребности, а по обычаю или повинности.

Впрочемъ, и въ этой области ко времени великой войны сказался не только повышенный возрастъ мобилизованной арміи, но и ростъ сознанія въ народѣ. Отчеты военной цензуры о солдатскихъ настроеніяхъ, приводившіяся выдержки изъ писемъ съ войны — даже полуграмотныхъ, грубыхъ, лапидарныхъ по формѣ — заключали въ себѣ сплошь и рядомъ признаки большой наблюдательности и психологическаго анализа совершающихся событій; а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и неясные признаки надвигающагося — тревожнаго и темнаго...

Въ первыя критическія недѣли службы молодыхъ солдатъ бывали случаи самораненія, съ цѣлью избавиться отъ службы. Всегда наивно и нелѣпо, и всегда одинаково: работая ножомъ или топоромъ, будто нечаянно, отрѣжетъ себѣ одинъ или два пальца правой руки. Въ результатѣ неизбѣжно — военная тюрьма или дисциплинарный батальонъ и глупо испорченная жизнь. Тѣмъ не менѣе, случаи самораненія повторялись изъ года въ годъ.

Много души вкладывалось офицерами и нижними чинами — учителями молодыхъ солдатъ, чтобы побороть ихъ отчужденность и приобщить ихъ къ военному укладу.

* * *

*

Въ такомъ настроеніи, въ большинствѣ темные, безграмотные, съ весьма ограниченнымъ кругомъ не только понятій, но и словъ, приступали молодые солдаты къ обученію.

Главный тормазъ — безграмотность.

Послѣ головокружительныхъ побѣдъ пруссаковъ надъ французами, одержанныхъ, какъ принято было повторять, нѣмецкимъ «школьнымъ учителемъ», и у насъ началось стремленіе къ просвѣщенію солдата. Но держалось оно не долго. Въ 80 году вышло «Положеніе», которое ограничивало обученіе грамотѣ только годичнымъ срокомъ (2-й годъ службы), причѣмъ обязательнымъ оно было лишь для небольшого числа солдатъ, зачисляемыхъ въ ротную школу (12 на роту); въ отношеніи остальныхъ допускалось «въ свободное отъ службы время»...

Такое направленіе продержалось цѣлыхъ 22 года. Наилучшей его характеристикой можетъ служить офиціальныи годовой обзоръ (за 92 годъ), который, осуждая начальниковъ и части, стремившіяся ко всеобщему обученію, указывала:

«Едва ли можно согласиться съ тѣмъ, что обученіе грамотности въ войскахъ должно занимать столь важное мѣсто, что даже въ курсъ военно-учебныхъ заведеній требуется ввести преподаваніе способовъ обученія грамотѣ. На войска не можетъ быть возложена обязанность служить проводниками грамотности въ народную массу; средствъ и времени слишкомъ мало».

Но время шло, все труднѣе становилось приводить часть на уровень современныхъ требованій военного дѣла, все настойчивѣе раздавались голоса снизу — людей практики. И въ 1902 году система была рѣзко измѣнена: ротныя и батарейныя школы были отмѣнены, и въ пѣхотѣ и полевой артиллеріи введено всеобщее обученіе грамотѣ съ перваго года службы. Въ кавалеріи и конной артиллеріи, подъ предлогомъ перегрузки работой, оно осталось не обязательнымъ.

Какъ на главный мотивъ при принятіи этой мѣры, офиціальное сообщеніе указывало на крайнюю трудность, при современныхъ краткихъ срокахъ службы, подготовки унтеръ-офицерскаго состава. Ибо унтеръ-офицеры изъ го-

родскихъ и фабричныхъ районовъ развиты, грамотны, но ненадежны; а изъ землешцевъ — «являются всегда элементомъ очень надежнымъ и желательнымъ, но неграмотны». . . Такой классовый отборъ и производился фактически: русский унтеръ-офицерскій корпусъ былъ почти сплошь крестьянскій.

Въ очень многихъ частяхъ дѣло обученія грамотѣ поставлено было въ послѣдніе годы правильно и прогрессивно. Части интересовались системами обученія; много поработали въ войскахъ извѣстные педагоги — Столянскій, начальныя книжки котораго распространялись въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ, и Троицкій-Сенютовичъ, съ его звуковой системой обученія; работала мысль и непосредственныхъ руководителей солдата, изобрѣтавшихъ оригинальные и остроумные приемы внѣдренія грамотности. Не обходилось, конечно, и безъ курьезовъ, въ родѣ того, какъ одинъ начальникъ дивизіи, «считая необходимымъ грамотность начинать съ обученія людей раздѣлять слова на слоги», приказалъ: «чтобы на всѣ вопросы и обращенія начальства нижніе чины отвѣчали по слогамъ, отчеканивая ихъ по раздѣленіямъ, какъ ружейные приемы». Какъ ни была дисциплинирована дивизія, но въ этомъ случаѣ оказалась пассивное сопротивленіе — «лаять» не стала.

Какъ бы то ни было, казарма въ послѣднее время, кромѣ своего спеціального назначенія, выполняла и общекультурную миссію: ежегодно она выпускала до 200 тыс. запасныхъ, научившихся въ ней грамотѣ.

Всѣ, кто имѣлъ дѣло съ первоначальнымъ обученіемъ солдатъ, знаютъ, сколько мукъ и пота вызывала пресловутая «словесность», заключающаяся въ изложеніи молитвъ, служебнаго распорядка, правъ и обязанностей военнослужащихъ, нормъ довольствія, въ опредѣленіи такихъ

отвлеченныхъ понятій или образовъ, какъ дисциплина, знамя и т. д., и т. д. Какими анекдотами обогащала она казарменный эпосъ! Избѣгая шаржа, я намѣренно ограничиваю эту область и привожу лишь очень малую часть того, что приходитъ на память. Нѣкоторыхъ эпизодовъ вѣкъ не забыть...

1894 годъ. Экзамень въ учебной командѣ артиллерійской бригады. Солдаты выборные, уже пообтесавшіеся — полтора года на службѣ. Священникъ спрашиваетъ одного:

— Скажи символъ вѣры.

— Вѣрую во единого Бога Отца, содѣвателя двора...

Отецъ Николай, въ ужасѣ воздѣвъ руки, перебиваетъ:

— Опомнись, какого двора!?

— Хрустального, батюшка.

Въ девяностыхъ годахъ «словесность» цвѣла въ казармѣ махровымъ цвѣтомъ, забивая головы пространными отвлеченными опредѣленіями уставовъ, родословными, титулами, перечисленіемъ мельчайшихъ манипуляцій и частей оружія, деталей служебнаго распорядка и домашняго обихода, безошибочно, рутинно выполняемыхъ на практикѣ, но трудно усвояемыхъ въ безцѣльной словесной передачѣ. Да еще осложненная «пунктиками» многостепеннаго начальства — произвольнымъ толкованіемъ устава, которые также надо было знать, разучивать, переучивать, подгонять къ смотря «подъ» того или другого начальника. Командиръ батальона требуетъ, напримѣръ, отвѣта «дословно»:

— Не мудрствуй, лучше устава не скажешь. Уставъ, братъ, все равно, что символъ вѣры.

А полковой говоритъ другое:

— Не надо забивать головы зубрежемъ; пусть отвѣчаютъ сознательно, своими словами.

Въ результатѣ — и такъ, и этакъ — и слова устава и вольную передачу ихъ дядькой большинству молодыхъ солдатъ приходится заучивать наизусть — по малому разви-

тію, по недостатку въ ихъ бѣдномъ лексиконѣ нужныхъ словъ, по темнотѣ деревенской.

— Знамя есть священная хворугъ, какъ образъ... Повтори!

— Знамя есть священная харугъ...

— Не «харугъ», а «хворугъ», дуракъ. Не видалъ, чтоль, у церкви, коло крылоса?

Конечно, были и тогда учителя разумные, и ученики толковые. Но я говорю о массѣ.

Въ 1889 году въ словесной схоластикѣ пробита была серьезнѣйшая брешь драгомировской программой обученія молодыхъ солдатъ, которая, ставъ обязательной въ Киевскомъ округѣ, постепенно получила признаніе во всей арміи, была рекомендована впослѣдствіи военнымъ министромъ для руководства въ другихъ округахъ, и въ 1902 году легла въ основаніе новаго «Положенія».

Драгомировская «Памятка» прежде всего выбрасывала словесную труху, все, что можно было усвоить однимъ показомъ или что можно было дополнить и развить впослѣдствіи на опытѣ. При этомъ основнымъ положеніямъ воинской науки она придала видъ краткихъ, элементарныхъ по формѣ и легко запоминаемыхъ афоризмовъ. Известно оригинальное драгомировское опредѣленіе существа воинской дисциплины: «что прикажетъ начальникъ — дѣлай. А противъ Государя — не дѣлай».

Можно бы возразить противъ такого суженія или чрезмѣрнаго распространенія — какъ хотите — понятія о «приказаніяхъ явно не законныхъ», которыя не долженъ былъ исполнять подчиненный. Но, съ другой стороны, совершенно бесполезно было бы втолковывать молодому солдату такія юридическія тонкости «законности», въ которыхъ блуждали не разъ и «Рѣшенія главнаго военного суда».

Неудачный послѣдователь драгомировской показной науки, комендантъ Новогеоргіевской крѣпости, посѣтивъ однажды пѣхотныя казармы въ сопровожденіи своего на-

чальника штаба, и, желая испытать познанія солдатъ, вдругъ приказалъ одному изъ нихъ:

— Коли начальника штаба!

Солдатъ, не раздумывая ни секунды, вскинулъ ружье и готовъ былъ сдѣлать выпадъ... Грузный начальникъ штаба отпрянулъ въ сторону, а комендантъ успѣлъ ухватиться за ружье. Между генералами началось рѣзкое объясненіе, и исполнительный солдатъ такъ и не узналъ — надо было или нѣтъ пропороть животь начальнику штаба.

Впрочемъ, законъ до извѣстной степени ограждалъ его судьбу: статья 69-я Военскаго устава о наказаніяхъ освобождала подчиненнаго отъ отвѣтственности, если онъ не сознавалъ преступности предписаннаго ему дѣянія.

А вотъ какъ въ аналогичномъ случаѣ поступили нѣмцы (1908 г.). Лейтенантъ Шелькампъ во время фехтованія приказалъ рядовому Беккеру нанести ему, лейтенанту, ударъ штыкомъ въ грудь. Беккеръ отказался, былъ преданъ суду за неисполненіе приказа въ строю и присужденъ къ заключенію въ военную тюрьму на 43 дня. Высшая инстанція, однако, отмѣнила приговоръ и освободила Беккера на томъ основаніи, что онъ не исполнилъ приказа... вслѣдствіе ограниченности умственныхъ способностей.

«Словесность» съ годами освобождалась замѣтно отъ схоластики; только «пунктики» начальства — разнообразное и подчасъ противорѣчивое толкованіе устава и обычая — сохранились до послѣднихъ дней старой арміи. «Шестьдесятъ пунктиковъ» ген. Сандецкаго — это конечно исключеніе; но въ болѣе мягкой формѣ «пунктики» вторгались въ казарменную жизнь повсюду. Въ 1910 и 1913 годахъ дважды повторено было Высочайшее повелѣніе — начальникамъ руководствоваться утвержденными уставами и наставленіями, не сочиняя своихъ собственныхъ.

«Словесность», кромѣ знаній, должна была давать воспитаніе солдату. Этой же цѣли должны были удовлетворять развлечения, скрашивающія и заполняющія солдатскій досугъ...

Въ область солдатскихъ увеселеній, какъ и вообще народныхъ, культура проникала съ превеликимъ трудомъ. На праздникахъ устраивались обыкновенно зрѣлища и игры для нижнихъ чиновъ — одни унаслѣдованныя чуть ли не отъ временъ Іоанна Грознаго, вродѣ «бѣга въ мѣшкахъ» или намыленного столба, съ немудрящимъ призомъ на верхушкѣ; другія — модернизованныя: рассказчики, фокусники, доморощенные концерты, любительскіе спектакли. Одни спектакли чего стоили! Наиболѣе трудный родъ литературы — народные пьесы — рѣдко подымались выше лубка или балагана, или прескучныхъ діалоговъ на псевдонародномъ языкѣ, пресыщенныхъ тенденціей. Сколько разъ приходилось видѣть равнодушіе и скуку на лицахъ солдатъ во время постановки благонамѣреннѣйшей пьесы, проводящей идеи воинскаго долга, жертвы за родину, боевого подвига. «Народъ въ шинеляхъ» или «не доспѣлъ» еще тогда, или природнымъ чутьемъ постигалъ нѣкоторую фальшь въ пьесѣ...

За то какое веселье вызывали зрѣлища балаганныя, лишенные всякаго смысла, наполненныя непроходимой чужью!

Начало девяностыхъ годовъ. Казарма батареи. Полно народа. Приглашены и свои офицеры съ семьями. Идетъ заключительное дѣйствіе «Царя Максимилиана». Личность въ бумажной золотой коронѣ, со «скипетромъ» въ рукѣ, сидящая на стулѣ, произноситъ:

— Подать мнѣ непокорнаго сына Адольфа!

«Подаютъ».

— Вѣришь ли ты въ мои боги?

— Нѣтъ, я не вѣрю въ твои боги, а кладу ихъ себѣ подъ ноги.

— Ты чей сынъ?

— Я твой сынъ.

— Ахъ ты сукинъ сынъ!

«Скипетръ» съ размаху опускается на сыновнюю голову, занавѣсъ падаетъ, музыка играетъ маршъ. Въ казармѣ — ревъ удовольствія.

Въ концѣ девяностыхъ годовъ воспитательное значеніе солдатскихъ развлеченій получило повсемѣстное признаніе. Низовую инициативу смѣнило организованное участіе команднаго состава, первоначальное кустарничество — болѣе культурныя постановки, съ поддержкой изъ полковой экономіи. Въ Петербургѣ широко организованы были солдатскія чтенія въ педагогическомъ музеѣ в.-у. заведеній. Въ Вильно, въ громадномъ гарнизонномъ манежѣ шли по праздникамъ бесплатные народные спектакли для солдатъ. Не было гарнизона, полка, гдѣ бы не устраивались спектакли, концерты, чтенія съ туманными картинами и музыкой, впослѣдствіи соколиные праздники и кинематографъ.

Правда, давалось все это не легко, въ особенности въ медвѣжьихъ углахъ... Бывало, чадятъ нещадно керосиновые лампы; въ столовой, отведенной подъ зрительный залъ, душно до невозможности; взятыя на прокатъ по дешевкѣ кинематографическія ленты рвать въ глазахъ. Солдаты скучаютъ отъ «чтеніевъ», съ нетерпѣніемъ дожидаясь «разнохарактернаго дивертисмента». Ходятъ, большинство, по наряду, норовя удрать на волю — покурить, выпить... Медленно совершенствовались зрѣлища и вкусы зрителей; съ превеликимъ трудомъ преодолевалась дистанція огромнаго размѣра — отъ «Царя Максимилиана» до «Взятія Измаила», отъ «бѣга въ мѣшкѣ» до «чтенія о Суворовѣ» и соколиной гимнастики.

Въ 1901 году военное министерство рѣшило поддержать это просвѣтительное движеніе: устройство разумныхъ развлеченій всячески поощрялись имъ, но... безъ расходовъ для казны. Преимущественное вниманіе вѣдомство обратило на религіозно-нравственное воспитаніе солдатъ, для чего даны были крупныя ассигнованія на военно-цер-

ковное строительство и введены внѣбогослужебныя бесѣды полковыхъ священниковъ. Эти мѣры, какъ слишкомъ утилитарно смотрѣлъ офиціальныи отчетъ, должны были «отвлекать нижнихъ чиновъ отъ безцѣльнаго шатанія по городу въ праздничные дни и отъ сношенія съ низшими слоями городского населенія» . . .

Духовно-нравственное воспитаніе внѣдрялось также съ превеликимъ трудомъ. Не смотря на указанія свѣше, въ казарменной жизни этотъ вопросъ занималъ совершенно второстепенное мѣсто, трудно поддаваясь начальническому учету и заслоняясь всецѣло заботами и требованіями чисто матеріальнаго, прикладнаго порядка. Казарменный режимъ, гдѣ все — и христіанская мораль, и исполненіе обрядовъ, и религіозныя бесѣды — имѣло характеръ офиціальныи, обязательныи, часто принудительныи, не создавало надлежащаго настроенія. Командовавшіе частями знаютъ, какъ трудно бывало разрѣшеніе вопроса даже объ исправномъ посѣщеніи церкви; и какъ иногда трудно было заставить офицеровъ ходить «для примѣра» въ свою полковую церковь, если она бѣдна, тѣсна и расположена гдѣнибудь на окраинѣ, а тутъ же поблизости — сіяютъ огнями и привлекаютъ сладкозвучнымъ пѣніемъ городскіе храмы... Зачастую только «нарядъ» и выручалъ.

Я думаю, что въ лучшемъ случаѣ солдатъ оставлялъ казарму съ тою же вѣрою и суевѣріями, которыя приносили изъ дому.

Но не въ этихъ только областяхъ былъ недочетъ казарменнаго воспитанія. Какъ я говорилъ уже въ предыдущемъ томѣ, казарма не дѣлала ничего или почти ничего для познанія солдатомъ своей родины и своихъ сыновнихъ обязанностей въ отношеніи ея; не воспитывала въ чувствѣ здороваго патріотизма и даже наканунѣ войны не разъясняла ея смысла . . .

Можно привести рядъ примѣровъ изъ практики нашихъ враговъ и союзниковъ, на основаніи производившихся у

нихъ анкетъ *): какъ въ германской арміи рѣдко кто изъ новобранцевъ слышалъ о Бисмаркѣ; какъ въ Италіи 27% не слышали о Гарибальди; во Франціи 42% не имѣли понятія объ Эльзасѣ и Лотарингіи. 55% никогда не слышали о Наполеонѣ и половина рекрутъ, уроженцевъ Орлеана, не знала объ Орлеанской Дѣвѣ... Но всѣ эти недочеты патриотическаго воспитанія меркнутъ передъ всеобщимъ, повальнымъ отсутствіемъ отечествовъ дѣнія въ массѣ русскаго народа.

Если въ этомъ грѣхѣ повинны были, на ряду съ военнымъ вѣдомствомъ, государство, гражданская школа и семья, то въ отсутствіи моральной подготовки къ войнѣ болѣе повинно общее направленіе правительственной политики. Не какой либо оппозиціонный органъ, а официальное описаніе русско-японской войны о причинахъ неудачи ея говоритъ: «Въ то время, какъ въ Японіи весь народъ, отъ члена Верховнаго совѣта до послѣдняго носильщика, отлично понималъ и смыслъ и самую цѣль войны съ Россіей, когда чувство мщенія и непріязни къ русскому человеку накоплялось здѣсь цѣлыми годами, когда о грядущей войнѣ съ Россіей говорили всѣ и всюду, у насъ предпріятія на Дальнемъ Востокѣ явились для всѣхъ полной неожиданностью»...

Мы молчали.

Можно было думать, что не легко доказать народу и арміи необходимость для Россіи японской войны... Но прошло десять лѣтъ, вновь сгустились тучи надъ страной, и исторія повторилась съ удивительною точностью: въ сосѣднихъ странахъ происходила планомѣрная и горячая работа по моральной подготовкѣ къ войнѣ съ Россіей — не только арміи, но и общества и народа.

Мы — же опять молчали.

Правительство наше для «успокоенія» общества чинило препятствія къ устройству лекцій и собраній, посвящен-

*) Девятисотые годы.

ныхъ роковому Восточному вопросу и давило на прессу. Доходило до того, что въ провинціи полиція воспрещала исполненіе въ общественныхъ мѣстахъ гимна родственной намъ и дружественной Сербіи... Какъ будто нарочно принимались мѣры, чтобы понизить подъемъ настроенія страны и заглушить тотъ драгоценный порывъ, который является первѣйшимъ импульсомъ и залогомъ побѣды.

Государь обратилъ вниманіе, что въ переживаемые страну тревожные дни военно-служащіе принимали участіе въ распространеніи слуховъ о нашихъ приготовленіяхъ къ войнѣ и готовящейся, будто, мобилизаціи; и повелѣлъ принять мѣры къ прекращенію этого явленія (1912 г.). Этого необходимаго напominанія было достаточно, чтобы не въ мѣру усердные исполнители наложили окончательный запретъ на всю область моральной подготовки къ войнѣ:

— Отъ грѣха подальше...

И казарма передъ надвигавшейся грозой замкнулась накрѣпко въ скорлупѣ своихъ повседневныхъ заботъ. Рѣдко, рѣдко гдѣ, съ опасливой оглядкой, знакомили солдатъ въ популярной формѣ съ ролью Россіи въ отношеніи балканскихъ славянъ, съ историческими задачами нашими на Востокъ и противодѣйствіемъ имъ со стороны сосѣдей, словомъ — со смысломъ и значеніемъ тѣхъ событій, которыя, вопреки нашему желанію, могли увлечь страну нашу на путь кровавыхъ столкновеній...

И увлекли.

* * *

★

Внѣшняя выправка, физическія упражненія и строевое образованіе встрѣчали меньшія затрудненія, нежели «словесность», но и эти отрасли обученія требовали много лишняго времени и труда по двумъ причинамъ: отсутствія хоть какой-нибудь допризывной подготовки и полнаго пренебреженія русской молодежи къ спорту.

Въ 1908 году Государь повелѣлъ «завести въ деревняхъ обученіе дѣтей въ школахъ строю и гимнастикѣ запасными и отставными унтеръ-офицерами за малую плату»... Въ томъ же году инспекторъ народныхъ училищъ Екатеринославской губ. Луцкевичъ — первый завелъ въ Бахмутскомъ уѣздѣ обученіе школьниковъ строю, за что удостоился Высочайшей благодарности. Въ 1909 году, по указанію Государя, особая комиссія изъ членовъ министерствъ военнаго и народнаго просвѣщенія занялась вопросомъ «о надлежащемъ военномъ воспитаніи въ школахъ гражданского вѣдомства», получившемъ формальное осуществленіе въ 1912-1913 годахъ. Наконецъ, въ 1911 году было утверждено положеніе «о внѣшкольной подготовкѣ русской молодежи (не свыше 15 лѣтъ) къ военной службѣ».

По внѣшности какъ-будто дѣло налаживалось. И въ Петербургѣ на Высочайшихъ смотрахъ въ 1911 и 1912 годахъ картинно проходили 6—10 тысячъ «потѣшныхъ». Но по существу вся «уродливая организація потѣшныхъ» — какъ говоритъ ген. Ю. Даниловъ — служила «больше карьернымъ цѣлямъ ихъ основателей и ревнителей, чѣмъ дѣлу серьезной подготовки молодежи къ защитѣ своей родины».

Начинанія правительства разбивались о несочувствіе общества, не довѣрявшаго правительству и тронутаго идеями анти-милитаризма, о страстное противодѣйствіе прогрессивной печати. Съ самого начала, не имѣя общественной матеріальной поддержки, дѣло стало увядать, тѣмъ болѣе, что въ основу его была положена все та-же старая система, опредѣляемая безсмертной фразой: «безъ расходовъ для казны».

Да и поздно уже было.

Что касается втораго обстоятельства — спорта, то единственнымъ «спортомъ», который зналъ главный контингентъ арміи, были немѣренныя версты безконечныхъ русскихъ дорогъ и тяжкій трудъ землепашца, преждевременно гнувшій спины... Выносливость русскаго солдата,

дѣйствительно, была исключительной. Даже такой естественный спортъ, какъ плаваніе, былъ не въ чести — и въ мирномъ быту и, въ особенности, на службѣ, гдѣ, изъ боязни отвѣтственности за подчиненнаго, допускалось купаніе только на отмѣченномъ или огороженномъ мѣстѣ, обыкновенно очень мелкомъ. И при всемъ этомъ статистика отмѣчала за періодъ, напримѣръ, 1896—1901 гг. большую цифру — 814 утонувшихъ нижнихъ чиновъ...

За малыми исключеніями молодые солдаты являлись въ казарму въ полномъ смыслѣ «сырыми». Выправка приобрѣталась не скоро. Къ тому же мѣшала ей одежда, въ которую облекали молодыхъ — не только лишенная щегольства, но во многихъ частяхъ представлявшая изрядную рвань.

Бывало смотришь на эти первые шаги будущаго воина — и смѣшно, и жалко становится. Стараніе такъ и претъ изъ него, но корни военной премудрости горьки, долго не дается она. Движенія неуверенны, угловаты, ружье валится изъ рукъ; возьметъ разбѣгъ такой, что стѣну проломить впору, а передъ самой «кобылой» остановится какъ вкопанный, уткнувшись въ нее животомъ, на потѣху всей казармѣ. Силачъ — подковы гнетъ — не можетъ подтянуться на 5-6 ступеней по наклонной лѣстницѣ: потъ каплетъ градомъ, трещитъ по швамъ «4-й срокъ», и опускается безпомощно и виновато грузное тѣло.

Дядька, вѣдь, не знаетъ анатоміи и физиологіи, не знаетъ объ индивидуальныхъ предѣлахъ физическаго напряженія и необходимости постепенной тренировки для укрѣпленія мышцъ. «Должонъ быть — какъ всѣ». И потому:

— Еще разъ!

Колютъ молодые — чучела. Сколько разъ промахнется или растянется по полу вмѣстѣ съ ружьемъ... Или первая стрѣльба съ уменьшеннымъ зарядомъ: сколько молодыхъ «дергаютъ», «клюютъ», пока не привыкнутъ къ выстрѣлу. А смѣнная ѣзда, въ особенности въ артиллеріи, куда съ меньшимъ разборомъ назначались люди, подходя-

щие къ конному дѣлу, чѣмъ въ кавалерію... Ужъ само общепринятое названіе занятія — «гонять смѣну» — краснорѣчиво; но еще болѣе колоритенъ тотъ спеціальнѣйшій жаргонъ, выработывавшійся многими поколѣніями, къ которому прибѣгали обучающіи смѣну, даже терпѣливѣйшіе.

Вообще, очень не мудреная начальная солдатская наука давалась русскому пахарю трудно. И отношеніе свое къ ней онъ опредѣлялъ словами пѣсни, отнюдь не поощрявшейся начальствомъ:

.
А ученье — все мученье,
Между прочимъ — чижело.

Но какъ бы то ни было, уже послѣ окончанія первоначальнаго обученія (4-хъ или 5-ти мѣсячнаго) солдата узнать нельзя: по внѣшнему виду, выправкѣ, сообразительности. Подавленность и замкнутость его прошли, кругозоръ съ годами раздвигается. Онъ еще попадетъ, быть можетъ, не разъ въ анекдотъ въ области отвлеченныхъ понятій, но въ практической жизни проявитъ смысленность, свойственную русскому человѣку и обостренную военной выучкой. Ту «солдатскую смекалку», которая проявлялась такъ часто — не только въ умѣньи «варить щи изъ топора» или перегонять денатуратъ черезъ противогазы, но и во многихъ другихъ случаяхъ: въ легкомъ общеніи съ иноязычнымъ населеніемъ тѣхъ краевъ, куда забрасывала его судьба, въ быстрой приспособляемости къ труднымъ и сложнымъ, подчасъ, условіямъ походной, бивачной, окопной и боевой жизни.

Въ концѣ начальнаго обученія — смотръ молодымъ солдатамъ — первый настоящій смотръ, страшный для молодыхъ, а еще болѣе для ротнаго командира. Смотритъ командиръ полка во главѣ комиссіи изъ штабъ-офицеровъ — по грамотѣ и словесности каждаго, по строю всѣхъ; лазаретъ — единственное убѣжище, куда можно упрятать отъ смотря тупого или недоучившагося молодого...

Потомъ — присяга подъ полковымъ знаменемъ на вѣрность царю и отечеству. «Молодые солдаты» становятся «рядовыми», одни остаются въ ротѣ, другіе расходятся по разнымъ назначеніямъ.

* * *

*

Ученья, походъ, маневры — это уже работа коллектива — войсковой части, боевого порядка, въ которой отдѣльный боецъ сливается съ массой и только въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ проявить свою индивидуальность. Но, участвуя въ массовыхъ дѣйствіяхъ, онъ все же продолжаетъ учиться и расширять свой военный кругозоръ — въ узкихъ, конечно, предѣлахъ своей роты, эскадрона, батареи. Интенсивность и польза такого обученія зависятъ отъ двухъ причинъ: рациональнаго вожденія войскъ и индивидуальной подготовки, дающей возможность осознать происходящее.

Какую же индивидуальную подготовку получали солдаты, пройдя начальный курсъ обученія, въ послѣдующіе 2-3 года службы? Для многихъ частей и для многихъ людей — чрезвычайно малую.

Фактически служба продолжалась въ пѣхотѣ 2 г. 10 м. Число праздничныхъ дней въ году, указываемое закономъ, было 91, т. е. четверть года*)... Только итальянская и испанская арміи превосходили насъ въ этомъ отношеніи, такъ какъ тамъ праздновали 100 дней въ году.

Отъ 3 до 4¹/₂ мѣсяцевъ за время службы уходило на «вольныя работы» — этотъ пережитокъ старины, который съ пѣною у рта отстаивали рачительные хозяева, такъ какъ треть заработанныхъ солдатами на сторонѣ денегъ шла въ полковую экономію. На этой почвѣ доходило до курьез-

*) Обслѣдовавшая вопросъ о сокращеніи числа праздничныхъ дней Высоч. утв. комиссія нашла, что русское населеніе празднуетъ 100—120 дней, а въ пѣкоторыхъ мѣстностяхъ и 150 дней (09 г.).

зовъ. Такъ, были случаи преданія суду за отказъ отъ «вольныхъ» работъ; команды 19 и 20 стр. полковъ изъ-за высокой платы отпускались негласно на полевые работы въ приграничные районы Германіи; нештатный хоръ трубачей 48 рез. кадр. батареи, которой командовалъ извѣстный въ артиллеріи своими выходками полк. В—ій, ежегодно лѣтомъ отправлялся на заработки на нѣмецкіе курорты... И т. д. Въ 1900 году главнокомандующій Петербургскимъ округомъ своею властью прекратилъ у себя «навсегда» вольныя работы, а черезъ 6 лѣтъ онѣ были отмѣнены и въ законодательномъ порядкѣ.

Это — относительно времени занятій. А вотъ и условія ихъ продуктивности. До 1907—1910 г. въ войскахъ Приамурскаго и Иркутскаго округовъ части содержались почти въ военномъ составѣ, въ западныхъ пограничныхъ округахъ — въ усиленномъ; въ прочихъ роты имѣли 48 рядовъ, почему съ осени до постановки въ общій строй молодыхъ солдатъ въ ротахъ числилось по списку не болѣе 70 старослужащихъ. Это число, благодаря командировкамъ и огромнымъ нарядамъ, фактически уменьшалось до смѣшного: выдѣленіе въ многочисленныя команды, въ портные, сапожники, хлѣбопеки, музыкантскіе ученики, въ офицерскую прислугу... Однихъ денщиковъ въ русской арміи было 53 тысячи, т. е. корпусъ военнаго состава; только законоположеніе 1908 года сократило эту цифру до 20 тыс., отнявъ «казенную прислугу» у множества офицеровъ и военныхъ чиновниковъ чисто административной службы. Большіе наряды на хозяйственныя работы, чисто интеллигентскаго типа, обремененіе громадными складами, обрацавшее резервныя войска изъ воиновъ въ караульщики и хранителей своихъ мобилизаціонныхъ запасовъ... Наконецъ, въ тревожные годы — несеніе чисто полицейскихъ обязанностей, выматывавшее всѣ силы и обрацавшее войска въ милицію. Въ Варшавскомъ округѣ было много частей, несшихъ караульную службу черезъ день; кавалерійскіе полки, командированные въ Поволжье и разбросанные мел-

кими частями, въ теченіе трехъ лѣтъ не видѣли ни одного полкового ученья; роты Красносельскаго лагеря, находившіяся, вообще, въ лучшихъ условіяхъ, имѣя по штату 104 рядовыхъ, выводили на ученья не болѣе 28 рядовъ...

Въ общемъ, какъ норма, въ дни, свободные отъ карауловъ и общихъ нарядовъ, въ ротѣ на занятія со старослужащими являлось человекъ 10-15, да и то переменныхъ: сегодня одни, завтра другіе. При такихъ условіяхъ веденіе сколько нибудь систематическихъ занятій съ солдатами на 2-3 году службы было чрезвычайно трудно. Законъ мирился съ такимъ положеніемъ, и въ основу обученія молодыхъ долгіе годы поставлено было прохожденіе солдатомъ въ первый годъ его службы в с е й солдатской премудрости, а старослужащимъ предоставлялось только «повтореніе и укрѣпленіе пройденнаго». Только въ 12 году новыя положенія объ обученіи войскъ провели послѣдовательно прогрессивное обученіе.

Мнѣ встрѣтилось какъ-то въ военномъ органѣ статистическое изслѣдованіе вопроса — сколько времени шло фактически на обученіе пѣхотнаго солдата. Авторъ опредѣлялъ — и не безъ нѣкотораго основанія, что въ среднемъ, за три года службы, не болѣе 330 дней.

Между тѣмъ, вопросъ о возможно меньшихъ срокахъ дѣйствительной службы, находящійся въ зависимости отъ уровня культуры страны и современнаго военного искусства въ такой же степени, какъ и отъ правильнаго использованія солдатскаго времени, имѣетъ огромное значеніе. И для сбереженія рабочихъ рукъ въ народномъ хозяйствѣ, и для накопленія запаса для арміи. Исходя изъ цифры 1.350 тыс. — численнаго состава старой русской арміи въ мирное время, ежегодный призывъ и, слѣдовательно, ежегодное накопленіе запаса — по грубому расчету — выражалось такими цифрами:

При 4-хъ годичной службѣ . . .	337.500
При 3-хъ годичной службѣ . . .	450.000
При 2-хъ годичной службѣ . . .	675.000

Благодаря большимъ срокамъ службы, во время великой войны у насъ, по расчетамъ ген. Ю. Данилова, было поставлено подъ ружье 8 мил. изъ 25 мил. людей призывнаго возраста, т. е. 5% населенія Россіи, тогда какъ Германия имѣла возможность выставить до 12% своего населенія.

* *
*

Системы обученія мѣнялись со временемъ и, какъ и во всѣхъ арміяхъ, какъ и все въ мірѣ, совершенствовались. При современномъ состояніи воздухоплаванія какими смѣшными и жалкими, къ примѣру, кажутся полеты, производившіеся четверть вѣка тому назадъ и вызывавшіе наши восторги...

Николаевская эпоха, не взирая на блескъ побѣдъ надъ турками, персами, поляками, была періодомъ упадка русскаго военнаго искусства, который такъ наглядно вскрыла Севастопольская кампанія. Время шпицрутена, плацъ-парада, шагистики, «примѣрнаго» обученія и отсталой, какъ никогда, техники. Теперь и повѣрить трудно въ существованіе такъ называемаго «гусинаго шага» (официально — «учебный шагъ»), которымъ солдаты ходили по цѣлымъ часамъ, долго вытягивая ногу и рѣзко потомъ печатающая шагъ:

— А-а-а-а ... -ать!

Это неестественное искаженіе человѣческой поступи — которое еще я застала — заимствованное изъ прусской муштры, считалось чуть ли не цѣлый вѣкъ основой фронтового обученія... Или заряджаніе «на восемнадцать темповъ», «примѣрная» стрѣльба изъ орудій и другіе пережитки добраго стараго времени... Вѣдь въ первой половинѣ 19 вѣка и вплоть до Крымской кампаніи солдатъ обучали только прикладкѣ (но не прицѣливанію) и стрѣльбѣ холостыми патронами, а обученія рубкѣ и штыковому удару и въ поминѣ не было...

Насколько въѣдалась рутина «примѣрнаго» (не настоящего) обученія, объ этомъ М. И. Драгомировъ въ одной изъ своихъ замѣтокъ разсказалъ забавный эпизодъ:

— 54-й годъ... На батарееѣ ложатся непріятельскіе снаряды. «Номеръ съ сумой» ошалѣлъ. Сдѣлалъ отрывистый поворотъ, хлопнувъ себя ладонью по ягодицѣ, и замаршировалъ къ зарядному ящику. Подошелъ, протянулъ руки какъ-бы для пріема снаряда («примѣрно»), затѣмъ повернулъ къ орудію; опять хлопнулъ себя пониже спины и пошелъ къ зарядному ящику...

Такъ и маршировалъ, пока сочный окрикъ батарейнаго, съ упоминаніемъ предковъ, не вернулъ его къ дѣйствительности.

Съ тѣхъ поръ до начала описываемой мною эпохи прошло сорокъ лѣтъ, расчистили пути великія реформы и обновила опытъ турецкая война. Армія безспорно дѣлала успѣхи во многихъ отношеніяхъ. Но, тѣмъ не менѣе, кое-что, если не по формѣ, то по духу, оставалось въ неприкосновенности отъ того упадочнаго времени.

Церемоніальный маршъ и сомкнутый строй превалировали надъ боевыми построеніями, «тонкая» стрѣльба съ измѣренныхъ разстояній — надъ боевой, строевое ученье — надъ маневрированіемъ. Развѣдка, примѣненіе къ мѣстности оставались на второмъ планѣ. Уже вводилась скорострѣльная артиллерія, и раздавались предостерегающіе голоса о «пустынности» будущихъ полей сраженій, на которыхъ ни одна компактная цѣль не можетъ появиться, чтобы не быть сметенной огнемъ... А войска все еще ходили «ящиками», и въ передовомъ Варшавскомъ округѣ, наканунѣ японской войны, ротныя и батальонныя колонны подходили вплотную къ цѣпямъ шагомъ, въ ногу, «для отраженія огнемъ атаки» и, сдѣлавъ нѣсколько залповъ, отходили во вторую линію такимъ же порядкомъ...

Кавалерія для сохраненія лошадиныхъ «тѣлъ» избѣгала поля, пересѣченной мѣстности и большихъ аллюровъ. Шутники острили:

— Мы всѣ походныя движенія дѣлаемъ перемѣннымъ аллюромъ...

— Какъ?

— Верста шагомъ, верста — въ поводу.

Какъ въ пѣхотѣ «чувство локтя», такъ и въ конницѣ «чувство стремени», понимаемая не въ смыслѣ моральной близости и поддержки, а въ буквальномъ — приводило къ предпочтенію «ящиковъ» разомкнутымъ строямъ. Боемъ въ спѣшенномъ строю и стрѣльбою пренебрегали. Не скоро совершился переходъ къ полевому галопу, къ втягиванію конскаго состава, къ полю, къ новымъ разрѣженнымъ строямъ.

Въ артиллеріи учились только на конныхъ ученіяхъ, а не на маневрированіи; такъ же, какъ и въ кавалеріи, «берегли лошадей», а для стрѣльбы выѣзжали картинно на открытыя позиціи. Въ обученіи орудійной прислуги царили рутина и примѣрщина. Какъ трудно, вообще, разстаться люди съ привитой имъ рутиной, свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что еще въ 1893 году намъ приходилось продѣлывать въ паркѣ по цѣлымъ часамъ смѣшную и прескучную пантомиму, называвшуюся «ученье въ паркѣ»... Когда одинъ «номеръ» изображалъ руками вкладываніе въ казенную часть орудія воображаемыхъ снаряда и заряда, другой подталкивалъ ихъ банникомъ, всѣ номера бросались накатывать неоткатившуюся пушку, а потомъ, по командѣ «ѣздовые садись», выбѣгали впередъ и продѣлывали руками нелѣпыя пассы, представляя, что они помогаютъ сѣсть въ сѣдло отсутствовавшимъ ѣздовымъ.

Впрочемъ, уже въ ближайшіе годы, подъ влияніемъ идей Драгомирова и подъ руководствомъ извѣстнаго артиллериста, ген. Постовскаго, въ нашемъ корпусѣ «примѣрщина» стала быстро выводиться. И вообще артиллерія, за исключеніемъ предрасудка открытыхъ позицій, за который пришлось расплачиваться большою кровью и который былъ брошенъ въ первые же мѣсяцы японской войны, оказалась болѣе подготовленной къ ней, нежели другіе роды оружія.

Въ 1904 году русское военное искусство помѣрилось съ нѣмецкой школой, влитой въ японскія національныя формы, и потерпѣло уронъ.

Японская война развѣнчала многія прочно сложившіяся репутаціи, въ томъ числѣ подвела подъ сомнѣніе и того, который въ теченіи полувѣка справедливо пользовался славою лучшаго воспитателя и учителя солдата, который являлся истолкователемъ суворовской «науки — побѣждать» — М. И. Драгомирова. Послѣдній годъ жизни «на покоѣ», когда разверзлись уста его идейныхъ противниковъ, въ особенности же людей, уязвленныхъ когда либо его острымъ словомъ или служебнымъ воздѣйствіемъ, доставилъ М. И-чу много тяжелыхъ душевныхъ переживаній. Противники считали его чуть ли не главнымъ виновникомъ нашего пораженія въ Манчжуріи. Это онъ — говорили и писали они — съ проповѣдью устарѣвшаго суворовскаго афоризма «пуля — дура, штыкъ — молодецъ» — воспитывалъ войска въ пренебреженіи къ фактору, рѣшающему на полѣ боя — огню. Это онъ, отдавая все вниманіе «человѣку» и «духу», игнорировалъ совершенно могущество современной техники, задержавъ ея развитіе на многіе годы, благодаря своему авторитету и вліянію... Драгомировъ, отвѣчая на нападки, незадолго передъ своею смертію писалъ:

«Господа, съ непонятнымъ упорствомъ приписывающіе Драгомирову презрѣніе къ огню, имѣютъ дѣло не съ подлиннымъ, а фиктивнымъ Драгомировымъ. По его убѣжденію всегда было, что огонь и штыкъ не исключаютъ, а дополняютъ другъ друга. Первый, предложившій ученіе съ боевыми патронами и зарядами — это былъ Драгомировъ, а никто другой».

М. И. могъ бы сказать еще многое своимъ оппонентамъ о своихъ заслугахъ и въ этой области. Но не предвидѣніе имъ успѣховъ техники неоспоримо. Передъ самой войной онъ ратовалъ противъ щитовъ къ орудіямъ и даже противъ закрытыхъ позицій, усматривая въ стремленіи

укрыться — элементъ шкурничества; даже во время войны, открывшей глаза на многое, онъ считалъ, напримѣръ, пулеметы «безполезными» въ полевомъ бою пѣхоты и напрасно усложняющими ея организацію; онъ не дооцѣнивалъ современныхъ средствъ связи въ бою — телеграфа и телефона — предпочитая имъ связь «людьми»... Въ этой области онъ несетъ свою долю исторической отвѣтственности, раздѣляя ее со всѣмъ высшимъ руководствомъ арміи, съ тѣмъ широкимъ теченіемъ русской военной мысли, которое, ведя борьбу за господство «духа» надъ «матеріей», подымало «духъ» на подобающую ему высоту, но не использовало всѣхъ возможностей, представляемыхъ «матеріей».

Во всякомъ случаѣ то многое, чрезвычайно цѣнное, чему училъ и научилъ Михаилъ Ивановичъ Драгомировъ, составляетъ его большую и неоспоримую заслугу и понадобится не одному еще поколѣнію.

*

* * *

Японская война имѣла огромное значеніе въ развитіи русской арміи.

Горечь пораженія, ясное сознаніе своей отсталости вызвали большой подъемъ среди передового офицерства и заставили понемногу или перемѣнить направленіе или уйти въ сторону многое косное и устарѣвшее. Не смотря на рядъ препятствій и задержекъ, зависѣвшихъ и независѣвшихъ отъ военнаго вѣдомства, въ теченіе десяти лѣтъ, слѣдовавшихъ за войною, русская армія, не достигнувъ, конечно, идеала и далеко не закончивъ своей реорганизаціи, все же сдѣлала большіе успѣхи. Не было области въ организаціи и обученіи арміи, которая не подверглась бы тому или другому улучшенію.

Для меня нѣтъ сомнѣнія, что, не будь тяжкаго ман-

чжурскаго урока, Россія была бы раздавлена въ первые же мѣсяцы великой войны.

Налаживалась понемногу и казарменная жизнь — въ смыслѣ общаго благоустройства, лучшаго удовлетворенія матеріальныхъ потребностей солдата и его духовныхъ запросовъ. Устанавливались и болѣе здоровыя отношенія между солдатомъ и офицеромъ, выдержавшія испытаніе манчжурскаго пораженія и первой революціи, устоявшія въ небывало тяжелыхъ условіяхъ великой войны въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ — когда кадровая армія смѣнилась вооруженнымъ народомъ.

... Пока глубокіе историческіе процессы не ввергли въ хаосъ всю страну, сокрушивъ власть и армію.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Въ юнкерскомъ училищѣ	7
Въ артиллерійской бригадѣ	73
Казарма	125

ОТВАРАНИЕ

7
12
122

В. С. Савицкий
В. С. Савицкий
В. С. Савицкий

Libr. «La Source», 106, rue de la Tour, Paris (16e)
РУССКОЕ КНИЖНОЕ ДѢЛО «РОДНИКЪ»

	Фр.
Ген. Н. Головинъ. Будущее російской воору- женной силы (распродано)	100
Ген. Н. Головинъ. Будущее російской воору- женной силы. (Общія основанія)	12
Ген. Н. Головинъ. Изъ исторіи кампаніи 1914 г. Галиційская битва (первый періодъ). Съ картами	125
Ген. Н. Головинъ и полк. А. Зайцовъ. Учеб- никъ тактики, 5 выпусковъ (готовится къ печати).	
Ген. А. Деникинъ. Старая армія, ч. I	18
Ген. А. Деникинъ. Старая армія, ч. II	25
Ген. А. Деникинъ. Офицеры	15
Заревандъ. Турція и Пантуранизмъ	15
В. Корсакъ. Пльнь	20
В. Корсакъ. Забытые	15
Н. Любимовъ (Гольденвейзеръ). Да здрав- ствуетъ эмиграція	10
П. Мельгунова. Где не слышно смѣха	12
С. Мельгуновъ. Гражданская война въ освѣще- ніи П. Н. Милюкова	10
С. Мельгуновъ. Н. В. Чайковскій въ годы гражданской войны	25
К. Миллеръ. Французская эмиграція и Россія въ царствованіе Екатерины II	45
П. Милюковъ. Россія на переломѣ, 2 тт.	80
«Памяти Погибшихъ». Сборникъ подъ ред. П. Милюкова и др.	20
Сборникъ матеріаловъ по чествованію 70-лѣтія П. Н. Милюкова	30
Что дѣлать русской эмиграціи (Бунаковъ, Гип- піусъ и др.)	5

Изданіе книжнаго дѣла «Родникъ».
Libr. «La Source». 106, r. de la Tour, Paris-16.

Складъ изданія въ Берлинѣ:

PETROPOLIS-VERLAG A. G.

Berlin W. 15.

ВРК

25852

1) 125
115

240

2) 344

3) 1

50.000-

